

ISSN 2782-3067

RUSSIA & WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

РОССИЯ И МИР

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

ТОМ 1 №1 | VOL. 1 NO.1
СЕНТЯБРЬ | SEPTEMBER | 2021

Наука, исследования,
аналитика

Консалтинг,
проекты

Цифровые технологии
и решения

Издательская
и медиадеятельность

Просвещение
и обучение

Гуманитарные
коммуникации

*Искусство диалога
и доверия*

 Москва, Коробейников переулок, 22, строение 1

 +7 (495) 252-67-88 www.nicrus.ru institut@nicrus.ru

Russia & World: Scientific Dialogue

РОССИЯ И МИР: НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

Том 1 № 1 | Vol. 1 No. 1
СЕНТЯБРЬ | SEPTEMBER | 2021

Журнал «Россия и мир: научный диалог» предоставляет непосредственный открытый доступ к своему контенту, исходя из следующего принципа: свободный открытый доступ к результатам исследований способствует увеличению глобального обмена знаниями.

«Russia&World: Scientific Dialogue» magazine provides direct access to its content based on the following principle: free open access to the results of research contributes to increased global knowledge sharing.

Издается 4 раза в год

Июль – сентябрь 2021

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-81013
от 17 мая 2021 г. выдано Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN 2782-3067

Архивация:
Российская государственная библиотека
Национальный электронно-
информационный консорциум

Издатель:
АНО «Национальный исследовательский
институт развития коммуникаций»

Адрес: 119034, г. Москва, пер. Коробейников,
д. 22, стр. 1.

ISSN 2782-3067

9 772782 306007 >

УДК: 327 ББК 66.4

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

НАУМКИН Виталий Вячеславович – доктор исторических наук, академик Российской академии наук (Москва, Россия).

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КОМЛЕВА Валентина Вячеславовна – доктор социологических наук (Москва, Россия).

ГАСУМЯНОВА Алина Владиславовна – кандидат юридических наук (Москва, Россия).

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

КИРИЛЛИНА Наталья Владимировна – кандидат социологических наук (Москва, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БЕГАЛИНОВА Калимаш Капсамаровна – доктор философских наук, профессор (Алматы, Казахстан).

ВОЛКОВ Владислав Викторович – доктор социологии (Рига, Латвия).

ЕГОРОВ Владимир Константинович – доктор философских наук, профессор, почётный доктор Института социологии Российской академии наук (Москва, Россия).

ЗАГРЕБИН Алексей Егорович – доктор исторических наук, профессор Российской академии наук (Ижевск – Москва, Россия).

ЛЕОН-ДАРДЕР Фидель – доктор экономики (Валенсия, Испания).

РАХИМОВ Мирзохид Акрамович – доктор исторических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан).

РЯЗАНЦЕВ Сергей Васильевич – доктор экономических наук, член-корреспондент Российской академии наук (Москва, Россия).

ШАБРОВ Олег Федорович – доктор политических наук, профессор (Москва, Россия).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ

ФЕДОРОВ Александр Вячеславович – председатель Международного научного совета, кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Москва, Россия).

ГАСУМЯНОВ Владислав Иванович – заместитель председателя Международного научного совета, директор Национального исследовательского института развития коммуникаций, доктор экономических наук (Москва, Россия).

БЕЛОУСОВ Михаил Владимирович – кандидат социологических наук (Москва, Россия).

КАМАЛОВ Армаис Альбертович – доктор медицинских наук, профессор, академик Российской академии наук (Москва, Россия).

ХОДЬКО Вячеслав Трофимович – кандидат технических наук (Санкт-Петербург, Россия).

EDITOR-IN-CHIEF

Vitaly V. NAUMKIN – DSc (Hist.), professor, full member of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

DEPUTY CHIEF EDITORS

Valentina V. KOMLEVA – DSc (Soc.), head of the Analytics department of the National Research Institute for Communications Development (Moscow, Russia).

Alina V. GASUMYANOVA – CandSc (Law) (Moscow, Russia).

EXECUTIVE EDITOR

Natalia V. KIRILLINA – CandSc (Soc.) (Moscow, Russia).

EDITORIAL BOARD

Kalimash K. BEGALINOVA – DSc (Philos.), professor (Almaty, Kazakhstan).

Vladislav V. VOLKOV – Doctor of Sociology (Riga, Latvia).

Vladimir K. EGOROV – DSc (Philos.), professor, Honorary Doctor of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Alexey E. ZAGREBIN – DSc (Hist.), Professor of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk – Moscow, Russia).

Fidel LEON-DARDER – Doctor of Economics (Valencia, Spain).

Mirzokhid A. RAKHIMOV – DSc (Hist.), professor (Tashkent, Uzbekistan).

Sergey V. RYAZANTSEV – DSc (Econ.), professor, corresponding member of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Oleg F. SHABROV – DSc (Polit.), professor (Moscow, Russia).

INTERNATIONAL SCIENTIFIC COUNCIL

Alexander V. FEDOROV, chairman of the International Scientific Council – CandSc (Law), professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Vladislav I. GASUMYANOV, deputy chairman of the International Scientific Council – DSc (Econ.), Director of the National Research Institute for Communications Development, (Moscow, Russia).

Mihail V. BELOUSOV – CandSc (Soc.) (Moscow, Russia).

Armais A. KAMALOV – DSc (Med.), professor, full member of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Vyacheslav T. KHODKO – CandSc (Tech.) (St. Petersburg, Russia).

Владислав Иванович ГАСУМЯНОВ,
доктор экономических наук,
директор Национального исследовательского
института развития коммуникаций

РОССИЯ И МИР: НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

2021 год – Год науки и технологий в России. В этот год Национальный исследовательский институт развития коммуникаций начинает выпуск международного журнала «Россия и мир: научный диалог». Наш журнал объединяет ученых независимо от их культурных, парадигмальных, мировоззренческих позиций. Мы создаем платформу для открытого обмена идеями, для взаимного ознакомления с научными достижениями – основу для диалога и сотрудничества.

Россия была и остается научной державой и по ряду открытий является мировым лидером. Известны достижения российских ученых – физиков, математиков, химиков, биологов, инженеров. Россия принимает активное участие в создании глобальной исследовательской инфраструктуры: Большой адронный коллайдер и термоядерный реактор во Франции, ядерные исследования в Швейцарии, Европейский рентгеновский лазер на свободных электронах, тяжелоионный ускоритель, исследования многозарядных ионов в Германии. Проекты уровня MegaScience с участием зарубежных коллег реализуются и на территории России: сотрудничество в космосе, исследования источника синхротронного излучения четвертого поколения, экстремальных световых полей, термоядерного реактора «Игнитор», коллайдера тяжелых ионов NICA и др.

В значительно меньшей степени мировому научному сообществу известны исследования российских политологов, социологов, философов, экономистов, историков, культурологов. В этих научных отраслях менее развито и международное сотрудничество. Речь идет не о количестве конференций и круглых столов, проведение которых упростилось в условиях цифровизации, а речь идет о совместных международных исследованиях, коллективных научных трудах – статьях, монографиях, аналитических отчетах, общей методологии международных исследований, которые весьма немногочисленны.

Вместе с тем проблемы современного общества выходят за пределы государственных границ. В условиях общественных изменений, связанных не только с техническими инновациями, но и с изменяющимися формами сознания, в условиях новых глобальных вызовов и нелинейности, внедрения новых средств коммуникации и искусственного интеллекта, очевидна необходимость использования достижений различных отраслей знаний для обеспечения справедливого и устойчивого развития. Проблемы, с которыми сталкиваются современные общества, характерны для всех государств, независимо от их политического устройства и места расположения. Это актуализирует потребность в научной кооперации для создания новых знаний, совершенствования образования, разработки совместных решений.

Национальный исследовательский институт развития коммуникаций ставит своей целью развитие многостороннего конструктивного диалога народов, этносов, культур, конфессий, государств, наднациональных институтов, международных организаций

для укрепления межкультурного и межстранового мира, доверия и согласия. Институт реализует международные научные проекты, проводит географически распределенные сравнительные исследования, разрабатывает решения и аналитические документы для органов власти и управления, издает научно-популярные журналы «Человек и мир. Диалог» и «Перспектива. Поколение поиска». С 2022 года заработает наша цифровая платформа для поиска и установления международных научных контактов и развития добрососедства. Такая социальная сеть позволит познакомить ученых и активизировать совместные исследования. Уверены в успехе наших проектов и в заинтересованности со стороны зарубежных и российских коллег.

Журнал, который вы читаете, ориентирован на публикацию результатов фундаментальных и прикладных исследований в области общественных и гуманитарных наук. Журнал публикует научно-аргументированные мнения ученых, порой не совпадающие с мнением редакции, но нам бы хотелось, чтобы наш журнал стал настоящей дискуссионной площадкой. Это наш вклад в укрепление международного научного диалога и развитие взаимопонимания на основе совместного поиска общих подходов к решению актуальных проблем. Приглашаю опытных и начинающих ученых, аналитиков и экспертов пройти этот путь вместе с нами.

С надеждой на сотрудничество,

Владислав Гасумянов

RUSSIA AND THE WORLD: SCIENTIFIC DIALOGUE

Dr Vladislav I. GASUMYANOV,
Director of National Research Institute for Communications Development

In 2021 – the Year of Science and Technology in Russia – National Research Institute for the Development of Communications is launching the new journal “Russia & World: Scientific Dialogue”. This project is intended to consolidate scientists and research teams regardless of their cultural, paradigmatic, and worldview positions. This platform is open for the exchange of ideas and for mutual acquaintance with scientific achievements as a baseline for the development of dialogue and cooperation.

Russia has always been and remains a scientific power and is a world leader in research discoveries. The achievements of Russian scientists – physicists, mathematicians, chemists, biologists, and engineers – are internationally renowned. Russia takes active part in global research infrastructure, to recall the Large Hadron Collider and International Thermonuclear Experimental Reactor (ITER), Nuclear Research in Switzerland (CERN), European X-ray Free Electron Laser Facility, the Heavy Ion Accelerator Facility (HIAF), and the research on multiply charged ions in Germany. MegaScience projects with the participation of foreign colleagues are also being implemented in Russia: cooperation in space, research into a fourth-generation synchrotron radiation source, extreme light fields, the IGNITOR thermonuclear reactor, the NICA heavy ion collider, etc.

To a much lesser extent, the world scientific community is aware of the studies of Russian scholars in political studies, sociology, philosophy, history and culture studies. Scientific collaboration in these scientific fields is less developed. Beyond the conferences and round tables catalyzed by digitalization process, these areas of science need joint international research and discussion, and, as a sequence, collective scientific works – articles, monographs, analytical reports, and general methodology of international studies, which are very few in number.

At the same time, the problems of modern society go beyond state borders. In the context of social changes associated, apart from technical innovations, with changing forms of consciousness, in the context of new global challenges and nonlinearity, the introduction of new means of communication and artificial intelligence, it is necessary to expand knowledge in various areas of studies is to ensure equitable and sustainable development. The problems faced by modern societies are typical for all states regardless of their political structure and location. This actualizes the need for scientific cooperation to create new knowledge, improve education, and develop joint solutions.

National Research Institute for Communications Development aims to develop a multilateral constructive dialogue of peoples, ethnic groups, cultures, confessions, states, supranational institutions, international organizations to strengthen intercultural and intercountry peace, trust and harmony. The Institute implements international scientific projects, conducts geographically dispersed comparative studies, develops solutions and analytical documents for the authorities and administration, and issues journals “Man and the World. Dialogue” and “Perspective. Generation Of Seekers”. In 2022 we launch a digital platform for finding and establishing international scientific contacts and the development of good neighborliness. This social network is intended to introduce scientists and intensify joint research. We are confident in the success of our projects and in the interest of our foreign and Russian colleagues.

This journal is created to reflect the results of fundamental and applied research in the field of social sciences and humanities. The journal publishes scientifically reasoned opinions of scientists, which sometimes do not coincide with the opinion of the editorial board, hence we expect this journal to become an authentic discussion platform. This is our contribution to the strengthening of international scientific dialogue and the development of mutual understanding on the basis of a joint search for common approaches to solving urgent problems. I invite experienced and novice scientists, researchers and experts to make this way with us.

In hope for future cooperation,

Vladislav Gasumyanov

Виталий Вячеславович НАУМКИН,
академик Российской академии наук,
главный редактор журнала
«Россия и мир: научный диалог»

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Вашему вниманию предлагается первый номер научного журнала «Россия и мир: научный диалог». Хотя рынок гуманитарных научных журналов в нашей стране сегодня весьма обширен, мне кажется, что журнал займет в нем свою нишу, отличаясь от других периодических изданий похожего профиля. Во-первых, по замыслу учредителей, при общей ориентации на процессы, идущие в международной жизни, его будет отличать междисциплинарный характер. Наша эпоха незаметно стирает границы между научными специальностями, поэтому мы задумали наш журнал как общегуманитарное издание широкого профиля, площадку для обмена мнениями между учеными различных специальностей, статьи и другие материалы которых будут интересны максимально большому кругу читателей. В журнале будут рассматриваться политические, экономические, социальные, культурные, исторические аспекты международных отношений, проблемы межстрановых и межкультурных коммуникаций, международной безопасности и устойчивого развития. Во-вторых, мы будем ориентироваться в первую очередь на публикацию отличающихся несомненной новизной, «прорывных», в том числе дискуссионных, исследований как фундаментального, так и прикладного характера в области всеобщей истории, политологии, истории международных отношений и внешней политики России и зарубежных государств, особенно – лежащих в близости от границ нашей страны, конфликтологии, межнациональных и межконфессиональных проблем, социологии, экономики и культурологии. Ученые этих специальностей, ставящие перед собой цель не замыкаться в границах их научных «паспортов», получают возможность встретиться на страницах нашего журнала, а обсуждения и дискуссии, которые мы надеемся проводить на его страницах, будут способствовать развитию контактов между ними, расширяя возможности для сравнительных исследований. В-третьих, само название журнала позволяет судить о том, что наше внимание будет сфокусировано в первую очередь на региональной и глобальной роли России, ее отношениях с различными партнерами на международной арене и ее интересах. В-четвертых, наше приоритетное внимание будет уделено совместным исследованиям российских и зарубежных ученых. Мы надеемся, что нам удастся способствовать развитию сотрудничества отечественных ученых с коллегами за рубежом и доведению их точки зрения до зарубежной аудитории. Наконец, страницы нашего журнала будут открыты для публикации статей молодых авторов, в том числе аспирантов, в работах которых можно найти немало новых, интересных идей.

В журнале будут публиковаться материалы наиболее интересных и соответствующих нашему профилю и намеченной ориентации международных форумов, конференций и круглых столов, а также рецензии на некоторые новейшие научные труды.

Ждем ваших рукописей.

До встречи на страницах новых номеров журнала,

Виталий Наумкин

EDITOR-IN-CHIEF FOREWORD

Dr Vitaly V. NAUMKIN,
Full Member of Russian Academy of Sciences,
“Russia & World: Scientific Dialogue” Editor-in-Chief

Herewith I present to your attention the first issue of the journal «Russia & World: Scientific Dialogue». Although the market for humanitarian scientific journals in our country today is extensive, it seems to me that the journal will fill its own niche differing from other periodicals of a similar profile. First, according to the intention of the founder and with a general orientation towards the processes taking place in international life, it will be distinguished by an interdisciplinary character. Our time imperceptibly erases the boundaries between scientific specialties, and therefore we conceived our journal as a general humanitarian publication of a wide profile, a platform for the exchange of opinions between scientists of various specialties that will be interesting for the largest possible circle of readers. The editorial board will consider political, economic, social, cultural, historical aspects of international relations, problems of intercountry and intercultural communications, international security and sustainable development. Second, we will focus on the publication of undoubtedly novelty, breakthrough and debatable studies of both fundamental and applied nature in the field of general history, political science, history of international relations and foreign policy of Russia and foreign states, especially those lying close to the borders of our country, as well as the conflict resolution studies, interethnic and interfaith problems, sociology, economics and cultural studies. Scientists of these specialties will have the opportunity to meet on the pages of our journal, and the discussions we hope to hold on its pages will contribute to the development of relevant contacts, expanding the opportunities for comparative research. Third, the very name of the journal is to emphasize, that our attention will be focused on the regional and global role of Russia, its relations with various partners in the international arena and its interests abroad. Fourth, our priority attention will be paid to joint research of Russian and foreign scientists. We hope to promote the development of cooperation between domestic scientists and our colleagues abroad and bring their point of view to a foreign audience. Finally, the pages of our journal will be always open for publication of novice authors submitting new, interesting ideas for further discussion and research.

The journal will publish the most interesting materials of international forums, conferences and round tables, as well as reviews of some of the latest scientific works that are relevant to our profile and the intended orientation.

*Look forward for new manuscripts and
hope to meet you again in the upcoming issues of our journal,*

Vitaly Naumkin

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Комлева В.В. Страновой коммуникационный режим как социально-политический феномен	13
Абдуллаев М.Х. Политизация религии: теоретическое и терминологическое осмысление проблематики.....	27

ГЕОПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Раванди-Фадаи Л.М. Партнерство без обязательств: особенности российско-иранских отношений в последние десятилетия	42
--	----

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Рахимов М.А., Парамонов В.В. Сравнение экономических отношений России и Китая со странами Центральной Азии	52
Киргизов-Барский А.В. Развитие Северного морского пути: перспективы международного сотрудничества	67

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Воронков Л.С. Североевропейские уроки для евразийской интеграции	79
Мартинovich В.А. Миграция новых религиозных движений России в Республику Беларусь	92

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И НАРОДОВ

Волков В.В. Русская школа в общественно-политическом пространстве Латвии (1991 – 2021)	105
Габриелян О.А., Габриелян Г.О. Народная дипломатия как информационно-коммуникативная технология: потребность, возможности, перспектива	115

CONTENTS

THEORY AND METHODOLOGY

Komleva V.V. Country Communication Regime as a Socio-Political Phenomenon	13
Abdullaev M.Kh. Politicization of Religion in Theoretical and Terminological Understanding	27

GEOPOLITICS AND INTERNATIONAL RELATIONS

Ravandi-Fadai L.M. Partnership without Commitments: Features of Russian-Iranian Relations in Recent Decades	42
--	----

ECONOMIC COOPERATION

Rakhimov M.A., Paramonov V.V. Comparison of the Economic Relations of Russia and China With Central Asian Countries	52
Kirgizov-Barskii A.V. Development of Northern Sea Route: Prospects for International Cooperation	67

REGIONAL PROCESSES

Voronkov L.S. Northern European Lessons for Eurasian Integration	79
Martinovich V.A. Influence of New Religious Movements from Russian Federation on the Religious Landscape of the Republic of Belarus	92

DIALOGUE OF CULTURES

Volkov V.V. Russian School in the Socio-Political Space of Latvia (1991 – 2021)	105
Gabrielyan O.A., Gabrielyan G.O. People's Diplomacy as an Information and Communication Technology: necessity, opportunities, perspectives	115

doi: 10.53658/RW2021-1-1-13-26

Страновой коммуникационный режим как социально-политический феномен

Комлева В.В.

Национальный исследовательский институт развития коммуникаций (Москва, Россия).

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

Аннотация. В статье рассматривается новая научная категория «коммуникационный режим», анализируется его сущность, социально-политическое значение, особенности конструирования. Коммуникационный режим рассматривается как управляемая (с разной степенью управляемости), институционализированная (с разной степенью институционализации), конвенциональная (с разной степенью конвенциональности) система норм, правил, принципов, традиций, структур, акторов, регулирующих информационно-коммуникационные процессы. Имманентными составляющими коммуникационного режима являются коммуникации (процесс и результат установления двух- или многосторонних контактов) и информация (сообщения, передаваемые в процессе коммуникации или в одностороннем, одностороннем процессе информирования). Социальная сущность коммуникационного режима заключается в упорядочивании коммуникации и информации, а политическая – в обеспечении воспроизводства действующей власти, что в совокупности позволяет системе самосохраняться. Конструирование коммуникационных режимов происходит путем: (1) институционализации представлений субъектов власти об идеальной модели организации информационно-коммуникационных процессов в обществе; (2) консолидации относительно исторически сложившихся норм и традиций коммуникации; (3) учета интересов больших и значимых социальных групп; (4) адаптации действующего режима к новым коммуникативным практикам. Коммуникационные режимы имеют сложные субъект-объектные отношения, при которых объекты могут становиться субъектами и изменять действующий режим. Автором выявлены парадоксы и противоречия коммуникационных режимов, недооценка которых может привести к социальной и политической дестабилизации. Предлагается модель комплексного анализа страновых коммуникационных режимов, которая была разработана автором под влиянием системного, институционального подходов, идей конструктивистов и с учетом возможностей эмпирического уровня исследования, фиксации и группировки научных фактов.

Ключевые слова: коммуникационный режим, информационный порядок, политический режим, политическая коммуникация, система коммуникации

Об авторе: Валентина Вячеславовна КОМЛЕВА – доктор социологических наук, руководитель направления аналитики, Национальный исследовательский институт развития коммуникаций; заведующая кафедрой зарубежного регионоведения и международного сотрудничества, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. ORCID: 0000-0001-5376-0984. Адрес: 119571, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 84. E-mail: komleva@nicrus.ru.

Коммуникация и связанные с ней процессы и явления играют определяющую роль во внутренней и внешней политике современных стран. Ряд исследователей аргументирует позицию, согласно которой политика и власть, по сути своей, является коммуникацией (например, Лассуэлл 2006; Луман 2001; Хабермас 1985). Однако, несмотря на многочисленные исследования и теории, вне поля зрения ученых остается феномен таких конфигураций коммуникации, как страновые коммуникационные режимы. В 2020 году Национальный исследовательский институт развития коммуникаций начал фундаментальное исследование этого феномена и ввел в научный и общественно-политический дискурс понятие «коммуникационный режим» (Гасумянов и Комлева 2000). По результатам первых пилотных исследований была проведена серия публичных научных и экспертных дискуссий, в ходе которых наметились дальнейшие направления научной работы. В данной статье изложены основные идеи относительно сущности и значения коммуникационного режима как общественно-политического феномена и возможностей его эмпирического анализа.

Теоретико-методологическую основу исследования составили концепции и закономерности функционирования общественных систем, выявленные учеными в рамках системного подхода (Анохин 1978; Акофф и Эмери 1974; Берталани фон 1969; Клир 1973), кибернетического подхода (Винер 2019; Росс Эшби 2021) и теорий коммуникации (Лассуэлл 2005; 2021; Луман 2001; 2005; Хабермас 1984; 1985), идеи относительно информационного порядка (Castells 2008; McBride 1980; Theberge 1981; Li 1988; Masmoudi 1972; Sreberny 2006; Thussu 2015; Zandberg 1990; Roach 1990; Holzberg 1982; Ayish 2015). Осмысление социальной реальности с позиций системного и институционального подходов показывает, что общество, представляющее собой систему многочисленных разноуровневых и разнонаправленных коммуникаций и их участников, вырабатывает механизмы для обеспечения своего управления и воспроизводства, регулирования социальной жизни, упорядочивания информации и коммуникации в заданных институциональных рамках. Эти рамки формируются путем общественного консенсуса относительно норм, правил, принципов коммуникации, принятых законов и механизмов их исполнения, создания специализированных структур по управлению коммуникациями, путем разработки системы санкций за отклонения от заданных, принятых норм. Все вместе это формирует коммуникационный режим, который упорядочивает коммуникации, сдерживает отклонения, позволяет системе воспроизводить себя, способствует динамической стабильности.

Сущность и роль коммуникационного режима в системе общественных отношений

Коммуникационный режим (лат. *regimen* – «управление», «командование», «руководство») как общественно-политический феномен определяется нами как управляемая (с разной степенью управляемости) совокупность взаимосвязанных условий, принципов, норм, правил (и санкций за их невыполнение), принятых для достижения целей упорядочивания и регулирования коммуникаций и информации в общественной системе. Для поддержки режима создаются специальные институты, которые находятся в системной связи с другими институтами и между собой, с групповыми и единичными акторами коммуникации. Коммуникационные режимы конструируются в определенных институциональных и социокультурных границах. Как следствие, они могут быть страновыми, региональными, субрегиональными, а в некоторых случаях возникают в границах, определенных цивилизационными

различиями. Но в любом случае неперенным условием их появления является наличие институционализирующего и управляющего центра (или центров) в рамках пространства. Рамки (границы) пространства заканчиваются там, где заканчиваются возможности управленческого влияния этого центра на социум. В современных условиях мы можем говорить не только о территориальных границах коммуникационного режима, но и о новых практиках появления коммуникационных режимов в виртуальных границах. Примером тому являются Е-резидентство, Е-федерация (в Эстонии и Финляндии, для решения общих логистических задач), Е-посольство (посольство данных Эстонии за пределами своих границ с целью обеспечения цифровой преемственности и государственности на случай критических сбоев или внешних угроз) (Тоом и Комлева 2020). Однако в данной статье мы сосредоточимся на территориальных коммуникационных режимах, а точнее – на коммуникационных режимах в рамках государственных границ. При этом мы не используем термин «государственные коммуникационные режимы», потому что конструирование коммуникационных режимов происходит не только государственными акторами. Об этом речь пойдет чуть позже.

Имманентными характеристиками коммуникационного режима являются коммуникация и информация, которые структурируются и институционализируются особым образом в каждом конкретном случае (стране, регионе и др.) с учетом социокультурного, политического и исторического контекста. Коммуникация понимается нами как процесс установления контактов, общения, взаимодействия индивидуальных акторов, социальных групп, институтов. Информация представляет собой сообщение, передаваемое в процессе коммуникации. Таким образом, коммуникационный режим касается как коммуникации, так и информации, устанавливает границы возможного в отношении контактов и сообщений. Соответственно, режим касается действий субъектов коммуникации и содержания передаваемой информации. Значимыми субъектами (акторами) страновых коммуникационных режимов являются политическая власть, гражданские институты, СМИ, в ряде стран – церковь, армия, структуры безопасности, бизнес-структуры, международные институты и даже правительство других стран (при зависимом типе коммуникационных режимов). Коммуникационный режим регулирует как процессы коммуникации, так и информационные процессы. Мы используем понятие «коммуникационный режим», а не «информационный режим», потому что процесс коммуникации отличается от информационного процесса субъект-субъектными отношениями, многонаправленностью, обратными связями. Информационный процесс односторонен, и если реципиент дает обратную связь, на которую отвечает коммуникатор, то они устанавливают контакт, что означает переход процесса информирования в коммуникационный процесс. То есть информационный процесс (передача сообщения) – неотъемлемая часть коммуникации, а следовательно, тоже упорядочивается режимами.

Возникновение коммуникационных режимов обусловлено необходимостью создания общеобязательных и желательных общепринятых принципов, без которых весьма сложно упорядочивать и координировать отношения в общественной системе. Субъекты коммуникационных режимов институционализируют правила, структурируют и нормируют каналы коммуникации, содержание коммуникации, участников коммуникации с целью обеспечения порядка. Иными словами, коммуникационные режимы являются одним из условий достижения социального порядка. Как следствие, системная роль коммуникационных режимов заключается в упорядочивании коммуникаций. Согласно идеям Т. Парсонса, элементом, упорядочивающим взаимодействующие части, является структура (воспроизводящееся единство находящихся в постоянном движении социальных

действий). Структура понимается как система социальных норм и статусов (или нормативный порядок). Нормативный порядок включает: социальный порядок и социальные нормы (неизменные правила, которыми руководствуются большие массы людей в силу придания нормам легитимности). Режим закрепляет те нормы, правила, принципы, структуры, которые обеспечивают желаемый порядок, и связан с такими тенденциями, как стремление социальной системы к самосохранению, стремление к сохранению определенных границ и постоянства по отношению к изменяющейся среде. Режим обеспечивает равновесие и динамическую стабильность системы. Он позволяет легитимно оценивать и воздействовать на отклонения, чтобы скорректировать их и снова возвращать систему в равновесное состояние. Таким образом, благодаря режиму система преодолевает дисфункции.

Режим создается, поддерживается, изменяется определенными субъектами, и понимание режима возможно только при его субъектности. При первом взгляде на феномен коммуникационного режима мы можем утверждать, что его субъектами являются институты власти, которые формируют стратегическое видение развития системы, имеют полномочия устанавливать, изменять правила и обладают ресурсами, достаточными для создания условий и контроля за их исполнением. Однако при более внимательном рассмотрении конструирования коммуникационного режима становится ясно, что он может изменяться под давлением самоорганизующихся акторов, к каковым относятся группы (а иногда и индивиды), оказывающие давление на центр принятия решений. То есть субъектом является не только власть, но и некоторые социальные группы, СМИ, религиозные институты, закрепляющие практики коммуникации в виде неформальных норм, традиций, обычаев и закрепляющие дискурсивные практики. Иными словами, коммуникационные режимы конструируются и поддерживаются не только формальными, но и неформальными нормами. Учитывая такую сложную субъектность коммуникационных режимов, мы называем их «страновыми», а не «государственными», так как они конструируются не только государственными институтами.

Обобщая сказанное, отметим, что коммуникационный режим проявляется в конкретном страновом контексте, а именно – в институциональных особенностях, структурах, практиках и культуре коммуникации, в преобладающей точке зрения на «идеальный тип» коммуникации. Следовательно, эмпирическое изучение коммуникационного режима возможно методами институционального, структурно-функционального, системного анализа, а также методами политического, социокультурного, исторического анализа и социальной диагностики.

Подсистемы коммуникаций, значимые для изучения коммуникационных режимов

При анализе странового коммуникационного режима мы рассматриваем практики коммуникации как минимум в следующих подсистемах: «власть – общество» (практики допустимой коммуникации власти и народа, а точнее, институтов власти и гражданских групп (или институтов)); «общество – общество» (практики допустимой коммуникации социальных групп, институтов гражданского общества между собой); «власть – власть» (практики коммуникации властных групп между собой); «СМИ – власть» (практика регулирования СМИ); «СМИ – общество» (практики допустимых коммуникаций СМИ и населения, особенности цензуры); «СМИ – СМИ» (практика взаимодействия СМИ). В зависимости от целей исследования коммуникационных режимов принципы и правила коммуникации

в этих подсистемах могут быть проанализированы как во внутреннем контуре, так и во внешнем. Например, при анализе подсистемы «общество – общество» с учетом внешнего контура мы анализируем нормы, правила, условия, возможности и ограничения коммуникации российских и зарубежных НКО, групп ученых, молодежных организаций и иных институтов гражданского общества. Если же нас интересует только внутренний контур странового коммуникационного режима, то мы анализируем режим коммуникации страновых гражданских институтов без международной составляющей.

Правила, на которых основан режим, проникают во все выше названные подсистемы и при комплексном анализе дают полноценное представление о коммуникационном режиме той или иной страны. Но для понимания коммуникационного режима не достаточно изучения только норм и правил. Так как принятые нормы и правила реализуются в конкретных исторических условиях и контекстах, то весьма значимо изучение коммуникационных практик. Особенно значимы социокультурный и политический контексты. В социокультурном контексте могут сложиться законодательно не закрепленные традиции, обычаи, устанавливаться неформальные правила, влияющие на коммуникационные практики. Например, коммуникации в чеченском обществе частично регулируют адаты (обряды и обычаи), формирующие особую правовую культуру и этику коммуникации. Среди адатов есть и деструктивные обычаи, например кровная месть. Тем не менее и этот адат оказывает влияние на отношения в чеченском сообществе (Шарафутдинова 2009).

Политический контекст способен трансформировать правила коммуникационного режима под давлением политической целесообразности, что на практике может выражаться в избирательном применении санкций, ограничений и, наоборот, протекций в отношении участников коммуникационного процесса. Наглядным примером во внешнем контуре коммуникационного режима является избирательное применение норм законодательства в отношении RT и Sputnik в ряде зарубежных стран (Латвия, Литва, Эстония и др.). Внутривнутристрановом уровне в качестве примера можно привести трансформацию коммуникационного режима в отношении оппозиционных участников коммуникации и передаваемой ими информации. Исследования социокультурного и политического контекстов позволяют: (1) выявить константы коммуникационного режима, воспроизводящиеся как в исторической ретроспективе, так и в актуальном состоянии, (2) определить ситуативные факторы изменений, (3) описать условия и особенности воспроизводства действующего режима, (4) сделать прогнозы относительно его динамики и трансформации.

Парадоксы коммуникационных режимов

При анализе коммуникационных режимов следует обращать внимание на некоторые парадоксы, обусловленные закономерностями социальной жизни. Знание этих парадоксов позволяет более глубоко понять общественно-политические противоречия и все чаще встречающиеся явления дестабилизации системы.

Первый парадокс назовем «режим-консерватор», так как коммуникационный режим (несмотря на роль регулятора и выполняемую функцию упорядочивания социальной жизни), в итоге становится фактором, сдерживающим развитие общественной системы. В некоторой степени режим является консервативным элементом системы, ибо он озабочен воспроизводством ее структуры и правил. Режим ограничивает свободу коммуникации и тем самым не позволяет проникнуть в систему акторам и сообщениям, потенциально способным нарушить ее равновесие. С этой

целью режим устанавливает и регулирует прямые и обратные связи в подсистемах «власть – общество», «общество – общество», «власть – власть», «СМИ – власть», «СМИ – общество», «СМИ – СМИ» на микро-, мезо- и макроуровнях той общественной системы, в которой он упорядочивает коммуникации и информационные потоки. Но изменяющаяся реальность продуцирует новые практики коммуникации, появляются новые значимые акторы (или активизируются прежние, наращивая ресурсы своего влияния на общество и центры принятия решений), новые технологии, новые интересные, требующие изменения устоявшихся правил, норм и принципов коммуникации. Внешняя или внутренняя среда начинает давить на коммуникационный режим, и общественная система отклоняется от равновесной динамики. Режим вынужден активизироваться, чтобы снять давление, что, в свою очередь, только усиливает возникающий процесс отклонений. При условии достаточности ресурсов у акторов, альтернативных действующему режиму, и их самоорганизации, коммуникационный режим (напомним, призванный сохранять систему) может продолжать консервировать ее до степени несоответствия изменяющейся реальности. В итоге она будет дестабилизироваться практиками, самоорганизующимися на новых нормах коммуникации. Это, как правило, коэволюционный процесс, который становится необратимым по мере создания новой организации режима и разрушения некоторых его старых структур.

Коммуникационный режим поддерживает принятые общественные стандарты, институты, системы убеждений, политические отношения и культурные образцы. По сути, коммуникационные режимы способствуют тому, что системы страновых коммуникаций организационно и информационно становятся более закрытыми. Это видно даже в странах ЕС, где сформировано общее информационно-коммуникационное пространство. Происходит это потому, что «закрытость» позволяет системе сохранять идентичность в условиях изменений, определять и воспроизводить собственную общественную организацию и информацию. Таким образом, коммуникационный режим априори консервативен и сдерживает новации (по крайней мере, на старте их появления). В этом плюс для системы и минус для субъектов коммуникационного режима, общественная поддержка которых уменьшается в условиях быстрых изменений, развития сетей коммуникации, появления новых практик коммуникации, общественного запроса на горизонтальные коммуникации и альтернативную информацию. Таким образом, парадокс «режима-консерватора» заключается в том, что коммуникационные режимы, возникающие для упорядочивания, сами провоцируют нарастание противоречий и хаоса. Возникающие для сохранения системы, коммуникационные режимы провоцируют ее дестабилизацию. С нашей точки зрения, примером проявления такого парадокса является белорусский случай. Коммуникационный режим Белоруссии, по сути, не имеющий «резерва разнообразия» (см. закон необходимого разнообразия У.Р. Эшби), необходимого для устойчивого функционирования системы, законсервировал страновую модель коммуникации, и в условиях активизации альтернативных информационно-коммуникационных центров открылся «черный ящик» (о котором говорил С.Т. Бир, описывая «принцип внешнего дополнения» в кибернетике). С этой точки зрения мы предполагаем, что коммуникационный режим Белоруссии будет испытывать давление «снизу» и находиться в процессе модуляции до тех пор, пока власть и общество не достигнут консенсуса о взаимно приемлемом разнообразии каналов и акторов коммуникации, необходимом для обеспечения устойчивости режима (не ситуативной стабилизации, а долгосрочной устойчивости). Конкретные случаи проявления страновых коммуникационных режимов будут описаны нами в дальнейших публикациях, в том числе будут проанализированы и постреакции субъектов коммуникационного режима в Белоруссии.

Второй парадокс связан с первым и назван нами «игра эмерджентности с режимом». Известно, что для общественной системы свойственна эмерджентность, обеспечивающая ряд синергетических эффектов и способствующая развитию. Эмерджентность (как появление у системы свойств, не присущих ее отдельным элементам) конкурирует с режимом, потому что периодически подбрасывает ему новые задачи и проблемы, которые он должен урегулировать, новые отношения, которые он должен упорядочить. С этих позиций эмерджентность провоцирует возмущения системы на фоне несостоятельности коммуникационного режима регулировать новые коммуникационные практики. Коммуникационный режим (который установился в результате общественного согласия по поводу норм, правил, принципов коммуникации) вынужден меняться под влиянием эмерджентных процессов. Эмерджентность и произведенные ей социальные инновации и новейшие практики конкурируют с коммуникационным режимом и свойственным ему консерватизмом. Но без учета появляющихся новых практик коммуникационный режим теряет свою способность упорядочивать общественные коммуникации и информационные потоки. В тот момент, когда процесс становится необратимым, субъекты коммуникационного режима либо жестко ограничивают (вплоть до запрета) новые практики коммуникации, либо институционализируют их. Причем делать это могут не только институты власти, но и социальные акторы путем порицания и социального осуждения новых коммуникационных практик, несоответствующих установившимся нормам (в том числе и неформального характера). Примером могут служить женщины из богатых арабских стран, получавшие образование в американских и западноевропейских университетах, частично социализированные в иных социокультурных условиях. Вернувшись в свои страны, они отказываются соблюдать устоявшиеся правила в отношении женщин, но подвергаются осуждению со стороны семьи, родственников, соседей. Включение таких «элементов» в систему влияет на качественные эффекты эмерджентности, то есть система продуцирует новации, которые влияют на коммуникационные режимы, заставляя их изменяться. Репрессивные реакции со стороны режима лишь ситуативно тормозят процесс, но не могут остановить его «расконсервирование». Анализ коммуникационных режимов разных стран позволяет нам сделать вывод о том, что модуляции коммуникационного режима все чаще детерминированы новейшими практиками и коммуникационными экспериментами на микроуровне. Иногда масштабная самоорганизация на микроуровне коренным образом меняет режим.

Интересны случаи, когда коммуникационный режим сам начинает играть стимулирующую роль за счет использования своих ресурсов, капитала и технологий. Приведем случай России, где, например, в подсистеме коммуникации «власть – общество» происходит изменение норм, правил, структурных элементов в результате целенаправленных усилий по цифровизации информационно-коммуникационных процессов. В результате инициации «сверху» появляются новые практики коммуникации, которым вынуждено обучаться общество.

Таким образом, парадокс «игры» эмерджентности с режимом заключается в том, что эмерджентные свойства общественной системы производят новые правила и практики коммуникации, накопление и самоорганизация которых (даже на микроуровне) провоцируют модуляции коммуникационного режима и заставляют его трансформироваться. Коммуникационный режим, выполняя задачу воспроизводства системы, попадает в ловушку эмерджентности этой же системы, и коммуникации выходят из-под контроля, ибо у коммуникационного режима нет готовых решений в отношении новых практик коммуникации. Свою «игру» может вести и коммуникационный режим, начав изменяться на опережение «запаздывающей» эмерджентности. Как правило, это происходит в случаях, если

субъекты коммуникационных режимов смогли уловить тенденции изменений, оценить опыт других систем и сопоставить выгоды от изменения коммуникационного режима в контексте собственных интересов.

Методика эмпирического анализа страновых коммуникационных режимов

Обобщая вышесказанное, отметим, что страновые коммуникационные режимы задаются как минимум следующими социальными законами и факторами, которые необходимо учитывать:

- универсальными законами коммуникации (например, законами кибернетики);
- законами функционирования и развития социальных систем (например, законами самосохранения, обратных связей, самоорганизации, воспроизводства, эмерджентности и другими закономерностями и тенденциями, открытыми в теориях сложных систем);
- законами отношений коммуникаторов, коммуникантов и реципиентов (например, циклическая схема Г. Лассуэлла, линейная и нелинейная схемы коммуникаций Т. Ньюкомба, модель коммуникации К. Шеннона и У. Уивера и др.);
- культурно-пространственным фактором, который формируется под влиянием этнических, религиозных, социокультурных и иных особенностей конкретного коммуникационного пространства и который называется социокультурным «контекстом», «информационно-коммуникационной средой» и т.п.;
- политическими режимами, моделью организации власти и ее идеологией, которые определяют способы доставки, переработки, распределения, усвоения

Рисунок 1. Модель комплексного эмпирического исследования странового коммуникационного режима

Model of a comprehensive empirical study of the country communication regime

информации, границы «дозволенного» и придают коммуникационным режимам ряд специфических черт;

■ особенностями сферы коммуникации (например, коммуникации в политической сфере отличаются от иных ее видов, так как связаны с проблемами завоевания, распоряжения, удержания власти).

На основе вышеописанных теоретических позиций мы предлагаем модель комплексного эмпирического исследования коммуникационного режима (визуализация модели представлена на Рисунке 1). Модель является некоей абстракцией, которую, разумеется, можно дополнять в зависимости от исследовательских задач и которую следует конкретизировать с учетом контекста и особенностей каждой страны.

В основе модели лежат: (1) наши представления о конструировании коммуникационного режима формальными и неформальными нормами, а также укоренившимися и новыми практиками коммуникации; (2) наши представления о ключевых участниках коммуникационного режима, от которых ожидается соблюдение норм и правил, которые могут самоорганизовываться и оказывать давление на действующий коммуникационный режим, и участники, отклонения в действиях которых могут привести к дестабилизации.

На Рисунке 1 окружность показывает границы контекста, который состоит из исторически сложившихся констант, определяющих особенности коммуникационного режима в той или иной стране: особенности политического режима и политической культуры, формирующие конвенциональные правила коммуникации, социокультурные особенности, неформальные правила, ситуативные факторы, влияющие на избирательное применение норм и правил и избирательное использование наказаний (или поощрений).

Две пересекающиеся линии показывают необходимость изучения установленных норм и правил, выявления устоявшихся и новых практик и дискурсов коммуникационного режима, эмерджентность и самоорганизация которых способны повлиять на действующий коммуникационный режим.

Модель предполагает изучение как минимум четырех групп участников коммуникации (представляющие подсистемы коммуникации, о которых мы говорили выше), на регулирование коммуникаций которых направлен коммуникационный режим и которые, в свою очередь, могут становиться субъектами режима, видоизменяя его. Каждая группа участников анализируется обязательно и как субъект, и как объект режима.

В нашей статье предлагается следующая детализация групп акторов:

- группа «Политические организации» – это государственные институты, партии, политические движения;
- группа «НКО, общественные организации, иные виды общественных институций» – это некоммерческие, неправительственные организации, GONGO, общественные движения;
- группа «СМИ и другие каналы информирования» – это организации, группы и индивиды, которые распространяют информацию, а точнее – СМИ, информационные, аналитические агентства; исследовательские, мониторинговые центры, размещающие в публичном доступе и распространяющие информацию социально значимого характера (значимость определяется в зависимости от целей исследования коммуникационных режимов);
- группа «Неинституционализованные групповые и индивидуальные значимые участники общественной коммуникации» – это акторы общественной, научной, молодежной, церковной и иной дипломатии, акторы международного сотрудничества (культурные проекты, программы академической мобильности)

и др., не имеющие юридического статуса политической, общественной или иной организации.

Предлагаемая модель комплексного эмпирического исследования странового коммуникационного режима позволяет исследовать режим как во внутреннем контуре (в отношении внутригосударственных субъектов и объектов коммуникации), так и во внешнем (в отношении иностранных участников коммуникации). Во внутреннем контуре нас особенно интересует проблема устойчивости коммуникационных режимов, а на внешнем контуре – проблема дружелюбности коммуникационных режимов по отношению к другим странам. Именно на этих двух направлениях концентрируется внимание ученых Национального исследовательского института развития коммуникаций. На основе полученных данных возможно определить степень управляемости странового коммуникационного режима и прогнозировать его модуляции и смещения центров управления страновыми коммуникациями, а на внешнем контуре – определить степень дружелюбности коммуникационных режимов стран и выявить основных акторов дружественных межгосударственных коммуникаций.

Выводы

Коммуникационные режимы представляют собой управляемую (с разной степенью управляемости) институционализированные, конвенциональные (с разной степенью конвенциональности) взаимосвязанные совокупности норм, правил, принципов, регулирующих общественные коммуникации. Коммуникационный режим регулирует коммуникационные и информационные процессы и его имманентными составляющими являются коммуникации (процесс и результат установления двух- или многосторонних контактов) и информация (сообщения, передаваемые в процессе коммуникации или в одностороннем, одностороннем процессе информирования). Коммуникационный режим наиболее явно проявляется:

- в законах, регулирующих деятельность внутренних и зарубежных СМИ на территории страны, общественно-политическую коммуникацию внутри страны (деятельность общественно-политических организаций, групп, индивидуальных участников), внешнеполитическую, внешнеэкономическую коммуникацию и международные коммуникации гражданского общества;
- в общественно-политическом дискурсе, направленном на формирование желаемой модели внутригосударственной и межгосударственной коммуникации и ее идеологическое наполнение;
- в традициях, обычаях, стереотипах, показывающих особенности отношений в подсистемах общественной коммуникации;
- в действиях субъектов страновых коммуникационных режимов и центров принятия решений, общеобязательных для исполнения.

Социальная сущность коммуникационного режима заключается в упорядочивании коммуникации и информации в границах системы, которая стремится к самосохранению. Политическая сущность коммуникационного режима заключается в обеспечении воспроизводства действующей власти, которая устанавливает условия, принципы и правила коммуникации, признает некоторые неформальные практики коммуникации (не угрожающие политическому режиму), делает некоторые допущения в отношении альтернативной информации (не разрушающей общественное доверие к власти). В этом смысле страновые коммуникационные режимы являются непрямым проекцией политических режимов. «Непрямой проекцией» – потому что в основе своей конструирование и динамика коммуникационных режимов в большей степени

подчинена законам социальной жизни, а не политической целесообразности. Политическая целесообразность наполняет коммуникационные режимы идеологическим содержанием, но лишь до определенного предела.

Конструирование коммуникационных режимов происходит путем: (1) институционализации представлений субъектов коммуникационных режимов об идеальной модели коммуникации внутри страны и в отношениях с другими странами, принятия соответствующих законов и создания необходимых структур; (2) консолидации общества и власти относительно исторически сложившихся норм и традиций, регулирующих коммуникации, независимо от их закрепления в законах; (3) учета интересов больших, социально и политически значимых групп населения, так как от их согласия с правилами и условиями коммуникации зависит стабильность системы; (4) адаптации действующего режима к новым коммуникативным практикам.

Коммуникационные режимы конструируются институтами власти, которые принимают соответствующие законы, создают специальные структуры, имеют ресурсы для поддержки режима, применяют разного рода санкции к отклоняющимся от принятых норм. В свою очередь, общество годами вырабатывает свои практики и представления о правилах коммуникации, наиболее значимая часть которых регулирует коммуникации и учитывается режимом, даже не будучи закрепленными в законах. Таким образом, любой коммуникационный режим следует рассматривать как консервативный фактор общественной системы, более способствующий закрытости (но не замкнутости) системы, чем ее открытости. Но в условиях быстро изменяющейся реальности, активизации глобальных сетей коммуникации и информации возникают новые практики, которые претендуют на новые правила и в случае их санкционирования действующим режимом могут приводить к дестабилизации общественной системы. Новые практики коммуникации являются результатом самоорганизации некоторых элементов системы и результатом эмерджентных эффектов той самой системы, которую так оберегает коммуникационный режим. В этом заключаются парадоксы коммуникационных режимов, названные нами «режим-консерватор» и «игры эмерджентности с режимом».

Коммуникационные режимы имеют сложные субъект-объектные отношения, при которых объекты режимного регулирования сами становятся субъектами, иницируя и используя новые практики коммуникации, которые способны приводить к модуляциям режима. Значимыми участниками коммуникации являются политические организации, общественные организации, СМИ и иные структуры, информирующие общество, а также не имеющие форму организации индивидуальные и групповые акторы, как например: общественные лидеры, группы ученых, молодежи и др. В ряде стран доминирующими субъектами коммуникации становятся церковь, армия, корпорации и другие участники, создающие весьма специфичные коммуникационные режимы (например, в странах – исламских политических проектах).

Эмпирическое исследование коммуникационных режимов предполагает применение системного, структурно-функционального и институционального подходов, а именно – анализа взаимосвязей структур и институций, составляющих основу коммуникационного режима, анализа дискурсов и практик значимых групп участников общественной коммуникации и каналов информации, выявления новейших практик, претендующих на институционализацию в качестве норм и обновление коммуникационного режима.

Исследование страновых коммуникационных режимов, их сравнение, типологизация, выявление модуляций, факторов устойчивости и дружелюбности предполагает привлечение большого количества ученых из разных стран. В этой связи мы приглашаем заинтересованных зарубежных и российских коллег присоединиться

к научному проекту и внести свой вклад в развитие исследований страновых коммуникационных режимов.

Источники

- Акофф, Р., Эмери, Ф. (1974), *О целеустремленных системах*, Советское радио, Москва.
- Анохин, П.К. (1978), *Философские аспекты теории функциональной системы: избр. труды*, Наука, Москва.
- Берталанфи, Л. (1969), "Общая теория систем: критический обзор", *Исследования по общей теории систем: сб. переводов*, Прогресс, Москва, сс. 23-82.
- Винер, Н. (2019), *Кибернетика и общество*, Издательство АСТ, Москва.
- Гасумянов, В.И., Комлева, В.В. (2020), "Коммуникационные режимы как фактор межстрановых взаимодействий: постановка проблемы", *Международная жизнь*, № 10, сс. 38-49.
- Клир, Д. (1973), *Системология*, Радио и связь, Москва.
- Лассуэлл, Г. (2006), "Язык власти", пер. с англ. М.В. Толмачёва, режим доступа: <https://gtmarket.ru/personnels/garold-lassuell>.
- Лассуэлл, Г. (2021), *Техника пропаганды в мировой войне*, пер. с англ., ИНИОН РАН, Москва.
- Луман, Н. (2001), *Власть*, пер. с нем. А.Ю. Антоновского, Праксис, Москва.
- Луман, Н. (2005), *Реальность массмедиа*, пер. с нем. А.Ю. Антоновского, Праксис, Москва.
- Росс Эшби, У. (2021), *Введение в кибернетику*, Ленанд, Москва.
- Тоом, Я., Комлева, В.В. (2020), "Эволюция системы государственного управления: Эстонская Республика", *Государственная служба*, том 22, № 4 (126), сс. 82-118.
- Шарафутдинова, Э.Ф. (2009), "Традиционная этноправовая культура чеченцев в контексте современных социально-политических процессов в Чечне", *Северо-Кавказский юридический вестник*, № 3, сс. 49-52.
- Ayish M. (2005), "From 'Many Voices, One World' to 'Many Worlds, One Voice'", *Javnost - The Public. Journal of the European Institute for Communication and Culture*, Vol. 12, No. 3, pp. 13-30.
- Castells, M. (2009), *The Rise of the Network Society*, Wiley Blackwell.
- Gasumyanov, V.I. and Komleva, V.V. (2020), "Communication regimes as a new scientific category", *Communicology*, Vol. 8, No. 3, pp. 43-50.
- Habermas, J. (1984), *The theory of communicative action: Reason and the rationalization of society*, Vol. 1, Beacon Press, Boston.
- Habermas, J. (1985), *The theory of communicative action. Lifeworld and system: A critique of functionalist reason*, Vol. 2, Beacon Press, Boston.
- Holzberg, B. (1982), "The New World Informational Order: A Legal Framework for Debate", *Western Reserve Journal of International Law*, Vol. 14, No. 2, pp. 387-418.
- Li, T. (1988), *A Comparative Study of Reciprocal Coverage of the People's Republic of China in the Washington Post and the United States in the People's Daily in 1986: a case study of Foreign News within the Context of the Debate of the New World Information Order: Author's thesis*, available at: <https://shareok.org/bitstream/handle/11244/21251/Thesis-1988D-L693c.pdf?sequence=1>.
- Masmoudi, M. (1972), "The New World Information Order", *Journal of Communication*, Vol. 24, No. 2, pp. 172-179.
- Roach, C. (1990), "The movement for a New World Information and Communication Order: a second wave?", *Media, Culture and Society*, Vol. 12, pp. 283-307.
- Silva, J. and Barbosa Neto, P. (2019), "Information Regimes, governmental agents and information typologies: monitoring the implementation of 182 ILO Convention", *Perspectivas em Ciência da Informação*, Vol. 24, No. 1, pp. 103-121.
- Sreberny, A. (2006), "The Global and the Local in International Communications", *Media and Cultural Studies*, rev., ed Durham, M. & Kellner, D., Backwell Publishing.
- Theberge, L. (1981), "U.N.E.S.C.O.'s 'New World Information Order': Colliding with First Amendment Values", *American Bar Association Journal*, Vol. 6, No. 6, pp. 714-718.
- Thussu, D. (2015), "Reinventing 'Many Voices': MacBride and a Digital New World Information and Communication Order", *Javnost - The Public. Journal of the European Institute for Communication and Culture*, Vol. 22, No. 3, pp. 252-263.
- Zandberg, I. (1995), *New world information and communication order or new world corporate order: information flow within the domain of western civilization after 1989, Author's thesis*, accessed at: <https://core.ac.uk/download/pdf/215223664.pdf>.

doi: 10.53658/RW2021-1-1-13-26

Country Communication Regime as a Socio-Political Phenomenon

Valentina V. Komleva

National Research Institute for Communications Development (Moscow, Russia).

Abstract. The article examines a new scientific category of communication regime, analyses its scope, socio-political significance and features. The author describes communication regime as a controlled (with varying degree of controllability), institutionalized (with varying degree of institutionalization), conventional (with varying degree of conventionality) system of norms, rules, principles, traditions, structures, and actors that regulates information and communication processes. The immanent components of the communication regimes are communications (the process and the result of establishing two- or multilateral contacts) and information (the messages transmitted in the process of communication or in a one-way, unidirectional process of informing). The social essence of the communication regime lies in the ordering of communication and information, and the political essence in ensuring the reproduction of the current government, which together allows the system to preserve itself. The social essence of the communication regime lies in the harmonisation of communication and information, the political essence is in ensuring the reproduction of the current government, which in aggregate allows the system to preserve itself. The construction of communication regimes occurs by: (1) institutionalizing the ideas of the subjects of power about the ideal model of organizing information and communication processes in society; (2) consociations regarding the historically established norms and traditions of communication; (3) taking into account the interests of large and significant social groups; (4) adaptation of the current regime to new communication practices. Communication modes have complex subject-object relationships in which objects can become subjects and change the current regime. The author reveals the paradoxes and contradictions of communication modes, the underestimation of which can lead to social and political destabilization. A model for a comprehensive analysis of country communication regimes is proposed, developed by the author under the influence of systemic, institutional approaches, the ideas of constructivists, and taking into account the possibilities of the empirical level of research, fixation and pooling of scientific facts.

Keywords: communication regime, information order, political regime, political communication, communication system

About the author: Valentina Vyacheslavovna KOMLEVA – DSc (Soc.), head of the Analytics department of the National Research Institute for Communications Development, head of the Department of regional studies and international cooperation of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. ORCID: 0000-0001-5376-0984. Address: Korobeinikov lane, 22/1, Moscow, Russia, 119034. E-mail: komleva@nicrus.ru.

References

- Ackoff, R. and Emery, F. (1974), *On Purposeful Systems* [O tselestremlennykh sistemakh], trans. from Eng., Moscow (in Russian).
- Anokhin, P.K. (1978), *Philosophical aspects of the theory of a functional system: selected papers* [Filosofskie aspekty teorii funktsional'noi sistemy: izbr. trudy], Nauka, Moscow (in Russian).
- Ayish, M. (2005), "From 'Many Voices, One World' to 'Many Worlds, One Voice'", *Javnost - The Public. Journal of the European Institute for Communication and Culture*, Vol. 12, No. 3, pp. 13-30.
- Bertalanffy, L. (1969), "General systems theory: a critical survey", *Studies in general systems theory*:

- collection of transl. articles ["Obshchaya teoriya sistem: kriticheskii obzor", *Issledovaniya po obshchei teorii sistem: sb. perev. st.*]. Progress, Moscow, pp. 23-82 (in Russian).
- Castells, M. (2009), *The Rise of the Network Society*, Wiley Blackwell.
- Gasumyanov, V.I. and Komleva, V.V. (2020), "Communication regimes as a new scientific category", *Communicology*, Vol. 8, No. 3, pp. 43-50.
- Gasumyanov, V.I. and Komleva, V.V. (2020), "Communication modes as a factor of intercountry interactions: problem statement", *International Affairs* ["Kommunikatsionnye rezhimy kak faktor mezhstranovykh vzaimodeistvii: postanovka problemy", *Mezhdunarodnaya zhizn*], No. 10, pp. 38-49 (in Russian).
- Habermas, J. (1984), *The theory of communicative action: Reason and the rationalization of society*, Vol. 1, Beacon Press, Boston.
- Habermas, J. (1985), *The theory of communicative action. Lifeworld and system: A critique of functionalist reason*, Vol. 2, Beacon Press, Boston.
- Holzberg, B. (1982), "The New World Informational Order: A Legal Framework for Debate", *Western Reserve Journal of International Law*, Vol. 14, No. 2, pp. 387-418.
- Klir, D. (1973), *Systemology* [Sistemologiya], trans. from Eng., Moscow (in Russian).
- Lasswell, G. (2006), *The Language of Power* [Yazyk vlasti], trans. from Eng., access mode: <https://gtmarket.ru/personnel/garold-lasswell> (in Russian).
- Lasswell, G. (2021), *Propaganda Techniques in World War II* [Tekhnika propagandy v mirovoi voine], trans. from Eng., INION RAN, Moscow (in Russian).
- Li, T. (1988), *A Comparative Study of Reciprocal Coverage of the People's Republic of China in the Washington Post and the United States in the People's Daily in 1986: a case study of Foreign News within the Context of the Debate of the New World Information Order: Author's thesis*, available at: <https://shareok.org/bitstream/handle/11244/21251/Thesis-1988D-L693c.pdf?sequence=1>.
- Luhmann, N. (2001), *Power* [Vlast'], trans. from German, Praxis, Moscow (in Russian).
- Luhmann, N. (2005), *Reality of the Mass Media* [Real'nost' massmedia], trans. from German, Praxis, Moscow (in Russian).
- Masmoudi, M. (1972), "The New World Information Order", *Journal of Communication*, Vol. 24, No. 2, pp. 172-179.
- Roach, C. (1990), "The movement for a New World Information and Communication Order: a second wave?", *Media, Culture and Society*, Vol. 12, pp. 283-307.
- Ross Ashby, W. (2021), *Introduction to Cybernetics* [Vvedenie v kibernetiku], trans. from Eng., Lenand, Moscow (in Russian).
- Sharafutdinova, E.F. (2009), "Traditional ethno-legal culture of Chechens in the context of modern socio-political processes in Chechnya", *North Caucasian legal bulletin* ["Traditsionnaya etnopravovaya kul'tura chechentsev v kontekste sovremennykh sotsial'no-politicheskikh protsessov v Chechne", *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik*], No. 3, pp. 49-52 (in Russian).
- Silva, J. and Barbosa Neto, P. (2019), "Information Regimes, governmental agents and information typologies: monitoring the implementation of 182 ILO Convention", *Perspectivas em Ciência da Informação*, Vol. 24, No. 1, pp. 103-121.
- Sreberny, A. (2006), "The Global and the Local in International Communications", *Media and Cultural Studies*, Ed. Durham, M. & Kellmer, D., Backwell Publishing.
- Theberge, L. (1981), "U.N.E.S.C.O.'s 'New World Information Order': Colliding with First Amendment Values", *American Bar Association Journal*, Vol. 6, No. 6, pp. 714-718.
- Thussu, D. (2015), "Reinventing 'Many Voices': MacBride and a Digital New World Information and Communication Order", *Javnost - The Public. Journal of the European Institute for Communication and Culture*, Vol. 22, No. 3, pp. 252-263.
- Toom, J., Komleva, V.V. (2020), "Evolution of the public administration system: the Republic of Estonia", *Public Administration* ["Evolutsiya sistemy gosudarstvennogo upravleniya: Estonskaya Respublika", *Gosudarstvennaya sluzhba*], Vol. 22, No. 4 (126), pp. 82-118 (in Russian).
- Viner, N. (2019), *Cybernetics and Society* [Kibernetika i obshchestvo], trans. from Eng., Moscow (in Russian).
- Zandberg, I. (1995), *New world information and communication order or new world corporate order: information flow within the domain of western civilization after 1989, Author's thesis*, accessed at: <https://core.ac.uk/download/pdf/215223664.pdf>.

doi: 10.53658/RW2021-1-1-27-40

Политизация религии: теоретическое и терминологическое осмысление проблематики

Абдуллаев М.Х.

Агентство стратегических коммуникаций (Москва, Россия).

Аннотация. Статья посвящена актуальной междисциплинарной проблематике на стыке политологии и религиоведения – дискурсу политического в религии, а именно – политизации религиозного учения, искусственного переноса сугубо духовных ценностей, явлений и категорий в политическое поле с целью использования религии в политических целях. Автор при этом рассматривает проблему с двух ракурсов: (1) политизация религии в корыстных целях и (2) политическая активность духовенства, основанная на заведомо политизированном, имеющем в своей основе сильную политическую платформу (идеологию) религиозном учении. Исследование является сугубо теоретическим, и тем не менее автором предпринимается ряд эмпирических «отступлений» в целях демонстрации того, каким образом политизация религии проявляется в обычной жизни, в общественно-политической сфере жизнедеятельности человека. Ввиду этого основную проблему исследования следует обозначить как теоретическое осмысление и раскрытие практической значимости (то есть с позиций возможных рисков и эффектов) негативной природы политизации религии, место которой – исключительно духовное пространство человеческого бытия, а не политические трибуны. В статье обозначаются объективные факторы взаимного влияния религии и политики, отмечается наличие в ряде вероучений сильных политических истоков, богатый исторический опыт политической роли веры в обществе. В то же время, сравнивая такие понятия, как «политизация религии» и «политизированность религии», автор приходит к выводу о том, что смешивание указанных терминов является некорректным, ошибочным пониманием «политизирования» и форм практического использования религии в качестве политического инструмента, что также видится автором перспективным направлением дальнейшего изучения политизации веры на примерах конкретных религиозных учений.

Ключевые слова: политизация, политизация религии, политизированность религии, религиозный дискурс, религия и политика

Об авторе: Мурад Халилович АБДУЛЛАЕВ – кандидат филологических наук, младший партнер-эксперт Агентства стратегических коммуникаций, член Американской ассоциации политической науки (APSA). Адрес: 115191, Россия, г. Москва, Духовской пер., 17/10. ORCID: 0000-0002-3220-5161. E-mail: m.abdullaew2010@yandex.ru.

На современном этапе вопросы и дискуссии о взаимоотношениях религии и политики, как правило, носят спорный и – от автора к автору – неоднозначный характер. Как точно подмечает С.-Х.М. Нунуев, *степень теоретической разработанности проблематики политизации религии и ее различных аспектов неравномерна*. Если в трудах отечественных и зарубежных исследователей еще можно проследить нить

глубокого теоретического обоснования явления политизации, то, констатирует ученый, «значительно слабее изучены социальные и социокультурные факторы политизации религии, сравнительные особенности данного процесса применительно к православию, исламу и другим конфессиям России. Такое состояние науки рождает дискуссионные оценки» (Нунуев 2016, с. 14).

На протяжении практически всех исторических циклов религия оказывала серьезное воздействие не только на духовную сферу жизни общества, но и на вопросы организации государства, власти, расстановки политических сил и отношения верующих к политике, безусловно влияя на их политические взгляды. Бесспорно, влияние, авторитет религии в политических вопросах от эпохи к эпохе, от цивилизации к цивилизации менялись, отличался не только уровень религиозности, силы и влияния религии, но и то, насколько тесно политика и вера взаимодействовали и, что немаловажно, вмешивались в пространство друг друга.

Многофункциональность, высокая степень влияния на общество, характерная политичность, признаки тоталитарности в вопросах регулирования каждой из сторон жизни верующего – все эти признаки характерны для любой из представленных сегодня крупнейших религий. И в этом плане политика и политики всегда видели в вероучениях не только компаньона, но и серьезного соперника. Отчасти именно эта важнейшая деталь общественного уклада существования человечества повлияла на попытки политических сил не просто конкурировать с религией, но и использовать ее как инструмент для достижения конкретных целей, как способ влиять на устроения масс и через религиозное учение формировать необходимые установки в массовом сознании.

Именно поэтому дошедшее до нас явление, называемое политизацией религии, исторически обосновано, оно само по себе интересно не только как политический феномен, но и как предмет исследования, анализа и осмысления с различных позиций: психологическое влияние, явление социального характера, взгляды масс на политику через призму религии, религия как средство политической манипуляции и ресурс средств массовой коммуникации и др.

Приступая к исследованию политизации религии как явления общественно-политического, автор ставит перед собой несколько задач-вопросов: что такое политизация религии сегодня и каковы ее основные особенности, формы проявления и признаки? Какие основные теоретические подходы к осмыслению политизации религии сложились в отечественной и зарубежной науке? Какими путями политизация религии реализуется на практике, на конкретных примерах?

Цель данного исследования состоит в изучении современного состояния политизации в отечественных и зарубежных теоретических исследованиях, а именно – политизации религиозного учения и «политизированности» религии как таковой. В дальнейшем будут рассмотрены аспекты взаимосвязи и взаимовлияния политики и религии, в том числе практические примеры «политизации» и «политизированности» религии.

Исследование представляет собой *теоретический обзор* сложившихся позиций и мнений ведущих российских и зарубежных ученых на явление политизации, в частности политизации религии. Ключевым методом исследования здесь следует назвать *анализ* как метод, подразумевающий в данном случае сбор информации и на его основании выделение ключевых определений термина «политизация», подходы к вычленению основных признаков, характерных черт и особенностей форм проявления политизации религии. На основе анализа изложенной выше фактуры автор проводит *синтез* полученных результатов – формируется общая теоретическая картина, сложившаяся в науке по части исследований явления политизации религии. Формулируется *авторский теоретический базис* ввиду специфики исследования, его конкретной направленности

и отсутствия в имеющейся теории необходимого методологического инструментария для понимания, объяснения и прогнозирования будущих рисков политизации религии, грубого использования религиозного в политических целях.

К обсуждению политизации религии

Неоднозначность подходов к осмыслению процесса «политизации религии», крайняя разносторонность сложившихся пониманий этого явления и спорность форм его реализации, реального воплощения в жизни, ставят перед исследователями задачу изучения хотя бы ключевых, наиболее признанных и считающихся объективными, подходов к пониманию и политизации как таковой, и политизации религии как ее разновидности.

«Процесс политизации присущ всем мировым религиозным системам в целом. В разные периоды истории политизация религии была разной. Политизация религии – это процесс постоянный, имеющий место до тех пор, пока в обществе сосуществуют религия и политика» (Семедов 2009, с. 231), – такова позиция признанного в России исследователя религиозных и политических процессов С.А. Семедова, и она видится вполне обоснованной.

Прежде всего, следует отметить, что в академической науке не сложилось единого определения для понятия «политизация религии», что в очередной раз доказывает сложность и неоднозначность его проявлений. Как пишет М.В. Данилов, «политизация – неоднозначный процесс, который несет в себе как минимум два аспекта. С одной стороны, политизация представляет собой влияние на политику иных социальных сфер (экономики, культуры, религии и др.), т.е. заполняемость политики значимыми социальными феноменами и темами. С другой стороны, она также оказывается способом разрешения особо значимых проблем, решение которых невозможно в рамках принятых в данном поле правил игры» (Данилов 2013).

Е.А. Терешина, утверждая, что вмешательство религии в политику необратимо, определяет политизацию религии как «форму проявления политической составляющей в религии. При разрешении неapolитических проблем в политической плоскости с участием властного механизма просто религия превращается в политическую религию» (Терешина 2012, с. 259).

Возвращаясь к уже упомянутому выше С.А. Семедову, интересно отметить, что этот ученый не считает использование политическими силами религии в качестве средства достижения нерелигиозных целей политизацией. По его мнению, политизация религии – это «процесс проявления политической составляющей самой религии, в ходе которого во всех мировых религиях возникает религиозный фундаментализм самых разных толков» (Семедов 2009, с. 37).

В то же время, пытаясь конкретизировать политизацию терминологически, некоторые авторы приходят к выводу о характерной для этого явления многозначности, многообразии форм ее проявления. Так, по мнению Е.Н. Дриновой, «понятие политизации религии является довольно нейтральным в онтологическом плане и более широким в аксиологическом и содержательном плане, даже чем понятие “политическая религия”, которое отражает высшую стадию политизации» (Дринова 2011).

Однако, даже несмотря на всю неоднозначность и противоречивость природы политизации, в случаях, когда имеют место проявления политизации религии, этот процесс может не только выйти из-под контроля, но и привести к серьезным опасностям для общества в целом и для религиозной общины в частности. Говоря о рисках, любопытно привести мнение о четырех опасностях религии видного ученого-

арабиста, культуролога Сухейля Фараха: «Во-первых, опасность установления контроля над личностью и подавление духа сопротивления социальному злу, психологическому насилию и экономическому гнету путем поощрения установки на признание существующего положения и на отказ от действия, на отстранение от участия в общественных делах. Во-вторых, опасность сговора между политиком и клириком, объединенными поиском прагматической выгоды. В-третьих, опасность, исходящая от сторонников тоталитарной установки в религиозных делах. С ее помощью они пытаются установить контроль над всеми формами общественного сознания, утверждая, что религия всеобъемлюща по природе. В-четвертых, опасность, исходящая от сторонников жесткого конфессионального подхода – догматиков, создающих высокие и весьма опасные преграды между людьми, принадлежащими к различным вероисповеданиям. В результате культивируется разобщенность людей, принадлежность к определенной религиозной общине, а не к родине или к нации»¹.

Действительно, подобного рода опасения не вымышлены, они не являются плодом нагнетания со стороны экспертов. Политизация религии не только повышает уровень политической поляризации, но и приводит к радикализации внутри самого вероучения. Помимо этого, как показывает практика, излишняя вовлеченность религии в политику приводит к разладу, возникновению очагов недопонимания, а следовательно внутрирелигиозной и межконфессиональной розни, нарушению диалога культур. В свою очередь, данные риски вызывают проблемы еще более глубокого и опасного масштаба: уходы в крайности, фундаментализм, проявления экстремистского характера. Львиная доля террористических актов в нашей стране и за рубежом стали следствием радикальной политической активности религии, ее использования в политических и финансовых целях.

Рассмотрим подробно содержательные компоненты политизации религии, а также формы и уровни ее проявления, чтобы понять, существуют ли факторы, определяющие взаимовлияние политики и религии, а также насколько уместно говорить о «манипуляции» религией и использовании ее как средства достижения явных или скрытых политических целей.

Политика и религия: взаимосвязь или взаимовлияние?

Религия на сегодняшний день четко отделена от политики фундаментальными принципами свободного демократического, правового, социального государства, заложенными в том числе и в Конституции Российской Федерации. Казалось бы, политика и религия не должны соприкасаться (хотя исторические факты доказывают обратное); они четко – и с общественной, и с правовой точек зрения – разведены, у них разное предназначение, хотя и одна и та же аудитория. Тем не менее связь была, есть и остается, и, как отметил директор Центра изучения религии РАНХиГС Д. Узланер, она стала «односторонней – именно политика, наряду с экономикой и прочими «серьезными» сферами, оказывала влияние на религию» (Узланер 2019). Ученый считает, что эта «односторонность влияния политики на религию и в целом неспособность последней воздействовать на «серьезные» сферы общества казались чем-то очевидным и достаточно хорошо обоснованным».

Взаимовлияние политики и религии хорошо прослеживается, но особенно

примечательно именно давление первой на вторую. Тем не менее, по мнению известного российского исследователя М.М. Мchedловой, «многие политические вопросы обретают общественное звучание только после обогащения их религиозными смыслами, а религиозные призывы получают отклик именно в политическом пространстве. В итоге идут взаимосвязанные процессы политизации религии и конфессионализации политики» (Мchedлова 2013).

И тем не менее возникает вопрос, почему сегодня политика, даже учитывая исторический опыт, продолжает оказывать сильное влияние на религию? Анализ теоретических источников позволил выявить два противоположных подхода. В первом случае исследователи убеждены, что политизация религии возможна и обусловлена тем, что политизированность, политические основы уже были заложены в фундамент мировых религий, и что эти религиозные системы подразумевают именно политический контроль над поведением и миросозерцанием верующих в условиях институционального строения религиозной группы и исторически сложившейся специфики культа. Сторонники второго подхода придерживаются убеждения, что политика на протяжении всей истории использовала религию как инструмент воздействия на общество, в том числе для прихода к власти и контроля общественным сознанием. То есть ничего удивительного в усилившихся за последние два десятилетия процессах политизации религии нет; это продолжающийся исторический опыт, обрастающий новыми, более сложными способами политизации конфессионального компонента.

Как пишет Е.И. Дребущенко, «на сегодняшний день политика и религия взаимосвязаны как никогда раньше. Религия и религиозные убеждения все чаще используются для достижения политических целей, причем не имеет значения, каким способом эти цели будут достигнуты» (Дребущенко, 2011: 232). Действительно, как показывает практика, политизация (или политизированность) характерна для всех современных монотеистических конфессий. Предлагая свою версию мироустройства и предназначения человека, религия содержит в себе конкретные представления об «идеальном государстве» и справедливой политике. Яркий пример – это т.н. «идеальный халифат», за который борются исламисты, принадлежащие к наиболее радикальным течениям внутри мусульманства. Несмотря на то, что в этой борьбе нередко используются запрещенные, в том числе неправомерные, методы, тем не менее политизированный исламизм – это некая реализация исламской альтернативы, стремящаяся занять свое место в мировой политике, стать одним из полюсов ее влияния.

Подобные примеры (их множество) подтверждают тезис о том, что наметившееся возрождение религии в мире усиливается. При этом очевидно, что религия возвращается и в политическую жизнь государства. О взаимосвязи и взаимовлиянии религии и политики указывается в большинстве актуальных исследований:

М.С. Павловнин: «Религия и политика, однако, могут оказывать взаимное влияние друг на друга. Политика воздействует на религию, регулируя общественную жизнь, создавая законные границы для ее жизнедеятельности, формируя климат взаимного уважения и терпимости между конфессиональными общностями, защищая права граждан на свободу совести, а также регулируя правовое положение религиозных организаций. В свою очередь политический процесс развивается и обуславливается не только границами существующих соотношений политических сил и характером политической системы, но и сформировавшимися в обществе духовными идеалами и принципами» (Павловнин 2012, с. 45);

С.С. Восканян, С.С. Ермакова: «Религия помогала политике приобрести и укрепить власть над сознанием человека, которое предопределяло его поступки, место, роль, поведение и степень активности в политике [...] Политика и религия использовали друг друга как в собственных интересах, так и в общих. И в этом смысле не только религия

¹ Фарах, С., «Политизация религии и религиозность политики», программная статья на сайте издательского дома «Медина», режим доступа: <http://polpred.dumrf.ru/books/islamic/?3209> (дата обращения: 11.08.2021).

выступала средством манипулирования массами для политики, но и наоборот, когда служители церкви убеждали массы, что всякая (светская) власть от Бога. Поддерживая таким образом политику, религия в то же время получала аналогичную поддержку со стороны политики. Такая взаимопомощь была относительно временным явлением и периодически она прекращалась по вине одной из сторон» (Восканян, Ермакова 2013, с. 14);

Ф. Сяриф, индонезийский исследователь из Университета Памуланг (*Universitas Padjadjaran, Indonesia*): «Вера и политика исторически были и остаются взаимосвязаны. Религия же будет продолжать набирать политическую силу, при этом становясь не только еще более политизированной, но и превращаясь в социальное движение, которое непременно будет менять и общество, и, разумеется, саму религиозную группу, еще больше влияя на ее политические взгляды (Syarif 2017, p. 443).

Модель взаимоотношений политики (в лице именно государства и власти) с религией можно условно разделить на два вида:

1) *сепарационное взаимоотношение*: влиянием либеральных стандартов свободы мысли, совести и вероисповедания религия четко отделена от дел государственных, ее роль как феномен общественно-политической жизни сведен к минимуму; вера признается сугубо личным, интимным делом, а религиозные чувства верующих, выделенные в качестве объекта частной жизни и самодовлеющей ценности, охраняются государством;

2) *кооперационное взаимодействие*: можно назвать это «союзом государства и религии», где последняя признается как гарант сохранения традиций, устоев и сложившихся принципов организации общественной жизни; как правило, в демократических странах, признавая историческую роль религии в формировании государственной, национальной идентичности, религии находится место и в фундаментальных документах государства (конституция, ключевые законы, регламентирующие сферы фундаментальных прав и свобод человека и гражданина и т.д.), в том числе оказываются четко регламентированы условия взаимодействия государства и религиозных организаций.

Продолжая мысль о месте религии в демократиях, важно отметить, что чрезмерная вовлеченность веры в политическую сферу жизни общества, в политические процессы, не связанные с делами духовными, может представлять угрозу фундаментальным принципам демократии как таковым. Интересна в этой связи позиция американского ученого А. Брунелло, который видит в политизированной религии «серьезную угрозу плюрализму, общественному благу и, безусловно, признаком того, что личная и интеллектуальная свобода находятся под гнетом. Такой порядок вещей, как правило, приводит к искажению общественных ценностей; политизированная религия... извращает условия, при которых развиваются свобода слова и идеи. Эти влияния обычно направлены на манипулирование страхами и слабостями людей и, таким образом, могут только подорвать подлинную веру и духовный поиск, которые относятся к категории личного, скрытого» (Brunello 2014: с. 296). Однако, как считает Брунелло, именно чувствами верующих, через религию, «пытаются манипулировать политики, политические партии и элиты. Их интересы не могут служить интересам подлинного духовного поиска, пропагандисты и идеологи используют религию для достижения узких политических целей» (Brunello 2014, с. 299).

И тем не менее, если брать за образец ситуацию в России, то следует признать, что религиозная составляющая в жизни россиян, среди которых, отметим, растет процент атеистов², остается глубоко вовлеченной в контекст общественно-политической сферы, прежде всего в той части, которая оказывается сопряжена с имеющимися у граждан социальными проблемами и общим политическим кризисом в стране. Преобразования,

реформы, изменяющееся законодательство и прочие регуляторы общественно-политической жизни так или иначе касаются и той части быта, на которую сильнейшее влияние оказывает именно религия.

Основные (или традиционные³) религии, проповедуемые россиянами, и сами содержат в себе политическую составляющую, проявляющуюся, однако, от конфессии к конфессии по-разному. Тем не менее «политичность» религии (ее пассивная разновидность – *прим. автора*) – это совершенно другая сторона вопроса, первая в данном случае неотделима от второй. «Политичность» религии, заложенная в ней первоначально, необязательно проявляет себя и уж точно совсем никак не влияет на реальные политические процессы, на политическую сферу жизни своих последователей, в частности на их политические пристрастия. Но это, конечно, если говорить об идеальном порядке вещей. И здесь речь идет именно о политических функциях религии. Они, по мнению С.-Х.М. Нунуева, состоят в том, что «религия сплачивает и стабилизирует общество, воспроизводит совокупность моральных и культурных образцов, а также традиционных ценностей, ориентаций и установок поведения. Религия способствует интеграции людей и их сообществ в политический порядок путем внедрения своих норм и предписаний как установок типичного поведения» (Нунуев 2016). Именно поэтому нельзя путать политизацию религии, факты ее притянутой политизированности со случаями, когда религия выполняет свои политические функции, заложенные в ней, что называется, по умолчанию. Второй случай – это данность; она состоит в природе религии. Первый – это, как правило, грубое, искусственное вовлечение конфессиональной, духовной, глубоко интимной составляющей в спорные, неоднозначные, часто нелицеприятные, оказывающие сильное давление на массовое сознание политические процессы и события.

В качестве примера можно привести ислам. По мнению ассоциированного профессора Университета Брандейса (Brandeis University, USA) Дж. Клаусена, проблема политизации данной религии тесно переплетена с тем фактом, что «мусульманская конфессия практически не допускает разделения (дистанции) между личной верой человека и существующими общественными ценностями, в том числе, в сфере политики, управления и права» (Klausen 2005, с. 554).

Как нами уже было отмечено, религия и политика неразрывно связаны, их невозможно абсолютно разграничить и изолировать друг от друга, по большей части в политику религия бывает втянута не по собственной прихоти и не по желанию исповедующей ее массы. Это связано, прежде всего, с тем, что в отличие от доверия к религии политика в нашей стране пользуется минимальной благосклонностью жителей, именно к религии обращается человек в самых сложных, запутанных жизненных ситуациях, в ситуациях выбора, неопределенности или отчаяния. *Общее же между политикой и религией*, по мнению В.С. Глаголева, заключается в том, что «обе эти сферы являются областью регулирования связей и отношений между людьми, их единения или разъединения. Но более существенны и глубоки различия между ними. Очень важен в этом сопоставлении следующий момент: *если политика опирается на насилие, то религия исторически оценивала насилие по-разному*. В Древнем мире и в Средние века национальные религии обычно открыто одобряли применение насилия по отношению к единоверцам или своим политическим противникам. В настоящее время подавляющее большинство национальных религий и представители мировых религий осуждают насилие в любых его формах» (Глаголев 2009, с. 195).

3 По поводу определения «традиционные» в отношении религий, проповедуемых большинством россиян, все еще остается множество споров и неясностей. В частности, из Пreamбулы Федерального закона № 125 «О свободе совести и религиозных объединениях» от 26.09.1997 г. термин «традиционные» (религии) был убран в связи с тем, что он вызывал серьезное недоумение общественности.

2 По данным ВЦИОМ: https://www.dp.ru/a/2019/08/14/Opros_sredi_rossijskoj_m.

Политизация религии – это относительно молодая тенденция, она присуща той или иной религии в разной степени; тенденция эта малоизучена и потому неоднозначна, ибо понимание ее, трактовки и сами проявления (явные и скрытые) оказываются связаны с глубокими, сложными политическими и религиозными тенденциями. При этом различны и формы политизации религии, то есть то, каким образом она воплощается, в каком виде она проявляется в тех или иных случаях.

Здесь, на наш взгляд, следует выделить следующие формы политизации религии:

1) *Политизация религии политическими силами* – ситуация, когда представители конфессии, официальные лица духовенства либо сама религия, содержание ее священнописания или иные ее атрибуты, оказываются вовлечены в политические процессы или события либо используются в политических целях.

2) *Идеологизация религии* – ситуация, когда определенная религиозная идеология, целиком или частично, неявно подается массам в качестве приоритетной, наиболее благонадежной или правильной; религиозное учение постепенно, с использованием политико-психологического инструментария влияния на массовое сознание, превращается в т.н. «обязательную», предпочитаемую религиозную мысль. Безусловно, в подобного рода ситуациях неизбежны столкновения религиозных идей с идеями светскости и принципами демократии (например, Коваль 2013).

3) *Активная политизированность религии (или политическая активность религиозных деятелей в контексте религиозного учения)* – активная вовлеченность (по собственной инициативе или вынужденно) ключевых лиц конфессии в политические процессы и события, напрямую не связанные с верой, религиозными явлениями или духовной жизнью ее последователей. Как правило, подобного рода политизация религии, вовлечение веры в не связанные с ней непосредственно процессы – это либо результат попыток представителей духовенства потакать различного рода политическим силам, либо стремление духовенства влиять на определенного рода политические явления или события, и связано это стремление с политическими амбициями тех или иных его представителей.

Схожими позициями делится М.В. Силантьева: «Сегодня политизация конфессиональных структур представляет собой процесс, параллельный «синкретизации» религиозного пространства. Подобная политизация связана, как это ни парадоксально, с деятельностью крупных религиозных объединений, представляющих мировые религии. Так, инициатива «превратить Церковь в прообраз гражданского общества» (как и явно выраженный социальный заказ на исследования подобных возможностей исторического, компаративного и проективного плана) исходит прежде всего из недр РПЦ. Сходным образом консолидируются «все здоровые силы» ислама (правда, на фоне радикальной борьбы компетентных органов с «нетрадиционными» формами данной конфессии на территории РФ – в основном салафитского типа в его пропагандистском и деятельностином вариантах)» (Силантьева 2012, с. 381).

В процессе активной политизации религии ее учение, догматы или непосредственно содержание отдельных канонов священнописания используются как инструмент оправдания того или иного выступления, как объяснение различного рода проявлений политической активности или вовлечение в политику в целом. По сути, это *политизация религии самой религией*. При этом истории России известны печальные случаи, когда религиозное учение напрямую отождествлялось с тем или иным политическим режимом или строем, как и фатальный исход таких политических заигрываний с верой.

4) *Самоидентификационная политизация религии (или националистическая)* – ситуация, когда на поликонфессиональном государственном пространстве определенная религиозная мысль отождествляется или приравнивается к общегосударственной этнонациональной идентичности. Такая ситуация грозит не только развитием

тотального национализма в стране, но и может привести к неофициальному, но вполне реальному формированию господствующей, «главной» религии государства, что, в свою очередь, приводит к необратимому духовному кризису и даже межконфессиональным столкновениям. В подобных случаях политическая и религиозная составляющие практически сливаются, причем вторая начинает определять и направлять первую.

5) Интересно привести здесь позицию В.С. Лебедева, который считает, что методологически правильнее рассматривать политизацию религии «не как некий застывший социальный факт, а как постоянно текущий процесс взаимодействия политической и религиозной сфер, в ходе которого политические явления оказываются наделенными сакральным статусом (“священная война”), а религиозные – политическим (трансформация религиозных праздников в общегосударственные)» (Лебедев 2015, с. 195). Исследователь также предлагает собственную классификацию видов политизации религии: «Необходимо провести границу между “акторной политизацией”, возникающей вследствие целенаправленной деятельности заинтересованных игроков, и “спонтанной политизацией”, которая происходит в качестве реакции на то или иное случайно возникшее, но общественно значимое событие» (Лебедев 2015, с. 196).

Здесь же хотелось бы обозначить два ключевых момента, связанных с направленностью данного исследования. Во-первых, эта классификация предложена для понимания, что политизация может быть разной и исходить она может от разных субъектов⁴. Второй момент связан с наличием политической компоненты внутри любой из современных религий, в том числе наиболее распространенных в России, авраамических. В статье не рассматривается *пассивная*, т.е. уже заложенная во всех без исключения конфессиях *политичность*. Однако приведем в связи с этим мнение С.А. Семедова по поводу изначальной политизированности наиболее известных сегодня вероисповеданий: «...Ислам изначально является духовно-политической идеологией, как, впрочем, любая другая религиозная система. Однако ислам в большей степени политизированная идеологическая система, чем христианство. В то же время конфуцианство и особенно иудаизм, менее политизированные системы, чем мусульманство. Точки соприкосновения политики и религии в этих системах такие же, как и в исламе» (Семедов 2009, с. 230).

Политизация религии в разрезе «исламской проблематики»: эмпирический ракурс

Исходя из обозначенного выше, роль религии в политике невозможно отрицать или недооценивать. Тем более нельзя отрицать, что политизация религии – полноценное явление в рамках обширной, многообразной политической жизни общества. Как отмечает Ю. Хабермас, религия играла и продолжает играть огромную роль в политике: «Зачастую именно религиозные мотивы руководят политическими акторами при принятии решений об их собственных политических действиях на выборах различного уровня, принятии законов и регулировании вопросов местного управления; религиозная составляющая влияет и на содержание конституций различных стран» (Habermas 2011).

⁴ Здесь же хотелось бы отметить, что очень часто на различного рода факты общественно-политической жизни, в том числе конкретно-политических явлений или событий, например, по поводу принятия важнейших политических решений в сферах, непосредственно сопряженных с духовной сферой, по поводу принятия и внесения изменений в нормативно-правовые акты различного уровня по части прав и свобод человека и гражданина, в том числе сфер, связанных с духовным развитием, свободой вероисповедания и других, высокая, ответственная экспертная оценка представителей духовенства именно с позиций религиозных догматов и оснований критически необходима, иначе политическое может оказаться в резкой конфронтации с религиозным, что недопустимо. Конечно, в таких случаях речь идет вовсе не о политизации религии или ее вмешательстве в политику (т.н. «религизация политики»), а об адекватной реакции полноценного института гражданского общества, отделенного тем не менее от государства, на проблему, находящуюся в непосредственном ведении духовенства.

М. Брауэрс считает, что исходя из различий природы закона как акта государства и фундаментальных основ религии невозможно говорить о гармоничной дихотомии между теологическим знанием и политикой, между ценностями политики и религии (Брауэрс 2004). Однако некоторые религиозные течения все же допускают определенный плюрализм, гибридизацию взаимоотношений сугубо конфессионального начала и сферы политического влияния и управления. Примером может выступить ислам, не просто включающий в себя политическое по умолчанию, но и являющийся важнейшим политическим актором в глобализирующемся мире. Как точно отмечает Е. Байдаров, «ислам представляет поиск своей оригинальной модели глобализации, основанной на собственных религиозных традициях и культурных основах» (Байдаров 2013). Предложенный тезис упомянутый автор дополняет тем, что ислам как «политизированная религия» в условиях глобализации, текущих политических процессов и международных отношений между различными цивилизационными мирами нацелен на разработку собственной, жизнеспособной политической повестки, которая, с одной стороны, являлась бы частью постглобализационных эффектов и геополитических трансформаций, но с другой – согласовывалась бы с внутренними принципами религии.

Но у этого аспекта есть обратная сторона – аффекты, сказывающиеся на исламе как сугубо духовном учении, без «смеси» из политических, культурных, экономических, правовых и других элементов. Если рассматривать ислам как чисто религиозное течение, то активное его вовлечение в политику крайне негативно сказывается на теологических и моральных учениях этой религии: «Пришло время заняться решением этого проблемного вопроса, – считает М. Акёл (Mustafa Akyol), политический и религиозный обозреватель газеты «Нью-Йорк Таймс». – Вместо того, чтобы рассматривать политизацию религии как естественное явление – или, как поступают некоторые мусульмане, гордиться этим фактом – её (политизацию религии – прим. автора) нужно рассматривать как проблему, требующую разрешения»⁵. В целом рост влияния религии на общественно-политическую повестку, распространение религиозного дискурса на сугубо политические сферы можно рассматривать как процесс распространения ценностей и мировоззрения ислама на «новые миры», в которых ислам только начинает «завоевывать» сердца и мысли верующих, в том числе начинает утверждаться как одна из полноправных сфер жизни общества, имеющая влияние и на политические пристрастия своих последователей.

Однако, чтобы не удаляться от логики исследования и не подменять основную тему исследования изучением аспектов глобального распространения исламской мысли, отметим, что влияние религии на политические процессы не всегда носит негативный характер. Здесь мы позволим себе согласиться с мнением ряда исследователей (например, Woodhead, Syarif и некоторые другие), что в политическом поле религия может выступать как «сила поддержания и сохранения мира». Благодаря этим «сильным сторонам» религия способна не только на умиротворение и снятие напряженности в массах, но и противостоять политическим злоупотреблениям со стороны привилегированных, «авторитетов». Однако, по мнению американского исследователя Л. Вудхед (Woodhead), даже несмотря на наличие подобных благородных мотивов, значение религии в общественной жизни снижается из-за секуляризации, «приватизации» права влиять на умы со стороны светского государства: «Секуляризация ведет к монополизации религиозных традиций, и это увеличивает возможность «заигрывать» с религией, участвовать в ней с политических позиций, дерационализировать религиозное знание и бюрократизировать религию под надобности политических сил» (Woodhead 2001).

Возвращаясь к кейсу ислама как одного из наиболее политизированных (по своей природе либо искусственно) религиозных течений, обратим внимание на отечественный, российский опыт.

Например, на Кавказе, в Прикаспийском регионе ислам не только играет крайне важную роль в социальной и политической жизни, но и исполняет роль идеологии политического движения (в разрешении, к примеру, политических вопросов в таких регионах российского Северного Кавказа, как Республика Ингушетия, Чеченская Республика; в разрешении земельных и межтепловых, межобщинных споров в Республике Дагестан), а также используется для обозначения правил, норм морали и нравственности, основ взаимоотношений в обществе. Для понимания общей картины напомним, что на Кавказе с начала 2000-х годов отмечается смещение внимания политических сил на религиозный фактор, усиление попыток политизации религиозных идеологий, активное вовлечение религиозного компонента в разрешение политических и сопряженных споров и конфликтов: «В результате в политической жизни постсоветского Кавказа весьма важное место начали занимать религиозные явления, приобретшие политическую окраску, такие, как мусульманский радикализм («ваххабизм») на Северном Кавказе, деятельность православных пуристов и антиэкуменистов в Грузии, исламское возрождение в Азербайджане, религиозно-политические разногласия внутри армянской диаспоры и их перенос в Армению, превращение православия в государствообразующую религию в поликонфессиональной России и т.п.» (Искандарян 2004, с. 6).

Что касается процесса исламского влияния в политике, то здесь следует отметить, что религиозное и политическое в мусульманском вероучении крайне тесно переплетены, мусульманская община испытывает огромное влияние своего вероучения на формирование политического мировоззрения и политических идеалов. Религия имеет основополагающее значение для, к примеру, северокавказских сообществ, в регионах Северного Кавказа вера продолжает набирать политическую силу влияния на массы. Религия здесь находится в «теле общества», духовная сила, существующая внутри нее, побеждает все остальные (в том числе силу внутриполитических интересов, хотя в то же время религия здесь выступает в качестве инструмента и политического влияния, а в отдельных случаях – политического давления).

В этой связи справедливо упомянуть тезис о том, что религия зачастую «привносится политикой, чтобы узаконить политику» (Syarif 2017, с. 45), чтобы произвести впечатление на потенциальную аудиторию, адаптированную под политизированный задел духовного знания и привыкшую к тому, что религия «вмешивается» во все сферы жизнедеятельности человека, в том числе и в политику. Подтверждение тому – усиливающееся влияние религии в этнических и религиозных сообществах на Кавказе, в Прикаспийском регионе, в котором, как давно уже признано, происходит «ренессанс» религии (Абдуллаев 2017, с. 119), ее возрождение и постепенное перестроение. Вера в этих условиях становится одним из ключевых источников формирования политических взглядов и ценностей. Речь в данном случае идет об исламе, в котором крайне сильна догматическая первооснова, которая, в свою очередь, формирует политические тенденции, влияет на политические процессы. Авторитет догмата в исламе направляет политическую жизнь общества к идеологической ориентации (Syarif 2017, с. 47), тогда как адаптация религиозной идеологии к политическим реалиям, находящимся в условной атмосфере светскости, может протекать крайне болезненно, привести к подмене политического управления к тотальному контролю религией светских сфер жизни, к обратному процессу, именуемому «религизацией политики» (Marshall 2018; Абдуллаев 2019, с. 124).

Добавим, что было бы ошибочным смешивать такие понятия, как «политизация религии» и «политизированность религии». По мнению автора исследования, названные явления различны по своему характеру и политической подоплеке, по «основанию», на

⁵ Akyol, M., How politics has poisoned Islam? The New York Times, Feb. 3, 2016, available at: <https://www.nytimes.com/2016/02/04/opinion/how-politics-has-poisoned-islam.html> (accessed 10.07.2021).

котором каждое из них зиждется. Если первое можно определить как процесс искусственного, заведомо нацеленного на определенный политический результат (эффект) использования или внедрения отдельного религиозного компонента или в целом религии в политическое поле, при котором религиозное становится инструментом манипуляции, достижения политических целей, формирования определенного политического мировоззрения либо скрытого принуждения членов общества (или религиозной группы) к определенному поведению (политическому и т.д.), то «политизированность религии» подразумевает искомое наличие политического в религии, когда в качестве одной из ее характеристик можно назвать «политикоориентированность», наличие в ее основе «политической платформы», в том числе ее исконно историческое участие во всех сферах жизни общины, в том числе в политической. Политизированность религии означает ее вовлеченность в политику и политические процессы по умолчанию; политическое в данном случае содержится и в ее теоретическом базисе, и в практике ее реализации, эта политизированность обеспечена характером практического воплощения религии среди верующих, в том числе через исторический опыт.

В заключение отметим: вышеприведенные терминологические «расшифровки» имеют дискуссионный характер. Область на пересечении политизации и политизированности представляет собой серьезный научный интерес, является перспективной междисциплинарной проблемой, нуждающейся в дальнейшем исследовании и разработке соответствующего теоретико-методологического аппарата с учетом этических моментов изучения религиозного и политического в нем.

Источники

- Абдуллаев, М.Х. (2017), “Масс-медийный дискурс политизации ислама: к постановке проблемы”, *Русская политология*, № 2 (3), сс. 118-126.
- Восканян, С.С., Ермакова, С.С. (2013), “Религия как инструмент политического манипулирования: исторические аспекты и современность”, *Исламоведение*, № 2, сс. 14-22.
- Глаголев, В.С. (2009), *Религия и политика. Религиоведение*, ЮНИТИ-ДАНА, Москва.
- Данилов, М.В. (2013), “Политизация в современном обществе как объект политических исследований”, *Изменения в политике и политика изменений: стратегии, институты, акторы*, Тезисы докладов Пятого Всероссийского конгресса политологов, режим доступа: http://www.civisbook.ru/files/File/Danilov_RAPN.pdf.
- Дребущенко, Е.И. (2011), “Политизация британских мусульман на рубеже XX-XXI вв. как часть глобального цивилизационного кризиса”, *Теория и практика общественного развития*, № 1, сс. 232-237.
- Дринова, Е.Н. (2011), “Политизация религии и ее динамические характеристики в современном мире”, *Философия права*, № 5, сс. 113-117.
- Коваль, Т.Б. (2013), “Религиозная ситуация в современной России: основные тенденции”, XIV Апрельская конференция ВШЭ, режим доступа: <https://iq.hse.ru/news/177670346.html>.
- Лебедев, В.С. (2015), “Политизация религии в современном мире: концептуализация проблемы”, *ПОЛИТЭК*, Т. 11, № 3, сс. 192-198.
- Мчедлова, М.М. (2013), “Возвращение религии, или Новый мир: в поисках объяснения”, *Политическая наука*, № 2, сс. 25-47.
- Нунуев, С.-Х.М. (2016), “Политизация религии в современной России (теоретико-категориальный анализ)”, *Общество: политика, экономика, право*, № 8, сс. 14-19.
- Павловнин, М.С. (2012), “Взаимовлияние религии и политики в современном политическом пространстве”, *Вестник Томского государственного университета*, № 359, сс. 44-46.
- Искандарян, А. (2004), *Религия и политика на Кавказе*, КИСМИ, Ереван.
- Семедов, С.А. (2009), *Ислам в политике: идеология и практика*, Москва.
- Семедов, С.А. (2009), “Причины политизации ислама в современном мире”, *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*, № 3, сс. 225-235.
- Силантьева, М.В. (2012), “Синкретизм в условиях политизации религии: региональный аспект”, Материалы IV Очередного Всероссийского социологического конгресса. 23–25 октября 2012, Уфа.
- Терешина, Е.А. (2012), “Понятие политизации религии”, *Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки*, Т. 154, кн. 1, сс. 254-260.

- Узланер, Д. (2019), “Религия и политика: неразрывный симбиоз?”, *Россия в глобальной политике*, № 1, режим доступа: <https://globalaffairs.ru/number/Religiya-i-politika-nerazryvnyi-simbioz-19959>.
- Browsers, M. (2004), “Shahrur’s Reformation: Toward a Democratic, Pluralist and Islamic Public Sphere”, *Journal of Historical Reflection/Réflexions Historiques*, No. 30 (3), pp. 445-467.
- Brunello, A.R. (2014), “The Effects of Politicization and Moralism in Religion and Public Thought”, *Journal of Social Science for Policy Implications*, Vol. 2, No. 2, pp. 295-322.
- Habermas, J. (2011), *Religion in the Public Sphere. In The Power of Religion in the Public Sphere*, Ed. Mendieta, J. and Van Antwerpen, E., Columbia University Press, Columbia.
- Klausen, J. (2005), “The Re-Politicization of Religion in Europe: The Next Ten Years”, *Perspectives on Politics*, Vol. 3, No. 3, pp. 554-557.
- Marshall, P. (2018), *Politicizing Religion. Religious Freedom Institute*, available at: <https://www.hudson.org/research/14598-politicizing-religion>.
- Syarif, F. (2017), “Politicization of Religion: Religion in Political Discourse”, *Walisongo: Jurnal Penelitian Sosial Keagamaan*, No. 25 (443).
- Woodhead, L. (2001), *The Study of Religion*, Routledge, London.

doi: 10.53658/RW2021-1-1-27-40

Politicization of Religion in Theoretical and Terminological Understanding

Murad Kh. Abdullaev

Agency for strategic communication (Moscow, Russia).

Abstract. The article is devoted to an actual interdisciplinary problem at the intersection of political science and religious studies – the discourse of the political in religion, the politicization of religion, the artificial transfer of purely spiritual values, phenomena and categories into the political field in order to use religion for political purposes. The author considers the problem from two angles: (1) the politicization of religion for mercenary purposes and (2) the clergy’s political activity based on a deliberately politicized religious teaching that has a strong political platform (ideology) at its core. This study is purely theoretical, and nevertheless the author undertakes a number of empirical digressions in order to demonstrate how the politicization of religion manifests itself in the socio-political sphere of human life. Thus, the main problem of the study should be designated as a theoretical understanding and disclosure of the practical significance (i.e., risks and effects) of the religion politicization’s negativity and how it could effect on religious groups. The article identifies the objective factors of the mutual influence of religion and politics, the presence of strong political origins in a number of creeds, and the rich historical experience of the political role of faith in society.

Keywords: politicization, politicization of religion, religious discourse, religion and politics

About the author: Murad Khalilovich ABDULLAEV – Cand Sc. (Philol.), junior associate expert at the Agency for strategic communication, Member at American Political Science Association (Washington DC, USA). Address: Dukhovskiy lane, 17/10, Moscow, Russia, 115191. ORCID: 0000-0002-3220-5161. E-mail: m.abdullaew2010@yandex.ru.

References

- Abdullaev, M.K. (2017), “The Mass Media Discourse of the Politicization of Islam: Towards a Problem Statement”, *Russian Political Science* [“Mass-mediyni diskurs politizatsii islama: k postanovke problemy”, *Russkaya politologiya*, No. 2 (3), pp. 118-126 (in Russian)].
- Browsers, M. (2004), “Shahrur’s Reformation: Toward a Democratic, Pluralist and Islamic Public Sphere”, *Journal of Historical Reflection/Réflexions Historiques*, No. 30 (3), pp. 445-467.

- Brunello, A.R. (2014), "The Effects of Politicization and Moralism in Religion and Public Thought", *Journal of Social Science for Policy Implications*, Vol. 2, No. 2, pp. 295-322.
- Danilov, M.V. (2013), "Politicization in modern society as an object of political research", Changes in politics and the policy of change: strategies, institutions, actors, Abstracts of the Fifth All-Russian Congress of Political Scientists ["Politizatsiya v sovremennom obshchestve kak ob"ekt politicheskikh issledovaniy", *Izmeneniya v politike i politika izmeneni: strategii, instituty, aktory, Tezisy dokladov Pyatogo Vserossiiskogo kongressa politologov*], available at: http://www.civisbook.ru/files/File/Danilov_RAPN.pdf (in Russian).
- Drebushchenko, E.I. (2011), "The politicization of British Muslims at the turn of the 19th -20th centuries as part of the global civilizational crisis", *Theory and practice of social development* [Politizatsiya britanskikh musul'man na rubezhe XX-XXI vv. kak chast' global'nogo tsivilizatsionnogo krizisa], *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*, No. 1, pp. 232-237 (in Russian).
- Drinova, E.N. (2011), "The politicization of religion and its dynamic characteristics in the modern world", *Philosophy of Law* ["Politizatsiya religii i ee dinamicheskie kharakteristiki v sovremennom mire", *Filosofiya prava*], No. 5, pp. 113-117 (in Russian).
- Glagolev, V.S. (2009), *Religion and Politics. Religious Studies* [Religiya i politika. Religiovedenie], UNITY-DANA, Moscow.
- Habermas, J. (2011), *Religion in the Public Sphere. In The Power of Religion in the Public Sphere*, Ed. Mendieta, J. and Van Antwerpen, E., Columbia University Press, Columbia.
- Iskandaryan, A. (2004), *Religion and Politics in the Caucasus* [Religiya i politika na Kavkaze], Yerevan (in Russian).
- Klausen, J. (2005), "The Re-Politicization of Religion in Europe: The Next Ten Years", *Perspectives on Politics*, Vol. 3, No. 3, pp. 554-557.
- Koval, T.B. (2013), "The Religious Situation in Contemporary Russia: Main Trends", 14th April HSE Conference ["Religioznaya situatsiya v sovremennoi Rossii: osnovnye tendentsii", XIV Aprel'skaya konferentsiya VShE, access mode: <https://iq.hse.ru/news/177670346.html>].
- Lebedev, V.S. (2015), "The politicization of religion in the modern world: conceptualization of the problem", *POLITEKS* ["Politizatsiya religii v sovremennom mire: kontseptualizatsiya problemy", *POLITEKS*], Vol. 11, No. 3, pp. 192-198 (in Russian).
- Marshall, P. (2018), *Politicizing Religion. Religious Freedom Institute*, available at: <https://www.hudson.org/research/14598-politicizing-religion>.
- Mchedlova, M.M. (2013), "The Return of Religion, or the New World: In Search of an Explanation," *Political Science* ["Vozvrashchenie religii, ili Novyi mir: v poiskakh ob"yasneniya", *Politicheskaya nauka*], No. 2, pp. 25-47 (in Russian).
- Nunuev, S.-K.M. (2016), "Politicization of religion in modern Russia (theoretical and categorical analysis)", *Society: politics, economics, law* ["Politizatsiya religii v sovremennoi Rossii (teoretiko-kategorial'nyi analiz)", *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*], No. 8, pp. 14-19 (in Russian).
- Pavlovnin, M.S. (2012), "The interaction of religion and politics in the modern political space", *Bulletin of Tomsk State University* ["Vzaimovliyaniye religii i politiki v sovremennom politicheskom prostranstve", *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*], No. 359, pp. 44-46 (in Russian).
- Semedov, S.A. (2009), "The reasons for the politicization of Islam in the modern world", *State, religion, church in Russia and abroad* ["Prichiny politizatsii islama v sovremennom mire", *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*], No. 3, pp. 225-235 (in Russian).
- Semedov, S.A. (2009), *Islam in Politics: Ideology and Practice* [Islam v politike: ideologiya i praktika], Moscow (in Russian).
- Silantyeva, M.V. (2012), "Syncretism in the context of the politicization of religion: a regional aspect", Materials of the 4th Ordinary All-Russian Sociological Congress [Sinkretizm v usloviyakh politizatsii religii: regional'nyi aspekt], Materialy IV Ocherednogo Vserossiiskogo sotsiologicheskogo kongressa, October 23-25, 2012, Ufa (in Russian).
- Syarif, F. (2017). "Politicization of Religion: Religion in Political Discourse", *Walisongo: Jurnal Penelitian Sosial Keagamaan*, No. 25 (443).
- Tereshina, E.A. (2012), "The concept of politicization of religion", *Scientific Notes of Kazan University, Humanities* ["Ponyatie politizatsii religii", *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*], Vol. 154, book 1, pp. 254-260 (in Russian).
- Uzlaner, D. (2019), "Religion and Politics: An Inseparable Symbiosis?", *Russia in Global Affairs* ["Religiya i politika: nerazryvnyi simbioz?", *Rossiya v global'noi politike*], No. 1, available at: <https://globalaffairs.ru/number/Religiya-i-politika-nerazryvnyi-simbioz-19959> (in Russian).
- Voskanyan, S.S. and Ermakova, S.S. (2013), "Religion as a Tool of Political Manipulation: Historical Aspects and the Present", *Islamic Studies* ["Religiya kak instrument politicheskogo manipulirovaniya: istoricheskie aspekty i sovremennost", *Islamovedenie*], No. 2, pp. 14-22 (in Russian).
- Woodhead, L. (2001), *The Study of Religion*, Routledge, London.

ГЕОПОЛИТИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

doi: 10.53658/RW2021-1-1-42-50

Партнерство без обязательств: особенности российско- иранских отношений в последние десятилетия

Раванди-Фадаи Л.М.

Институт востоковедения Российской академии наук (Россия,
Москва).

Аннотация. В статье рассматриваются особенности советско-иранских, а затем – российско-иранских отношений, начиная с исламской революции в Иране в 1979 году и до настоящего времени. Анализируются основные этапы и события в двусторонних отношениях. Особое внимание уделяется двустороннему сотрудничеству по вопросу Сирии, в том числе и рассмотрению интересов Ирана в этой стране, включая экономические. Предпринята попытка определить уровень достигнутых двусторонних отношений. Установлено, что во времена СССР отношения носили конфронтационный характер, хотя в самые последние годы существования Советского Союза они начали улучшаться. Тенденция к улучшению и активизации отношений продолжилась и после распада СССР, однако российско-иранские отношения на современном этапе в целом нельзя охарактеризовать как союзнические. Хотя в случае Сирии действительно можно наблюдать союзничество России и Ирана, в целом отношения двух стран не носят достаточно глубокого характера, в ряде случаев в последние десятилетия между странами наблюдалось соперничество или даже конфликт – например, из-за отказа России от поставки Ирану ЗРК С-300. Проведенное исследование позволяет судить о том, что, учитывая внешнее давление Запада на обе страны, наряду с ростом внимания к традиционным ценностям существует определенная вероятность расширения и углубления российско-иранских отношений до уровня союзнических.

Ключевые слова: Россия, Иран, Буширская АЭС, ядерное досье, Сирия, ситуативное союзничество

Об авторе: Лана Меджидовна РАВАНДИ-ФАДАИ – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра изучения Центральной Азии, Кавказа и Урало-Поволжья Института востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН). ORCID: 0000-0002-7964-6335. Адрес: 107031, Россия, г. Москва, ул. Рождественка, 12. E-mail: ravandifadai@yahoo.com.

Отношения между Россией и Ираном – это идеальный пример сотрудничества двух государств: среднего по величине регионального игрока и ядерной сверхдержавы, – при котором общие цели в конкретных международных ситуациях не означают подлинного союзничества. Стороны скорее видят друг друга в качестве части более широкой мозаики своих внешнеполитических и военных игр. Но и существующие расхождения не могут привести к настоящей конфронтации. Может ли такая модель отношений перейти в нечто более глубокое и нужно ли это? Эти вопросы остаются открытыми. Цель данной статьи заключается в рассмотрении особенностей российско-иранских отношений, главным образом в политической

сфере, с момента исламской революции и до сих пор. Для этого были рассмотрены основные моменты в двусторонних отношениях, включая проблему «ядерного досье» и российско-иранское сотрудничество в Сирии. В ходе исследования был использован проблемно-хронологический метод, который позволил изучить особенности российско-иранских отношений в их последовательном развитии.

Отношения Советского Союза и Ирана после исламской революции и до распада СССР: от конфронтации к сотрудничеству

На днях Иран отпраздновал 40-летие победы исламской революции 1978 – 1979 годов. В силу масштабов и геостратегического положения страны она стала одним из крупнейших событий XX века. Исламская революция не только вырвала Иран из-под доминирования Запада и потеснила Саудовскую Аравию в части лидерства в исламском мире, но и привела к качественному пересмотру отношений Ирана со всеми зарубежными партнерами. Не стал исключением и СССР, а потом Россия. Более того, именно СССР немедленно оказался в новой иранской системе координат в положении «малого Сатаны», лишь немного уступая в своей вредоносности «большому Сатане» – США.

При этом СССР представлял для нового иранского режима гораздо большую угрозу, чем США. Причина – «безбожный» характер его политического режима и присутствие в Иране значительного азербайджанского меньшинства, что давало Москве гипотетическую возможность покуситься на территориальную целостность Ирана. Советский Баку стал на многие годы прибежищем иранских диссидентов – борцов как с династией Пехлеви, так и с аятоллами.

Сейчас отношения между Россией и Ираном развиваются в трех основных плоскостях: собственно двусторонние вопросы, проблематика «иранского ядерного досье» и сирийское урегулирование. И если в двусторонних отношениях все не всегда гладко, то по двум важнейшим международным сюжетам у сторон общее видение, а в Сирии Москва и Тегеран выступают в качестве уже не ситуативных, а долгосрочных союзников. Что, впрочем, не меняет двойственной природы их отношений.

Но даже так было далеко не всегда. Каждый, кто помнит советскую пропаганду конца 1970-х и большей части 1980-х годов не мог не слышать о том, что режим аятолл ничем не лучше шахской тирании, а Иран поддерживает террористов и занимается экспортом исламской революции. В Иране со своей стороны до сих пор помнят, что СССР оказывал значительную военно-техническую помощь Ираку в период ирано-иракской войны, которую сами иранцы называют «Отечественной». Кроме того, СССР до 1989 года воевал в Афганистане против исламского сопротивления, вызывавшего симпатию в этнически близком Иране.

Отношения начали нормализоваться только незадолго до распада СССР. Первые торгово-экономические контакты были осуществлены еще в 1986 – 1988 годах. Затем духовный лидер Ирана Рухолла Хомейни, который ни разу не ответил на поздравительные письма и телеграммы Леонида Брежнева, направил Михаилу Горбачеву знаменитое послание, в котором выражал надежду на сотрудничество. В 1989 году в ходе визита в Москву спикера иранского Меджлиса (парламента) Али Акбара Хашеми-Рафсанджани было подписано Долгосрочное соглашение об экономическом и техническом сотрудничестве, предполагавшее контракты на 10 млрд долларов (Karami 2011).

Российско-иранские отношения после распада СССР: достижения и проблемы

После крушения СССР изменился весь стратегический контекст отношений России и Ирана. Россия уже не представляла для Тегерана идеологического вызова, она ослабела и нуждалась в союзниках или по меньшей мере партнерах для дипломатической игры с Западом. При этом, несмотря на многократно увеличившееся число двусторонних визитов, торгово-экономическая часть отношений была относительно локальной, и при развитии российско-иранских отношений преобладали геостратегические соображения.

Помимо этого, между Россией и Ираном часто случалось непонимание относительно вопросов, связанных с Центральной Азией, хотя назвать это соперничеством нельзя, а в первой половине 1990-х годов Россия и Иран вместе с Узбекистаном внесли большой вклад в мирное урегулирование в Таджикистане (Арунова 2004, с. 314).

Но в целом равномерными отношения назвать было сложно. Так, например, в 1995 году Россия пошла на подписание секретного российско-американского меморандума «Гор – Черномырдин», согласно которому Россия обязалась завершить выполнение всех своих контрактов с Ираном по поставкам вооружений и военной техники и оказанию услуг военного назначения до 31 декабря 1999 года и впредь не заключать новых. Как следствие, экономические потери России составили не менее 4 млрд долларов. Речь идет о срыве контрактов по трем межправительственным соглашениям между Россией и Ираном от 1989, 1990 и 1991 годов, согласно которым Москва обязалась поставить Тегерану такие вооружения, как военные самолеты, подлодки, комплексы ПВО С-200 ВЭ, а также наладить лицензионное производство танков Т-72С и боевых машин пехоты БМВ-2¹. Иран со своей стороны отклонил в 1999 году соглашение о сотрудничестве правоохранительных органов². При этом Иран никогда не поддерживал религиозный экстремизм в России, например сепаратистское движение на Северном Кавказе.

Важным этапом двусторонних отношений были переговоры В.В. Путина и иранского президента М. Хатами весной 2001 года, в результате чего было подписано совместное коммюнике о взаимовыгодном сотрудничестве в политической, экономической, научно-технической и культурной сферах, а также на международной арене (Евсеев и Сажин 2009, с. 122).

Одним из наиболее тяжелых моментов в отношениях двух стран оказался отказ России поставлять Тегерану зенитно-ракетные комплексы С-300, которые, являясь вооружениями оборонного назначения, не подпадают под санкции ООН. Одна из возникших по этому поводу версий гласила, что руководство России приняло такое решение по личной просьбе премьер-министра Израиля Биньямина Нетаньяху. Тот, со своей стороны, якобы пообещал в обмен прекратить поставки израильского вооружения в Грузию. В качестве альтернативного мнения среди исследователей бытует и точка зрения о том, что Россия и США заключили негласный договор, в соответствии с которым Вашингтон в обмен на отказ Москвы продавать Тегерану комплексы С-300 обещал не препятствовать вступлению России в ВТО. Впрочем,

после снятия санкций с Ирана С-300 все-таки были поставлены осенью 2016 года в современной модификации (Мамедова 2017, с. 56).

Долгое время камнем преткновения в российско-иранских отношениях оставалась проблема правового статуса Каспийского моря. Для ее решения было проведено несколько саммитов прикаспийских государств. Первый саммит прошел в апреле 2002 года в Ашхабаде, второй состоялся в октябре 2007 года в Тегеране, а третий – в ноябре 2010 года в Баку. На втором саммите была подписана Декларация, где сторонам удалось согласовать общие подходы к выработке основополагающего документа – Конвенции о правовом статусе Каспийского моря (Хабиби-Рудсари 2013, с. 114-115). Однако спорные вопросы все еще оставались, и вплоть до подписания в 2018 году Конвенции о правовом статусе Каспия Россия и Иран придерживались разных взглядов на то, как должна проходить демаркация его водного пространства.

В 2005 году Россия оказала Ирану дипломатическую поддержку по получению им статуса наблюдателя в Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Пожалуй, наиболее успешным аспектом российско-иранских отношений стало сотрудничество в области атомной энергетики. В августе 1992 года было заключено соглашение о строительстве Бушерской АЭС на юге Ирана, однако из-за множества проблем оно затянулось на годы (Саруханян 2007), но в конечном счете было успешно завершено в 2011 году.

Отдельная история российско-иранских отношений – это вопрос о т.н. «иранском ядерном досье». Кризис, возникший вокруг ядерной программы Тегерана в 2002 – 2005 годах, сильно повлиял на российско-иранские отношения, что было связано с усилением критики России со стороны Запада.

При этом Россия достаточно долго блокировала попытки США и их союзников применить в отношении Ирана жесткие санкции. Хотя, признаем, сам Иран не делал каких-то значимых встречных шагов в плане демонстрации своей готовности вести диалог с международным сообществом по ядерной проблеме. Пока Россия заверяла своих западных партнеров в отсутствии незадекларированных элементов в исследовательской программе ИРИ, Тегеран в тайне проводил работы по сооружению объекта Фордоу. Неоднократно иранцами срывались уже практически достигнутые договоренности по международному обмену накопленного обогащенного урана в ИРИ. Возможно, такое поведение и привело к тому, что в 2010 году Россия поддержала санкционную резолюцию Совета Безопасности ООН № 1929.

Экономические отношения России и Ирана в 2000-е гг. развивались очень динамично. По данным на 2007 год, основными российскими проектами в Иране были инвестиции «Газпрома» – 750 млн долл.; ежегодный экспорт продукции металлургии и машиностроения, достигший объема в 2 млрд долл.; ядерный проект в Бушире, включающий поставку реактора стоимостью 1 млрд долл.; поставки систем ПВО на 700 млн долл., МиГ-29, танков Т-72 (Нобаев 2008, с. 36). Объем товарооборота в 2000 – 2010 годах вырос в 5,5 раз и достиг 3,5 млрд долл., однако во внешней торговле России доля торговли с Ираном оказалась равна всего 1%, что говорит о совершенно недостаточном развитии торговли. Тем более что в 2015 году и так небольшой товарооборот упал в 3 раза и оказался равен всего 1,3 млрд долл. В том году в российском экспорте в Иран сельскохозяйственное сырье и продовольствие составили 47,1%, металлы и изделия из них – 20,5%, что говорит о важности торговли с Ираном для российской промышленности, древесины и целлюлозно-бумажные изделия – 17,1%, машинное оборудование и транспортные средства – 10,9%, продукция химической промышленности – 3,0%. В российском импорте из Ирана резко преобладают продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье – 78,3%. Россия также ввозила продукцию химической

¹ Трофимов А. Анализ взглядов руководства Ирана на военно-техническое сотрудничество и перспективы России в регионе / Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 10.04.2003: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2003/10-04-03.htm> (дата обращения 30.07.2021).

² Казеев К. Наблюдательный совет отклонил законопроект / Информационное телеграфное агентство России (ИТАР-ТАСС), Р-08 СК956, 22.07.1999.

промышленности (8,8%), минеральные продукты (6,7%), машины, оборудование, транспортные средства (3,7%). Внешнеторговый баланс России в торговле с Ираном выраженно положительный, причем не только в торговле товарами, но и услугами (Сченснович 2020, с. 62-63). На российско-иранскую торговлю негативно влияет резкое изменение цен на нефть, а также финансово-экономические санкции Запада против Ирана (Rasoulnezhad 2016, p. 82-83).

Что касается российско-иранских отношений в культурной сфере, необходимо упомянуть деятельность чрезвычайного и полномочного посла Ирана в России в 2009 – 2013 год Махмуда-Резы Саджади, который активно вел свой блог. Этот блог был направлен на преодоление негативных стереотипов об Иране в России и распространение интересной информации об этой стране среди россиян, которым о ней было почти ничего не известно. Блог охватывал все основные сферы жизни современного Ирана от политики и культуры до повседневной жизни, в том числе объяснял и иранскую внешнюю политику по отношению к России, и быстро стал одним из самых популярных в российском сегменте Интернета, поспособствовав распространению реальной информации в России об Иране и изменению к лучшему образа этой страны среди множества россиян (Адырхаева, Рипинская 2018).

Российско-иранское союзничество в вопросе Сирии

Несмотря на описанные выше сложности, Россия и Иран стали союзниками в случае Сирии. Режим сирийского президента Башара Асада выстоял благодаря многим факторам, но особенно благодаря удачному взаимодействию российских и иранских сил. При этом, хотя цели России и Ирана кажутся похожими, между странами существуют определенные разногласия и даже соперничество по некоторым вопросам. Две основные задачи, которые ставила Россия в Сирии – это борьба с ИГИЛ (запрещена в РФ) и сохранение территориального и политического единства Сирии.

Что касается позиции Ирана, то она состоит из четырех пунктов, первый из которых предусматривал немедленное прекращение огня. Второй пункт – формирование национального правительства, третий – необходимость пересмотра конституции Сирии в согласии со всеми этноконфессиональными группами страны. Четвертый пункт предложения Ирана – проведение выборов с участием международных наблюдателей.

Иранские военные советники на территории Сирии помогают сирийской армии в составлении стратегии, в военных операциях, тактике и технической составляющей. На практическом уровне иранцы помогают командующему составу, участвующему в операциях, координируя борьбу с террористами.

Имеются сведения, что именно по рекомендации иранцев в Сирии были созданы Национальные силы обороны – ополчение, дополняющее армию на поле боя. Бойцы подобных проправительственных формирований проходят подготовку под руководством иранских военных не только в Сирии, но и в Иране. В ходе эскалации боевых действий в Сирии иранцы направили в эту страну не только военных специалистов, но и сухопутные силы Корпуса стражей исламской революции (КСИР). В задачи этих элитных подразделений иранской армии входит поддержка сирийских войск на ключевых направлениях.

Для поддержки сирийского правительства Иран также использует подконтрольные ему в данном регионе группировки. Крупнейшей из них является «Хезболла». Подразделения военизированного крыла этой ливанской «Партии Бога»

(так переводится ее название) воюют с вооруженной оппозицией и террористами как на территориях вдоль ливано-сирийской границы, так и в других сирийских районах. К примеру, существенную роль ливанские шииты играли в боевых операциях в провинции Алеппо.

Организацией всех операций, координацией с россиянами и сирийцами, агитацией иракских и афганских шиитов занимается иранское военное подразделение специального назначения КСИР «Аль-Кудс», возглавлявшееся иранским генералом Касемом Сулеймани, убитым в результате авиаудара США в январе 2020 год. Сам Сулеймани так объяснил причины участия Ирана в «чужой» войне: «Главная причина, по которой мы защищаем Сирию, заключается в том, что во время войны, когда все арабские страны были настроены против нас, Сирия нас поддерживала. Сегодня, когда мы защищаем Сирию, мы защищаем не только эту страну, но и весь исламский мир и саму Исламскую Республику».

Одним из наиболее распространенных упреков в адрес России является то, что она якобы ведет в Сирии военную операцию, экономические плоды которой будут пожинать преимущественно Иран. И эти оценки имеют под собой реальные основания. Многолетний военно-политический кризис нанес мощный удар по экономике Сирии. Правительство Башара Асада было бы не в состоянии выполнять социальные обязательства и финансировать военную сферу без помощи союзников. Так, только в 2013 году Тегеран выделил Дамаску кредитов примерно на 15 млрд долларов США.

Экономические отношения Исламской Республики Иран и Сирии с началом военных действий в этой стране вступили в новый этап, предпосылки для которого сформировались еще накануне кризиса. Еще в 2009 году правительство Ирана заявляло об активном участии в тендерах по разработке нефтяных месторождений в Сирии³.

С усугублением ситуации в Сирии Иран много делал для восстановления жилой инфраструктуры и строительства жилых домов. По словам министра дорог и городского строительства Али Никзада, в ноябре 2011 год Иран и Сирия заключили соглашение о строительстве 50 тысяч жилых домов⁴. По предложению иранского чиновника, в проекте должны были быть задействованы иранские специалисты⁵. Хотя после заключения соглашения член градостроительной комиссии иранского парламента Мохаммад-Али Резаи сообщил, что деньги для реализации этого проекта не будут выводиться из Ирана⁶.

В январе 2017 года министр градостроительства Ирана Аббас Ахунди в очередной раз подтвердил готовность Исламской Республики участвовать в восстановлении разрушенной инфраструктуры Сирии. Таким образом, можно ожидать дальнейшего развития двусторонних отношений в этом аспекте экономических связей⁷.

В 2012 году, уже во время гражданской войны в Сирии, правительства двух стран подписали соглашение о свободной торговле. А еще в 2008 году было подписано соглашение о приоритетной торговле.

3 Экспорт иранских услуг по поиску нефтяных месторождений на три континента мира, Доулат, 29.04.2009 (на перс. яз.): <http://dolat.ir/detail/176678> (дата обращения 30.07.2021).

4 Иран будет строить дома в Сирии / Дипломатия и Иран. 3.12.2011 (на перс. яз.): <http://irdiplomacy.ir/fa/news/18534> (дата обращения 30.07.2021).

5 Никзад объявил: Иран построит 50 000 единиц жилья для малообеспеченных слоев населения Сирии, Мехр, 3.12.2011 (на перс. яз.): <https://www.mehrnews.com/news/1475597/> (дата обращения 30.07.2021).

6 Ни один капитал не покидает страну для строительства жилья в Сирии, Хамшахри, 7.12.2011 (на перс. яз.): <https://www.hamshahrionline.ir/news/153157/> (дата обращения 30.07.2021).

7 Готовность Ирана участвовать в восстановлении разрушенной инфраструктуры в Сирии; необходимость обратить внимание производителей на систему распределения и сбыта цемента, Новостной сайт Министерства дорог и градостроительства Ирана, 20.01.2017 (на перс. яз.): <http://news.mrud.ir/news/33507/> (дата обращения 30.07.2021).

Наиболее интересный вопрос в экономической сфере – это долгосрочные намерения Ирана в случае с открываемыми для Сирии кредитами. По словам руководителя Центробанка Сирии Адиба Майялеха, кредитные транши обеспечивают импорт различных товаров, расходы на покупку бензина и связанных с ним товаров, а также укрепление экономики Сирии⁸. Со своей стороны, первый вице-президент Ирана Эсхак Джахангири подтвердил, что кредит предоставлен Сирии, чтобы направить на сирийский рынок иранские товары и чтобы иранские производители смогли экспортировать необходимые Сирии товары за счет обеспечения этим кредитом.

Кроме того, в рамках заключенных соглашений между двумя странами Иран получает 5000 га сельскохозяйственной земли, месторождение фосфатов, лицензирование мобильного оператора Хамрах-э Авваль, 1000 га под нефтяное месторождение и проект по разведению крупного рогатого скота⁹. Поэтому Иран оказывает огромную поддержку Сирии, несмотря на то, что он сам испытывает серьезные экономические трудности, то есть не только из соображений солидарности, но также и из экономических соображений.

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что Иран был и остается для России непростым партнером и в ряде случаев ситуативным союзником. Тегеран неоднократно поддерживал позицию России на международной арене, прежде всего по линии противостояния Западу и США. Согласно всем официальным заявлениям, для Ирана Россия – это стратегический партнер, хотя сам Иран никогда не поступался своими интересами ради того, чтобы пойти навстречу Москве. Благодаря поддержке, которую он оказывает Москве, Иран получил статус равноправного партнера России в регионе и выступает в качестве державы, оказывающей значительное влияние на международную арену.

Однако в целом эти отношения ни в коем случае нельзя назвать союзническими в традиционном смысле этого слова. Как мы видели выше, Иран с удовольствием пользуется экономическими возможностями, которые открываются в результате российского военного вмешательства в Сирии. Но и для самой России Иран – это, как считают многие специалисты, скорее часть сложной мозаики ее стратегической игры с США, чем самоценный региональный партнер. Однако в конечном итоге, возможно, так и будет выглядеть наиболее распространенная модель взаимодействия между державами в новом веке, когда устоявшиеся системы и союзы деградируют, уступая место гибким и даже прагматичным формам отношений.

Вместе с тем есть определенная вероятность, что российско-иранские отношения все-таки примут более серьезный и устойчивый характер в обозримом будущем и, может быть, даже перерастут в полноценное долгосрочное партнерство по некоторым вопросам. Это связано со все более растущим давлением США на Россию и Иран, что вынуждает стороны теснее сотрудничать по крайней мере во внешней политике, и, с другой стороны, со все более отчетливым сближением обеих стран с Китаем и формированием совместных с Китаем крупных евразийских организаций (Шанхайская организация сотрудничества). Кроме того,

⁸ Глава ЦБ Сирии объявил о переговорах с Ираном: второй кредитный транш на \$1 млрд между Тегераном и Дамаском, Шарг, 7.05.2015, № 2294 (на перс. яз.).

⁹ Кредитный транш выделен для экспорта товаров в Сирию / ИРИБ. 18.01.2016 (на перс. яз.): <https://www.iribnews.ir/fa/news/1468221/> (дата обращения 30.07.2021).

Россия и особенно Иран подчеркивают свою верность традиционным ценностям в противовес современной западной цивилизации, что может привести к росту двусторонних продуктивных контактов в культурной и духовной сфере.

Источники

- Адырхаева, Д.А., Рипинская, П.С. (2018), "Проект 'Блог Резы Саджади' как первый опыт публичной дипломатии в Интернете во взаимоотношениях Ирана и России (2010-2017 гг.)", *Россия и Иран: пять веков сотрудничества*, Вып. 15, ИВ РАН, Москва, сс. 216-226.
- Арунова, М.Р. (2004), "Исламская революция и российско-иранские отношения", *Ближний Восток и современность*, № 21, Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, Москва, сс. 308-328.
- Евсеев, В.В., Сажин, В.И. (2009), *Иран, уран и ракеты*, Институт Ближнего Востока, Москва.
- Мамедова, Н.М. (2017), "Экономические отношения Ирана и России: проблемы и перспективы", *Сотрудничество России и Ирана в политической, экономической и культурной областях как фактор укрепления мира и безопасности в Евразии*, ред. Касюк, А.Я., Харичкина, И.К., Полищук, А.И. Московский государственный лингвистический университет, Москва, сс. 54-60.
- Ногаев, Н.Э. (2008), "Иран и Россия: динамика взаимоотношений в начале XXI века", *Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*, № 2, сс. 34-39.
- Саруханян С.Н. (2007), *Ядерный фактор в российско-иранских отношениях*, Институт Ближнего Востока, Москва.
- Сченснович, В.Н. (2020), "Экономическое и политическое взаимодействие Ирана и России", *Россия и мусульманский мир*, № 2(316), сс. 61-69.
- Хабиби-Рудсари, Р. (2013), "Российско-иранские отношения в регионе Каспийского моря", *ПОЛИТЭК*, Том 9, № 2, сс. 110-121.
- Karami, J. (2011), "Iran-Russia Relations: Expectations and Realities", *Discourse: An Iranian Quarterly*, Vol. 9, No. 3-4, pp. 7-36.
- Rasoulizadeh, E. (2016), "Investigation of Sanctions and Oil Price Effects on the Iran-Russia Trade by Using the Gravity Model", *Вестник СПбГУ, Экономика*, вып. 2, сс. 68-84.

doi: 10.53658/RW2021-1-1-42-50

Partnership without Commitments: Features of Russian-Iranian Relations in Recent Decades

Lana M. Ravandi-Fadai

Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

Abstract. The article examines the features of Soviet-Iranian and further Russian-Iranian relations, starting with the Islamic revolution in Iran in 1979 to the present. The paper reveals the main stages and events in bilateral relations with particular emphasis on bilateral cooperation on the issue of Syria and the consideration of Iran's interests in this country, including economic ones. The author attempts to determine the grade of the achieved bilateral relations established at soviet times as confrontational, although in the very last years of the existence of the Soviet Union they began to improve. The tendency

to improve and intensify relations continued after the collapse of the USSR. However, Russian-Iranian relations at the present stage, on the whole, cannot be characterized as allied. Although in the case of Syria, one can indeed observe their alliance, nevertheless, in general, relations between Russia and Iran keep far from being deep enough, and in a number of cases in recent decades there has been rivalry or even conflict between the two countries, as, for example, in the issuance of Russia's refusal to supply Iran with air S-300 defense systems. Nevertheless, given the external pressure on both countries, along with the growing attention to traditional values, there is a certain likelihood of expanding and deepening Russian-Iranian relations to the level of allies.

Keywords: Russia, Iran, Bushehr NPP, nuclear dossier, Syria, ad hoc alliance

About the author: Lana Medjidovna RAVANDI-FADAI – CandSc (Hist.), Senior Research Fellow at the Center for the Study of Central Asia, the Caucasus and the Ural-Volga Region, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (RAS). Address: Rozhdestvenka st. 12, Moscow, Russia, 107031. ORCID: 0000-0002-7964-6335. E-mail: ravandifadai@yahoo.com.

References

- Adyrkhaeva, D.A. and Ripinskaya, P.S. (2018), "Project 'Reza Sajjadi's Blog' as the First Experience of Public Diplomacy on the Internet in Relations between Iran and Russia (2010-2017)", *Russia and Iran: Five Centuries of Cooperation* ["Proekt 'Blog Rezy Sadzhadi' kak pervyi opyt publichnoi diplomatii v Internetе vo vzaimootnosheniyakh Irana i Rossii (2010-2017)"], *Rossiya i Iran: pyat' vekov sotrudnichestva*, Vol. 15, Institute of Oriental Studies, Moscow, pp. 216-226 (in Russian).
- Arunova, M.R. (2004), "The Islamic Revolution and Russian-Iranian Relations," *Middle East and Modernity* ["Islamskaya revolyutsiya i rossiisko-iranskіe otnosheniya", *Blizhnii Vostok i sovremennost'*], No. 21, Institute for the Study of Israel and the Middle East, Moscow, pp. 308-328 (in Russian).
- Evseev, V.V. and Sazhin, V.I. (2009), *Iran, Uranium and Rockets* [*Iran, Uran i Rakety*], Institute for the Middle East, Moscow (in Russian).
- Mamedova, N.M. (2017), "Economic relations between Iran and Russia: problems and prospects", Cooperation between Russia and Iran in the political, economic and cultural fields as a factor in strengthening peace and security in Eurasia, Ed. Kasyuk, A.I., Kharichkina, I.K. and Polishchuk, A.I. ["Ekonomicheskie otnosheniya Irana i Rossii: problemy i perspektivy", *Sotrudnichestvo Rossii i Irana v politicheskoi, ekonomicheskoi i kul'turnoi oblasti kak faktor ukrepleniya mira i bezopasnosti v Evrazii*, red. Kasyuk, A.Ya., Kharichkina, I.K., Polishchuk, A.I.], Moscow State Linguistic University, Moscow, pp. 54-60 (in Russian).
- Nogaev, N.E. (2008), "Iran and Russia: the dynamics of relations at the beginning of the XXI century", *Bulletin of the Pomor State University. Series: Humanities and Social Sciences* ["Iran i Rossiya: dinamika vzaimootnoshenii v nachale XXI veka", *Vestnik Pomorskogo universiteta*], No. 2, pp. 34-39 (in Russian).
- Sarukhanyan S.N. (2007), *The Nuclear Factor in Russian-Iranian Relations* [*Yadernyi faktor v rossiisko-iranskikh otnosheniyakh*], Institute for the Middle East, Moscow (in Russian).
- Schensnovich, V.N. (2020), "Economic and Political Interaction between Iran and Russia", *Russia and the Muslim World* ["Ekonomicheskoe i politicheskoe vzaimodeistvie Irana i Rossii", *Rossiya i musul'manskii mir*], No. 2 (316), pp. 61-69 (in Russian).
- Habibi-Rudsari, R. (2013), "Russian-Iranian relations in the Caspian Sea region", *POLITEKS* ["Rossiisko-iranskіe otnosheniya v regione Kaspiiskogo morya", *POLITEKS*], Vol. 9, No. 2, pp. 110-121 (in Russian).
- Karami, J. (2011), "Iran-Russia Relations: Expectations and Realities", *Discourse: An Iranian Quarterly*, Vol. 9, No. 3-4, pp. 7-36.
- Rasoulizadeh, E. (2016), "Investigation of Sanctions and Oil Price Effects on the Iran-Russia Trade by Using the Gravity Model", *Bulletin of St. Petersburg State University, Economics*, Vol. 2, pp. 68-84.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

doi: 10.53658/RW2021-1-1-52-66

Сравнение экономических отношений России и Китая со странами Центральной Азии

Рахимов М.А., Парамонов В.В.

Координационно-методический центр новейшей истории Узбекистана при Академии наук Республики Узбекистан (Ташкент, Узбекистан).

Аннотация. Центральная Азия (ЦА) – один из ключевых регионов во внешней политике Российской Федерации (РФ) и Китайской Народной Республики (КНР). Взаимодействие стран ЦА с РФ и КНР, российская и китайская вовлеченность в дела региона имеют свою специфику. Отличается и значение региона, его конкретных государств для России и Китая, а также характер взаимосвязей этой большой группы акторов друг с другом и остальным миром. В данной статье на базе комплексного, системного, сравнительно-сопоставительного и междисциплинарного подходов анализируются основные направления взаимоотношений ЦА с РФ и КНР. Отмечается, что экономические отношения стран региона с Россией и Китаем носят разноплановый, разноплоскостной и разноформатный характер. Обозначены и аргументированы такие ключевые проблемы, как экономико-географическая замкнутость Центральной Азии и ряда территорий России и Китая, преимущественно сырьевая ориентация большинства экономик, слабость экономической интеграции в ЦА, а также в рамках конкретных ключевых институтов, асимметрия экономического развития РФ и КНР. Указывается, что именно решение стратегических задач может и должно стать главным стимулом к выстраиванию механизмов многопланового и полноценного сотрудничества на двустороннем и многостороннем уровнях не только между Центральной Азией и Китаем, но и между Центральной Азией и Россией. Это позволит вывести процесс региональной и межрегиональной экономической интеграции на внутренних пространствах континента на качественно новый уровень, положить начало формированию устойчивой институциональной основы, призванной обеспечивать комплексную безопасность (экономическую, политическую, социальную и иную) и поступательное развитие Евразии.

Ключевые слова: Центральная Азия, Россия, Китай, взаимоотношения, экономика

Об авторах: Мирзохид Акрамович РАХИМОВ – доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом Координационно-методического центра новейшей истории Узбекистана при Академии наук Республики Узбекистан. ORCID: 0000-0001-5414-8498. Адрес: 100047, Узбекистан, Ташкент, ул. Я. Гулямова, 70. E-mail: mirzonur@yahoo.com; mirzohidr@mail.ru. Владимир Владимирович ПАРАМОНОВ – кандидат политических наук, докторант Координационно-методического центра новейшей истории Узбекистана при Академии наук Республики Узбекистан, руководитель аналитической группы «Центральная Евразия». Адрес: 100047, Узбекистан, Ташкент, ул. Я. Гулямова, 70. E-mail: ceasiapost@gmail.com; v_paramonov@yahoo.com.

С обретением Кыргызстаном, Казахстаном, Таджикистаном, Узбекистаном и Туркменистаном государственной независимости Центральная Азия превратилась в самостоятельный регион. Его современный и будущий облик во многом определяется взаимоотношениями с ближайшими соседями, в первую очередь такими крупными государствами, как Россия и Китай. В свою очередь, центральноазиатское направление

объективно остается одним из ключевых во внешней политике самих РФ и КНР. Это представляется естественным, учитывая расположение региона в центре Евразии – на стыке географии и интересов не только этих, но и многих других международных акторов. Однако взаимодействие республик Центральной Азии с Россией и Китаем, российская и китайская вовлеченность в дела региона имеют свою специфику, как и отличается значение ЦА, ее конкретных государств для РФ и КНР, а также характер взаимосвязей этой большой группы участников международных отношений друг с другом и остальным миром.

Более того, возрастающая роль Центральной Азии на больших пространствах также во многом предопределяет актуальность углубления научно-концептуального и прогнозно-стратегического восприятия прошлого, современного и будущего взаимодействия стран ЦА с РФ и КНР, политики России и Китая в регионе, сравнительно-сопоставительного анализа российского и китайского факторов.

В данной статье на базе комплексного, системного, сравнительно-сопоставительного и междисциплинарного подходов анализируются основные направления экономических взаимоотношений ЦА с РФ и КНР.

Краткий обзор основных исследовательских парадигм

Научные и иные исследования, посвященные изучению различных аспектов отношений стран Центральной Азии с Россией и Китаем, проводятся в ведущих научных и аналитических структурах, высших образовательных учреждениях, фондах самих стран региона, России, Китая и целого ряда других государств.

По вопросам взаимодействия стран ЦА с РФ и КНР в международной научной и аналитической среде продолжается глубокая переоценка глобальных, региональных и национальных процессов с участием в них России и Китая, а также государств Центральной Азии. В аналитических и научных кругах США и Европы в целом постепенно ужесточается критика российской и китайской политики на глобальном, региональном и национальном уровнях. Как следствие, это отражается и на всем контексте академического и экспертного восприятия характера взаимодействия республик региона с Россией и Китаем, обозначения проблем на этом пути, соответствующем наборе рекомендаций и алгоритмов действий для самих стран региона (Brzezinski 1997; Blank & Kim 2016; Blank 2017; Cornell & Swanström 2020; Blank 2021).

Кроме того, на Западе по-прежнему популярны тезисы о противоречиях, конкуренции и столкновении интересов РФ и КНР в целом и в ЦА в частности. С другой стороны, в России и Китае, а также связанных с ними научных и образовательных структурах Центральной Азии вопросы внешней политики и российско-китайского взаимодействия в регионе, наоборот, оцениваются преимущественно позитивно. При этом основное внимание уделяется поиску механизмов дальнейшего углубления как двустороннего, так и многостороннего сотрудничества стран ЦА с РФ и КНР, усилению российских и китайских позиций, а также противодействию влиянию США и их ближайших союзников. Однако, как российской (Чуфрин 2010; Наумкин и др. 2013; Казанцев и др. 2016, с. 19; Лузянин 2018) стороной, так и китайской (Лифань & Шю 2004; Чжэн 2008; Фань 2018; Чжэньпэн 2019) все еще мало внимания уделяется критическому научному обсуждению существующих проблем на пути развития отношений между РФ и КНР, в том числе в системе «Центральная Азия – Россия – Китай».

На этом фоне более сбалансированные оценки, тем не менее выстроенные в контексте проведения странами ЦА активной многовекторной политики,

представлены большинством центральноазиатских государств, отдельными европейскими структурами и учеными, а также международными организациями (Алимов и др. 2002; Доклад о человеческом развитии в Центральной Азии 2005; Ауелбаев 2016; Султанов 2019). Данные исследования нацелены на изучение вопросов международных отношений в Центральной Азии и вокруг нее, поиск механизмов балансирования стран региона между крупными акторами. При этом в данном сегменте исследований повышен интерес к формированию условий для внутри- и межрегионального сотрудничества.

В свою очередь, представители научных, аналитических и образовательных учреждений ряда азиатских государств (например, Афганистана, Индии, Ирана, Южной Кореи, Пакистана, Турции, Японии), уделяя внимание обзору широкого спектра мнений по вопросам взаимодействия стран Центральной Азии с Россией и Китаем, традиционно аналитически больше сфокусированы на связанных с этим аспектах двусторонних отношений с ЦА и политики в регионе, представляемых конкретными экспертами на общем фоне процессов в Евразии, в том числе в Афганистане (Faisal 2021; Herat Security Dialogue... 2017; Sachdeva 2018; Rauf 2017; Uyama 2018).

Прослеживаются порой явно завышенные оценки реальной и потенциальной роли своих государств в регионе, в том числе в контексте развития отношений с РФ, КНР, другими внешними акторами. Важно и то, что значительный спектр подобного рода работ остается на обочине как регионального, так и международного академического дискурса.

Динамика торгово-экономических отношений

В экономических отношениях стран ЦА с РФ и КНР особо выделяется торгово-экономический сегмент, в рамках которого наиболее заметны динамика, а также другие количественные и качественные показатели взаимодействия конкретных государств Центральной Азии и региона в целом с Россией и Китаем. Причем масштабы торгово-экономических отношений стран региона с двумя державами существенно отличаются. Эти различия касаются как собственно объемов двусторонней торговли (Таблица 1), так и значения торговли с РФ и КНР для конкретных стран ЦА.

Таблица 1

Объемы торговли стран Центральной Азии с Россией и Китаем: сравнительно-сопоставительный срез (1992 – 2020)¹

Trade volumes of Central Asian Countries with Russia and China: comparative cross-section (1992 – 2020)

Годы	Товарооборот стран Центральной Азии с Россией, млн долларов США	Товарооборот стран Центральной Азии с Китаем, млн долларов США
1992	6360	422
1993	6750	512

¹ Данные за период 1992 – 1999 годов – Азиатский банк развития со ссылкой на национальные статистические органы стран ЦА (Key Indicators of Developing Asia and Pacific Countries, Asian Development Bank, 2002); данные за период 2000 – 2007 годов – Economist Intelligence Unit со ссылкой на национальные статистические органы стран ЦА (Kazakhstan: Country Report, London: The Economist Intelligence Unit, June 2003, June 2004, June 2005, June 2006, June 2007, June 2008; Kyrgyzstan: Country Report, London: The Economist Intelligence Unit, June 2003, June 2004, June 2005, June 2006, June 2007, June 2008; Tajikistan: Country Report, London: The Economist Intelligence Unit, June 2003, June 2004, June 2005, June 2006, June 2007, June 2008; Turkmenistan: Country Report, London: The Economist Intelligence Unit, June 2003, June 2004, June 2005, June 2006, June 2007, June 2008; Uzbekistan: Country Report, London: The Economist Intelligence Unit, June 2003, June 2004, June 2005, June 2006, June 2007, June 2008); данные за период 2008 – 2020 годов – Международный торговый центр.

1994	6143	360
1995	7679	486
1996	7244	674
1997	6833	699
1998	5411	588
1999	3695	733
2000	6469	1041
2001	5924	1478
2002	5464	2798
2003	7088	3305
2004	10463	4337
2005	13227	8297
2006	14869	10796
2007	21787	16038
2008	26751	30823
2009	18490	23546
2010	21831	30111
2011	28478	39605
2012	32163	45943
2013	31074	50274
2014	28670	45021
2015	20431	32616
2016	18077	30044
2017	22861	35878
2018	25826	41662
2019	28258	46484
2020	28378	38557

Тем не менее следует признать, что масштабы двусторонней торговли экономически наиболее крупных стран региона, таких как Казахстан и Узбекистан с Россией и Китаем, все еще примерно сопоставимы (Таблицы 2 и 3), а основной прирост в объемах торговли обеспечивается во многом за счет увеличения объемов торговли (сырьевыми ресурсами) с КНР Туркменистана, Кыргызстана и Таджикистана на фоне более низкого темпа роста объемов торговли этих стран с РФ.

Таблица 2

Объемы торговли Казахстана с Россией и Китаем: сравнительно-сопоставительный срез (2013 – 2020)²
Trade volumes of Kazakhstan with Russia and China: comparative section (2013 – 2020)

Год	Товарооборот Казахстана с Россией, млн долларов США	Товарооборот Казахстана с Китаем, млн долларов США
2013	22883	28658
2014	21034	22452
2015	15550	14267
2016	13039	13037
2017	17241	17975
2018	18219	19857
2019	19622	22066
2020	18996	21447

² Данные за период 2013 – 2020 годов – Международный торговый центр.

Таблица 3

Объемы торговли Узбекистана с Россией и Китаем:
сравнительно-сопоставительный срез (2013 – 2020)³
Trade volumes of Uzbekistan with Russia and China: comparative section (2013 – 2020)

Год	Товарооборот Узбекистана с Россией, млн долларов США	Товарооборот Узбекистана с Китаем, млн долларов США
2013	4061	4551
2014	3984	4276
2015	2797	3503
2016	2726	3640
2017	3639	4239
2018	4384	6266
2019	5086	7226
2020	5881	6629

После выхода на уровень 26 млрд долларов по результатам 2008 года в последующие два года объемы товарооборота между государствами региона и Россией снизились примерно на 5–8 млрд. В дальнейшем, после периода очередной нестабильности, показатели торговли вновь стали демонстрировать более-менее поступательный рост, достигнув по итогам 2019 – 2020 годов более чем 28 млрд долларов.

Несмотря на то, что торгово-экономические отношения между государствами Центральной Азии и Китаем характеризуются большим постоянством и более высокими темпами роста объемов торговли, тем не менее и на них негативно сказался глобальный финансовый кризис 2008 – 2009 годов. В частности, по итогам 2009 года объемы товарооборота снизились примерно на 7 млрд долларов. Затем торговля вновь стала демонстрировать рост, выйдя на уровень 45–50 млрд уже в период 2012 – 2014 годов. По мере же формирования (начиная с января 2015 года) Евразийского экономического союза входящие в него Казахстан и Кыргызстан ужесточили торговый режим с Китаем. С учетом того, что эти две страны традиционно играли важную роль в реэкспорте китайских товаров, возможно, что во многом именно создание с их участием ЕАЭС и привело к небывалому ранее сокращению объемов торговли с КНР. Особенно это было заметно в период 2015 – 2016 годов – на начальном этапе функционирования ЕАЭС. В частности, по результатам 2016 года центральноазиатско-китайский товарооборот снизился на примерно 15–20 млрд долларов. Тем не менее в последующие годы вновь стала наблюдаться тенденция роста масштабов торговли, и уже по итогам 2019 года товарооборот государств региона с Китаем составил более чем 46 млрд долларов. Однако по результатам 2020 года товарооборот вновь снизился, составив чуть менее 40 млрд долларов, что, скорее всего, было связано с последствиями карантинных ограничений.

Сравнить же показатели экономических отношений стран ЦА с РФ и КНР в других сегментах достаточно сложно, так как они носят разноплановый, разноплоскостной и разноформатный характер. Например, казалось, что Россия уже уступает Китаю по объемам финансовых ресурсов, вложенных в государства региона: так, российские инвестиции оцениваются на уровне 20 млрд долларов⁴, их можно рассматривать как несущественные на фоне порядка 125–140 млрд долларов китайских инвестиций и кредитов. Однако, те же кредиты из КНР занимают более половины всей суммы китайских финансовых ресурсов.

Причем только за период 2007 – 2017 годов объем «финансового содействия» России государствам Центральной Азии (как на двусторонней, так и на многосторонней основе)

³ Данные за период 2013 – 2020 годов – Международный торговый центр.

⁴ Лавров С.В. Россия – Центральная Азия: партнерство, испытанное временем, Российская газета, 4.10.2017.

превысил 6 млрд долларов и, кроме того, была списана задолженность Кыргызстану (488 млн долларов) и Узбекистану (865 млн долларов)⁵. В свою очередь, данные о списании Китаем долгов не известны по причине того, что в отличие от той же РФ Китай, по экспертным оценкам, «не раскрывает информации о деталях двусторонних долговых соглашений» (Hurley at al. 2018: p. 19). Поэтому доступные сведения о списании КНР долгов или отсутствуют, или носят противоречивый характер, оставляющий широкое поле для различных двусмысленных трактовок и инсинуаций. Все это свидетельствует как о разном качестве, так и о различных подходах двух держав к выстраиванию финансового в частности и экономического в целом сотрудничества с ЦА.

Более того, отдельного внимания заслуживает один из наиболее масштабных и динамично развивающихся сегментов отношений между странами региона и Россией – сегмент трудовой миграции. Так, по данным со ссылкой на Федеральную миграционную службу и Министерство внутренних дел РФ, по состоянию на 2019 год в России находилось не менее 4,5 млн граждан стран региона: граждан Таджикистана – около 1 млн 255 тысяч; граждан Узбекистана – примерно 2 млн 99 тысяч; граждан Кыргызстана – около 713 тысяч; граждан Казахстана – примерно 480 тысяч (Малева 2019).

В свою очередь, количество граждан Туркменистана, временно находящихся в России, а тем более занимающихся трудовой деятельностью, скорее всего, сравнительно невелико, однако в случае снижения визовых барьеров может кардинально вырасти.

С одной стороны, значение трудовой миграции из ЦА высоко для РФ как с точки зрения экономической, так и других сфер. В этой связи заслуживает внимание исследование, согласно которому только в период 2013 – 2017 годов вклад иностранной рабочей силы из государств региона составил 4–4,5% российского ВВП (Икромов 2019).

С другой стороны, для самих стран Центральной Азии вопросы трудовой миграции в Россию также играют важную социально-экономическую роль. В частности, традиционно остаются значительны объемы валютных поступлений из РФ в государства ЦА со стороны частных лиц, в первую очередь в результате их трудовой деятельности. По официальным российским данным, только за период 2013 – 2016 годов трудовые мигранты из стран региона перевели в свои государства более 37 млрд долларов⁶. В свою очередь, только за период 2018 года из РФ (как ее гражданами, так и нет) было переведено порядка 10 млрд долларов США: около 4,1 млрд долларов в Узбекистан, 2,5 – в Таджикистан, 2,4 – в Кыргызстан, 0,8 – в Казахстан и около 0,05 – в Туркменистан⁷. Как представляется, с учетом других форм отправки / перевода денежных средств из России в страны ЦА объемы ежегодных финансовых поступлений от частных лиц могут быть еще выше.

На этом фоне, казалось бы, Китай более успешен, чем Россия, в развитии сотрудничества в транспортно-коммуникационном сегменте, форсируя в регионе формирование системы коммуникаций и транзита, развивая проекты в рамках инициативы «Один пояс – один путь». Однако важно отметить, что между ЦА и РФ уже существует устойчивая транспортно-коммуникационная система, которая была создана еще в период СССР. К тому же в рамках этой системы более высоко влияние ряда важных социальных факторов: свободы передвижения людей (отсутствие виз со всеми странами ЦА, кроме Туркменистана), свободы перемещения финансовых ресурсов (в первую очередь частные денежные переводы), сохранившиеся элементы языковой и социально-культурной общности народов бывшего Советского Союза. Все это выгодно отличает Россию от Китая.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Центральный Банк РФ, 2019. Денежные переводы из России в Узбекистан за 2018 год превысили \$4 млрд, сайт "KUN.UZ" (РУз), 20.03.2019.

Комплекс проблем межгосударственных отношений

Анализ сложившихся форматов отношений стран Центральной Азии с Россией и Китаем высвечивает сложный комплекс проблем на пути развития сотрудничества государств ЦА с РФ и КНР. Среди данных проблем важно выделить следующие:

1) *Экономико-географическая замкнутость Центральной Азии, а также ряда территорий России и Китая.* Проблема связана прежде всего с географической удаленностью ЦА, ряда регионов РФ, а также отчасти – КНР от морских коммуникаций и их территориально-экономической замкнутостью в глубине Евразии (Arvis et al. 2010). В современной мировой экономике морской транспорт в целом более предпочтителен, чем железнодорожный, автомобильный и воздушный. Поэтому страны Центральной Азии, большинство промышленных регионов России (Урал, Сибирь и ряд других) и внутренние районы Китая (такие как СУАР) географически удалены от морских коммуникаций (главных артерий мировой торговли), а территориально-экономически находятся далеко в стороне от основных рынков.

Для КНР проблема экономико-географической замкнутости характерна лишь отчасти, так как подавляющее большинство китайских промышленных центров расположено на побережье Тихого океана, а крупные порты находятся вблизи от основных мировых морских коммуникаций. Только с середины – конца 1990-х годов КНР стала уделять больше внимания решению данной проблемы (Сыроежкин 2006, с. 110).

В свою очередь, для России проблема экономико-географической замкнутости является более острой, нежели для Китая. Хотя, в отличие от той же ЦА, РФ имеет прямой выход к мировому океану, однако большая часть российского побережья омывается водами северных морей, а доступ России к основным мировым морским коммуникациям ограничен. Исключением в данном плане является крупный порт Владивосток, но он, в свою очередь, более чем на 7000 км удален от главных промышленных центров России, расположенных в европейской части страны. Для российской экономики характерны огромные расстояния между крупными экономическими объектами и сильная удаленность большинства промышленных центров страны даже от российских морских портов.

На этом фоне особо остро проявилась данная проблема для стран ЦА после дезинтеграции единого экономического пространства бывшего СССР, что было отягощено и разрывом складывавшихся десятилетиями производственных цепочек. При этом Узбекистан стал одним из двух в мире т.н. дважды замкнутых (doubly landlocked) государств (другая страна – Лихтенштейн). В свою очередь, Таджикистан обладает еще более сложными географическими условиями, так как большая часть таджикской территории расположена в высокогорной местности, а наиболее эффективное сухопутное транспортное сообщение может развиваться только через тот же «дважды замкнутый» Узбекистан. По экспертным оценкам, «стоимость транспортировки товаров из географически замкнутых стран более чем на 50% выше стоимости транспортировки товаров из приморских государств» (Molnar and Ojala 2003, p. 39). В целом же проблема экономико-географической замкнутости Центральной Азии, с одной стороны, связана с удаленностью региона от морских коммуникаций: это обуславливает удорожание грузоперевозок в силу того, что сухопутные перевозки объективно дороже морских. С другой стороны, данная проблема во многом определяется фрагментацией экономического пространства ЦА, что как по объективным, так и по субъективным причинам предопределяет замкнутость региона в системе сухопутного транспортного сообщения в Евразии.

2) *Сырьевая ориентация экономик стран Центральной Азии и России на фоне слабости их усилий по индустриальному развитию.* Данная проблема во многом

обусловлена низким уровнем экономического взаимодействия между постсоветскими странами в целом, а также политикой РФ и ряда государств ЦА, направленной на экспорт преимущественно сырьевых ресурсов и диверсификацию направлений их поставок на внешние рынки (Синицина 2012, с. 11–14, 19, 40, 61, 67, 71, 73, 79, 80). При этом в случае Центральной Азии характерно и то, что еще в советское время экономическая деятельность в регионе была ориентирована главным образом на удовлетворение потребностей других советских республик в сырьевых ресурсах и в меньшей степени – на выпуск готовой продукции.

В целом же имевшее место после распада СССР резкое ослабление промышленного взаимодействия в итоге и закрепило за экономиками стран Центральной Азии и России сырьевую ориентацию. Это отразилось и на значительном снижении объемов товарооборота и грузоперевозок между всеми постсоветскими республиками.

Кроме того, имело место падение грузоперевозок, в том числе железнодорожным транспортом – экономически наиболее рентабельным на больших пространствах. Об этом, в частности, свидетельствуют следующие данные экспертов из РФ: в период 1992 – 1998 годов только на российских железных дорогах грузооборот снизился в 2,5 раза, в 1998 году отправление грузов составило около 43% от уровня 1991 года, «образовался избыток мощностей железных дорог и обслуживающего персонала, что привело к снижению доходов железных дорог, в 1996 году – к их убыточности» (Пластинина, Корзин 2020, с. 64). В количественных показателях перевозки грузов железнодорожным транспортом в период 1990 – 1998 годов по территории России снизились с более чем 2 млн тонн до примерно 800 тыс. тонн, а в период 1988 – 1998 годов – в 2,5 раза (Кара-Мурза 2002). В настоящее время объемы грузоперевозок на железнодорожном транспорте по территории РФ, несмотря на определенный рост, так и не достигли советского уровня: в период 2008 – 2019 годов они оставались на традиционно низком уровне – 1,1–1,4 млн тонн⁸.

3) *Отсутствие экономической интеграции в самой Центральной Азии, а также в рамках конкретных ключевых институтов.* Данная проблема во многом определяется международной конъюнктурой вокруг ЦА и постсоветского пространства, превалированием у рассматриваемых государств краткосрочных узконациональных интересов над видением стратегических перспектив многостороннего сотрудничества. С одной стороны, интеграцию в значительной степени сдерживает устойчивая тенденция обострения внешней конкуренции за сферы влияния в Центральной Азии и других постсоветских странах. Это выражается в столкновении различных внешних стратегий по так называемому форматированию и переформатированию постсоветского пространства в рамках выгодных институтов, проектов, концепций и схем развития. Обостренное чувство национального суверенитета во многом препятствует видению многостороннего сотрудничества как выигрышной ситуации для всех участников интеграции. При этом сами постсоветские страны действуют разрозненно, пытаются проводить многовекторную политику балансирования между основными мировыми и региональными центрами силы. Более того, интеграции препятствует и то, что Россия и Китай – лидеры наиболее действенных интеграционных институтов (ШНГ, ЕАЭС, ОДКБ и ШОС) – уделяют все еще крайне мало внимания реальному экономическому укреплению данных организаций, как и развитию самой экономической интеграции. Экономическое же взаимодействие РФ и КНР с теми же государствами ЦА осуществляется преимущественно на двусторонней основе.

4) *Асимметрия экономического развития России и Китая.* Хотя объемы российско-китайской торговли поступательно увеличивались, структура товарооборота показывала,

⁸ Перевозки грузов по видам транспорта по Российской Федерации: период 2008 – 2019 годов, Федеральная служба государственной статистики РФ (Росстат), 27.07.2020: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 12.09.2020).

что российские поставки в КНР были представлены фактически только лишь сырьем, в то время как поставки из КНР в РФ – готовой продукцией с высокой степенью переработки. Это отмечали и российские ученые, уже по состоянию на середину второго десятилетия нынешнего века, констатируя, что «главными экспортными товарами из России в Китай по-прежнему остаются органические химические удобрения, нефть и лес-кругляк» (Карицкая и др. 2017, с. 25).

В целом между РФ и КНР так и не сформировалось полноценных экономических отношений, которые предполагали бы интенсивное инновационно-производственное и инвестиционное взаимодействие, а в итоге – высокий уровень структурно-технологической взаимозависимости различных отраслей национальных экономик. В этих условиях не может просматриваться и общности долгосрочных экономических интересов двух держав, а наоборот – имеет место преобладание краткосрочных коммерческих соображений. Во многом это связано с тем, что стратегические направления развития экономик России и Китая давно приобрели четко выраженную асимметрию, принципиально отличаются друг от друга. Так, Китай – страна с динамично развивающейся экономикой, и, как отмечают эксперты, доля Китая в мировой экономике уже выросла с 3,6% в 2000 году до 17,8% в 2020 году, а к 2028 году КНР может стать ведущей экономикой мира⁹.

В отличие от Китая Россия продолжает выступать как страна с сохраняющейся сырьевой направленностью развития экономики, которая жестко привязана к конъюнктуре глобальных и региональных рынков сырья (главным образом углеводородов). Причем показательно и то, что сложившаяся сырьевая ориентация российской экономики характерна в отношениях не только с Китаем, но и с остальным миром. Сложившаяся многолетняя практика масштабных поставок за пределы РФ сырьевых ресурсов долгое время рассматривалась как надежный источник поступления финансовых средств как в российский бюджет, так и на счета компаний, занимающихся добычей и экспортом. Например, по итогам 2020 года основная доля поставок в структуре экспорта России пришлось на товары, которые от 70 до 85% можно с уверенностью отнести к сырьевым ресурсам или продуктам низкой степени передела¹⁰.

По итогам 2020 года товарооборот между РФ и КНР составил около 104 млрд долларов, экспорт из России в Китай – примерно 49 млрд долларов, а импорт России из Китая – почти 55 млрд долларов. Доля КНР во внешнеторговом обороте РФ в 2020 году составила немногим более 18%, причем по доле в российском товарообороте Китай занял первое место. В структуре экспорта из РФ в КНР в 2020 году основная доля поставок пришлось на товары, среди которых сырье и продукты низкой степени передела составляют от 80 до 95%. В свою очередь, в структуре импорта России из Китая в 2020 году основная доля поставок пришлось на товары, более 90% которых относится к промышленной продукции¹¹.

Таким образом, де-факто с экономической точки зрения Китай является для России главным образом всего лишь перспективным рынком поставок сырья в рамках стратегии диверсификации экспортных поставок и выхода на новые рынки сбыта. Асимметрия экономического развития, в свою очередь, предопределяет различие целей и задач, которыми руководствуются РФ и КНР при формировании подходов к развитию, выстраиванию экономического сотрудничества как друг с другом, так и со странами

ЦА. Как представляется, асимметричность существенно препятствует формированию прочного фундамента равноправных и взаимовыгодных экономических двусторонних отношений, без чего немыслимо выстраивание прочных и долгосрочных отношений в других сферах, в том числе применительно к Центральной Азии и в рамках ШОС, инициативы «Один пояс – один путь» и др.

Заключение и предложения

В целом проведенный сравнительно-сопоставительный анализ преимущественно экономических отношений свидетельствует о нижеследующем:

Структура торговли государств ЦА с РФ и КНР отражала факт ярко выраженной сырьевой ориентации экономик стран региона. Доля сырьевых ресурсов в поставках из Центральной Азии не только в Китай, но и даже в Россию неуклонно увеличивалась, причем во многом за счет снижения доли поставок готовой продукции. При этом в силу сырьевой ориентации экономик государств региона объемы экспорта сильно зависели от конъюнктуры мировых цен на сырьевые ресурсы. В этой связи имевшие место изменения мировых цен на те или иные виды сырья нередко приводили к колебаниям в динамике двусторонних товарооборотов центральноазиатских государств с Россией и Китаем.

Четко проявилась тенденция постепенного, но неуклонного усиления экономического сотрудничества между странами ЦА и КНР. Эта тенденция развивалась параллельно с другой тенденцией – интенсификацией экономических связей между Россией и странами региона. Причем усиление экономического сотрудничества государств Центральной Азии с Китаем происходило более высокими темпами, нежели восстановление экономических связей государств региона с Россией. Немаловажным является и то, что усиление экономического сотрудничества стран ЦА с КНР шло в основном за счет поставок в регион готовой продукции. Китайские производители проявили себя как более конкурентоспособные, чем российские и центральноазиатские, уверенно теснили последних.

Сравнить же другие показатели экономических отношений стран ЦА с РФ и КНР достаточно сложно. Например, казалось бы, Россия уже уступает Китаю по объемам финансовых ресурсов, вложенных в государства региона. Однако те же кредиты из КНР занимают более половины всей суммы китайских финансовых ресурсов в регионе. Это свидетельствует как о разном качестве, так и о различных подходах двух держав к выстраиванию финансового в частности и экономического в целом сотрудничества с ЦА. Более того, в отличие от отношений с КНР в отношениях между странами региона и РФ развивается принципиально важный и крайне динамичный сегмент – миграция, в рамках которого сохраняется глубокая финансовая и экономическая в целом, социальная, политическая и иная взаимозависимость.

На этом фоне, казалось бы, Китай более успешен, чем Россия, в развитии сотрудничества в транспортно-коммуникационном сегменте, форсируя в регионе формирование системы коммуникаций и транзита, развивая проекты в рамках инициативы «Один пояс – один путь». Однако, еще раз следует отметить, что между ЦА и РФ уже существует устойчивая транспортно-коммуникационная система. К тому же в рамках этой системы более высоко влияние ряда важных социальных факторов: свободы передвижения людей, свободы перемещения финансовых ресурсов, сохранившиеся элементы языковой и социально-культурной общности народов бывшего Советского Союза. Тем не менее в целом следует признать, что РФ пока уступает КНР с точки зрения выработки стратегии и проектного подхода по формированию и развитию

⁹ Экономика Китая может обогнать США к 2028 году. А где будет Россия? Сайт русской службы «Би-Би-Си» (Великобритания), 26.12.2020: <https://www.bbc.com/russian/news-55449234> (дата обращения: 12.03.2021).

¹⁰ Источник: данные Федеральной таможенной службы РФ. Внешняя торговля России в 2020 году. Внешняя торговля России, 13.02.2021: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2021-02/vneshnyaya-torgovlya-rossii-v-2020-godu/> (дата обращения: 12.03.2021).

¹¹ Там же.

новой транспортно-коммуникационной системы в ЦА, а также системы транзита через территорию региона.

В отношениях стран Центральной Азии с Россией и Китаем существуют следующие четыре ключевые проблемы: экономико-географическая замкнутость Центральной Азии, а также ряда территорий России и Китая; преимущественно сырьевая ориентация экономик стран Центральной Азии и России на фоне слабости их усилий по индустриальному развитию; отсутствие экономической интеграции в самой Центральной Азии, а также в рамках конкретных ключевых институтов; асимметрия экономического развития России и Китая.

Основываясь на изложенном выше, можно предположить следующее:

Во-первых, динамика и масштабы экономических отношений стран ЦА с РФ и КНР, скорее всего, будут расти лишь там, где Китай будет наращивать свое присутствие в регионе более высокими темпами (безусловно, если не произойдет неких форс-мажорных обстоятельств): по крайней мере в краткосрочной (до 5 лет) и в среднесрочной (от 5 до 15 лет) перспективе. Что же касается долгосрочной перспективы (более 15 лет), то горизонт прогнозирования является очень узким, принимая во внимание, что такая специфическая сфера, как экономика, значительно подвержена влиянию различных факторов в других сферах, в первую очередь политики и безопасности, причем прежде всего глобального и межрегионального характера.

Во-вторых, в условиях наличия ряда важных проблем пути развития отношений стран ЦА с РФ и КНР с точки зрения будущего более-менее четко просматривается лишь ряд важных моментов. Так, будущее тех же центральноазиатско-российских отношений, безусловно, зависит от многих факторов – как внутренних, так и внешних. Однако, улучшение всего формата отношений между Центральной Азией и Россией возможно при условии, что в XXI веке РФ будет играть ключевую или, по крайней мере, важную роль в обеспечении экономического прогресса региона. Для этого РФ необходимо изменить свою экономическую стратегию, сориентировав ее на цели промышленного и транспортно-коммуникационного развития. При этом России будет нужно и окончательно отказаться от ложного восприятия ЦА как «груза» – «убыточного региона», осознав, что при грамотной стратегии, учитывающей все основные сегменты и сферы отношений (включая миграцию), именно Центральная Азия способна стать одним из наиболее эффективных мест приложения российского капитала (финансового, технологического, интеллектуального и т.п.) и гарантом стабильности всей внутренней Евразии. Как представляется, по мере осознания этого можно будет говорить не только о начале принципиально нового этапа отношений между РФ и ЦА, но и о достижении кардинальных успехов в процессах реиндустриализации, экономической кооперации и интеграции на постсоветском пространстве.

В-третьих, дальнейшее улучшение статуса ЦА в качестве безопасного транзитного пространства между Азией и Европой, развитие сотрудничества в реальных секторах экономики, в том числе с привлечением передовых зарубежных технологий. Это должно предполагать одновременное форсирование разносторонней региональной экономической кооперации и интеграции в рамках СНГ и ЕАЭС, улучшение глобального и регионального форматов отношений между Россией, Китаем, США, Европейским союзом, Индией, Пакистаном, Ираном и др., кардинальное усиление экономической кооперации и сотрудничества в сфере безопасности в рамках ШОС и конкретных структур этой организации.

Представляется, что именно решение этих стратегических задач может и должно стать главным стимулом к выстраиванию механизмов многопланового и полноценного сотрудничества на двустороннем и многостороннем уровнях в системе «Центральная Азия – Россия – Китай».

Источники

- Алимов, Р.М., Арифханов, Ш.Р., Ризаев, С.Р., Толипов, Ф.Ф. (2002), *Центральная Азия: геоэкономика, геополитика, безопасность*, Ташкент.
- Ауелбаев, Б.А. (2016), *Центральная Азия – 2020: четыре стратегических концепта*, Астана.
- Доклад о человеческом развитии в Центральной Азии. В будущее без барьеров: региональное сотрудничество в области человеческого развития и обеспечения человеческой безопасности (2005), Региональное бюро ПРООН по странам Европы и странам Содружества Независимых Государств, режим доступа: https://www.un.org/ru/development/hdr/central_asia_2005.pdf (дата обращения: 20.03.2021).
- Икромов, Д.З. (2019), *Международная миграция из стран Центральной Азии в Россию: оценка влияния на социально-экономическое развитие*, Душанбе.
- Казанцев, А.А., Звягельская, И.Д., Кузьмина, Е.М., Лузянин, С.Г. (2016), «Перспективы сотрудничества России и Китая в Центральной Азии», *Российский совет по международным делам (РСМД)*, № 28, Москва.
- Кара-Мурза, С.Г. (2002), *Белая книга, Экономические реформы в России 1991-2001*, Москва.
- Карицкая, И.М., Ситникова, Я.В., Маркасова, О.А. (2017), «Торговые отношения России и Китая – ключевые стратегические инициативы», *Международный научно-исследовательский журнал*, № 2 (56), часть 3, сс. 24-28.
- Лифань, Л., Шиу, Д. (2004), «Геополитические интересы России, США и Китая в Центральной Азии», *Центральная Азия и Кавказ, Швеция*, № 3, сс. 161-168.
- Лузянин, С.Г. (2018), *Россия – Китай: формирование обновленного мира*, Москва.
- Малева, Т.М. (2019), *Ежемесячный мониторинг социально-экономического положения и самочувствия населения: 2015 – апрель 2019*, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва.
- Наумкин, В.В., Звягельская, И.В., Войко, Е.В., Грозин, А.В., Коргун, В.Г., Кузьмина, Е.М., Малышева, Д.Б., Притчин, С.А., Хейфец, Б.А. (2013), «Интересы России в Центральной Азии: содержание перспективы, ограничители», *Российский совет по международным делам (РСМД)*, №10, Москва.
- Пластинина, Л.И., Корзин, Н.С. (2020), «Железнодорожный транспорт в транспортной системе накануне распада СССР», *История и перспективы развития транспорта на севере России*, № 1, сс. 62-64.
- Синицина, И. (2012), *Экономическое взаимодействие России и стран Центральной Азии: тенденции и перспективы*, Высшая школа развития, Институт государственного управления и политики Университета Центральной Азии (Кыргызстан), доклад № 5.
- Султанов, Б.К. (2019), *Инициатива «Один пояс и один путь» и перспективы социально-экономического и общественно-политического развития стран Центральной Азии*, Научно-исследовательский институт международного и регионального сотрудничества Казахстанско-Немецкого университета, Алматы.
- Сыроежкин, К.Л. (2006), *Проблемы современного Китая и безопасность в Центральной Азии*, Алматы.
- Фань, С. (2018), *Взаимодействие России и Китая в сфере региональной безопасности в Центральной Азии: механизмы и стратегии: автореф. дис. ... к.п.н.*, Москва.
- Чжэн, Ж. (2008), *Сотрудничество России и Китая в борьбе с международным терроризмом в рамках ШОС: автореф. дис. ... к.п.н.*, Москва.
- Чжэньпэн, Л. (2019), *Китайская политика в Центральной Азии (2000 – 2017 гг.): автореф. дис. ... к.п.н.*, Владивосток.
- Чуфрин, Г.И. (2010), *Россия в Центральной Азии*, КИСИ при Президенте РК, Алматы.
- Arvis, J.-F., Raballand, G. and Marteau, J.-F. (2010), *The Cost of Being Landlocked: Logistics Costs and Supply Chain Reliability*, World Bank, available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/2489> (accessed 22.11.2020).
- Blank, S. (2017), «China in Central Asia: The Hegemon in Waiting?», *Eurasia in Balance: The US and the Regional Power Shift*, pp. 149-182.
- Blank, S. (2021), *Central Asia and the Great Powers After Afghanistan*, Tillotoma Foundation, India.
- Blank, S. and Kim, Y. (2016), «Does Russo-Chinese Partnership Threaten America's Interests in Asia?», *Orbis*, No. 60 (1), pp. 112-127.
- Brzezinski, Z. (1997), *The Grand Chessboard: American Primacy and its Geostrategic Imperatives*, Basic Books, NY.
- Cornell, S.E. and Swanström, N. (2020), *Compatible Interests? The EU and China's Belt and Road Initiative*, Swedish Institute for European Policy Studies.
- Faisal, J. (2021), «Impact of Sino-Russia Cooperation and Competition on Central Asia after 9/11: An analytical study», *Journal of European Studies*, Vol. 37, No. 1, pp. 80-91.

Hurley, J., Morris, S. and Portelance G. (2018), "Examining the Debt Implications of the Belt and Road Initiative from a Policy Perspective", *CGD Policy Paper*, Center for Global Development, Washington, DC.

Kazakhstan: Country Report (2003 - 2008), The Economist Intelligence Unit, available at: <https://www.eiu.com>.

Kyrgyzstan: Country Report (2003 - 2008), The Economist Intelligence Unit, available at: <https://www.eiu.com>.

Molnar, E. and Ojala, L. (2003), "Transport and Trade facilitation Issues in the CIS 7", *Kazakhstan and Turkmenistan: paper for the Lucerne Conference of the CIS-7 Initiative*, 20-22 January 2003.

Rauf, S. (2017), "Changing Geopolitical Dynamics in Central Asia: Causes and Effects", *Strategic Studies (Islamabad)*, Vol. 37, No. 17, pp. 149-165.

Sachdeva, G. (2018), "Indian Perceptions of the Chinese Belt & Road Initiative", *International Studies*, Vol. 55, No. 4, pp. 285-296.

Tajikistan: Country Report (2003 - 2008), The Economist Intelligence Unit, available at: <https://www.eiu.com>.

The Future of Nation-States (2017), Conference Report. Afghan Institute for Strategic Studies, Herat, Afghanistan, available at: https://www.aiss.af/assets/aiss_publication/3fbf86ad784a0c62fd38e49b38832b7a.pdf.

Turkmenistan: Country Report (2003 - 2008), The Economist Intelligence Unit, available at: <https://www.eiu.com>.

Uyama, T. (2018), "Sino-Russian Coordination in Central Asia and Implications for U.S. and Japanese Policies Asia Policy", *Asia Policy*, Vol. 13, No. 1, pp. 26-31.

Uzbekistan: Country Report (2003 - 2008), The Economist Intelligence Unit, available at: <https://www.eiu.com>.

doi: 10.53658/RW2021-1-1-52-66

Comparison of the Economic Relations of Russia and China with Central Asian Countries

Mirzokhid A. Rakhimov, Vladimir V. Paramonov

Uzbekistan contemporary history center of the Academy of Sciences of Uzbekistan (Tashkent, Uzbekistan).

Abstract. Central Asia (CA) is one of the key regions in the foreign policy of the Russian Federation (RF) and the People Republic of China (PRC). The interaction of the countries of CA with RF and PRC, the Russian and Chinese involvement in the affairs of the region have inherent characteristics. The significance of the region and its specific states for Russia and China differ, as well as the nature of the relationship of this large group of actors with each other and the rest of the world. This paper analyzes the main directions of the relations of CA with the RF and PRC using an integrated, systemic, comparative-comparative and interdisciplinary approaches. Authors note, that the economic relations of the countries of region with Russia and China are diverse, multi-dimensional and multi-format. They identify and discuss the following key issues: (1) economic and geographical isolation of Central Asia, as well as a number of territories of Russia and China; (2) raw-resource orientation of most economies of the region; (3) weak economic integration in CA, as well as within the framework of concrete key institutions; (4) asymmetry of economic development of Russia and China. It is indicated that it is precisely the solution of strategic tasks that can and should become the main incentive for building mechanisms of multifaceted and full-fledged cooperation at the bilateral and multilateral levels, not only between Central Asia and China, but also between Central Asia and the Russia. This should facilitate the process of regional and

interregional economic integration in the interior of the continent to a qualitatively new level, initiate the formation of sustainable institutional framework designed to ensure integrated security (economic, political, social and other) and the progressive development of Eurasia.

Keywords: Central Asia, Russia, China, relations, economics

About the authors: Mirzokhid Akramovich RAKHIMOV – DSc (Hist.), Professor, head of department at Uzbekistan contemporary history center of the Academy of Sciences of Uzbekistan. ORCID: 0000-0001-5414-8498. Address: 70 Y. Gulomov str., Tashkent, Uzbekistan, 100047. E-mail: mirzonur@yahoo.com; mirzohidr@mail.ru. Vladimir Vladimirovich PARAMONOV – PhD (Polit.), doctoral student at Uzbekistan contemporary history center of the Academy of Sciences of Uzbekistan, director of the Central Eurasia Analytical Group. Address: Y. Gulomov str., 70, Tashkent, Uzbekistan, 100047. E-mail: ceasiapost@gmail.com; v_paramonov@yahoo.com.

References

- Alimov, R.M., Arifhanov, Sh.R., Rizaev, S.R. and Tolipov, F.F. (2002), *Central Asia: Geoeconomics, geopolitics, security* [Tsentral'naya Aziya: geoekonomika, geopolitika, bezopasnost], Tashkent (in Russian).
- Arvis, J.-F., Raballand, G. and Marteau, J.-F. (2010), *The Cost of Being Landlocked: Logistics Costs and Supply Chain Reliability*, World Bank, available at: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/2489> (accessed 22.11.2020).
- Auelbaev, B.A. (2016), *Central Asia – 2020: four strategic concepts* [Tsentral'naya Aziya – 2020: chetyre strategicheskikh kontsepta], Astana (in Russian).
- Blank, S. (2017), "China in Central Asia: The Hegemon in Waiting?", *Eurasia in Balance: The US and the Regional Power Shift*, pp. 149-182.
- Blank, S. (2021), *Central Asia and the Great Powers After Afghanistan*, Tillotoma Foundation, India.
- Blank, S. and Kim, Y. (2016), "Does Russo-Chinese Partnership Threaten America's Interests in Asia?", *Orbis*, No. 60 (1), pp. 112-127.
- Brzezinski, Z. (1997), *The Grand Chessboard: American Primacy and its Geostrategic Imperatives*, Basic Books, NY.
- Central Asia Human Development Report, Bringing down barriers: Regional cooperation for human development and human security (2005), UNDP Regional Bureau for Europe and the Commonwealth of Independent States, available at: http://hdr.undp.org/sites/default/files/central_asia_2005_en.pdf (accessed: 20.03.2021).
- Chufrin, G.I. (2010), *Russia in Central Asia* [Rossiya v Tsentral'noi Azii], KAZISS under the President of the Republic of Kazakhstan, Almaty (in Russian).
- Cornell, S.E. and Swanström, N. (2020), *Compatible Interests? The EU and China's Belt and Road Initiative*, Swedish Institute for European Policy Studies.
- Faisal, J. (2021), "Impact of Sino-Russian Cooperation and Competition on Central Asia after 9/11: An analytical study", *Journal of European Studies*, Vol. 37, No. 1, pp. 80-91.
- Fan, X. (2018), *Russian-Chinese cooperation in regional security in Central Asia: mechanisms and strategies: Author's thesis* [Vzaimodeistvie Rossii i Kitaya v sfere regional'noi bezopasnosti v Tsentral'noi Azii: mekhanizmy i strategii: avtoref. dis.], Moscow (in Russian).
- Hurley, J., Morris, S. and Portelance G. (2018), "Examining the Debt Implications of the Belt and Road Initiative from a Policy Perspective", *CGD Policy Paper*, Center for Global Development, Washington DC.
- Ikromov, D.Z. (2019), *International migration from Central Asian countries to Russia: an assessment of the impact on socio-economic development* [Mezhdunarodnaya migratsiya iz stran Tsentral'noi Azii v Rossii: otsenka vliyaniya na sotsial'no-ekonomicheskoe razvitie], Dushanbe (in Russian).
- Kara-Murza, S.G. (2002), *The White Paper. Economic Reforms in Russia 1991-2001* [Belaya kniga, Ekonomicheskie reformy v Rossii 1991-2001], Moscow (in Russian).
- Karytskaya, I.M., Sitnikova, Y.V. and Markasova, O.A. (2017), "Trade relations between Russia and China are key strategic initiatives", *International Research Journal* ["Torgovyie otnosheniya Rossii i Kitaya – klyuchevyye strategicheskie initsiativy", *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*], No. 2 (56), part 3, pp. 24-28 (in Russian).
- Kazakhstan: Country Report (2003 - 2008), The Economist Intelligence Unit, available at: <https://www.eiu.com>.

- Kazantsev, A.A., Zjagelskaya, I.D., Kuzmina, E.M. and Luzyanin, S.G. (2016), "Prospects for cooperation between Russia and China in Central Asia", *Russian International Affairs Council (RIAC)* ["Perspektivy sotrudnichestva Rossii i Kitaya v Tsentral'noi Azii", *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD)*], No. 28 (in Russian).
- Kyrgyzstan: Country Report (2003 - 2008), The Economist Intelligence Unit, available at: <https://www.eiu.com>.
- Lifan, L. and Shiu, D. (2004), "Geopolitical interests of Russia, the USA and China in Central Asia" ["Geopoliticheskie interesy Rossii, SShA i Kitaya v Tsentral'noi Azii"], *Central Asia and the Caucasus, Sweden*, No. 3, pp. 161-168 (in Russian).
- Luzyanin, C.G. (2018), *Russia – China: Shaping a New World [Rossiya – Kitai: formirovanie obnovlennogo mira]*, Moscow (in Russian).
- Maleva, T.M. (2019), *Monthly monitoring of the socio-economic situation and well-being of the population: 2015 – April 2019 [Ezhemesyachnyi monitoring sotsial'no-ekonomicheskogo polozheniya i samochuvstviya naseleniya: 2015 – april' 2019]*, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow.
- Molnar, E. and Ojala, L. (2003), "Transport and Trade facilitation Issues in the CIS 7", *Kazakhstan and Turkmenistan: paper for the Lucerne Conference of the CIS-7 Initiative*, 20-22 January 2003.
- Naumkin, V.V., Zvyagelskaya, I.V., Voiko, E.V., Grozin, A.V., Korgun, V.G., Kuzmina, E.M., Malysheva, D.B., Pritchkin, S.A. and Kheifets, B.A. (2013), "Russia's interests in Central Asia: Perspective, Content, Limitations", *Russian International Affairs Council (RIAC)* ["Interesy Rossii v Tsentral'noi Azii: soderzhanie perspektivy, ogranichiteli", *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD)*], No. 10 (In Russian).
- Plastinina, L.I. and Korzin, N.S. (2020), "Railway transport in the transport system on the eve of the collapse of the USSR", *The History and Prospects of Transport Development in the North of Russia* ["Zheleznodorozhnyi transport v transportnoi sisteme nakanune raspada SSSR", *Istoriya i perspektivy razvitiya transporta na severe Rossii*], No. 1, pp. 62-64 (in Russian).
- Rauf, S. (2017), "Changing Geopolitical Dynamics in Central Asia: Causes and Effects", *Strategic Studies (Islamabad)*, Vol. 37, No. 17, pp. 149-165.
- Sachdeva, G. (2018), "Indian Perceptions of the Chinese Belt & Road Initiative", *International Studies*, Vol. 55, No. 4, pp. 285-296.
- Sinitsina, I. (2012), *Economic interaction between Russia and the Central Asian countries: trends and prospects [Ekonomicheskoe vzaimodeistvie Rossii i stran Tsentral'noi Azii: tendentsii i perspektivy]*, Higher School of Development, Institute of Public Administration and Policy, University of Central Asia (Kyrgyzstan), report 5 (in Russian).
- Siroezhkin, K.L. (2006), *Problems of modern China and security in Central Asia [Problemy sovremennogo Kitaya i bezopasnost' v Tsentral'noi Azii]*, Almaty (in Russian).
- Sultanov, B.K. (2019), *One Belt – One Way initiative and the prospects for socio-economic and socio-political development of the countries of Central Asia [Initsiativa 'Odin poyas i odin put' i perspektivy sotsial'no-ekonomicheskogo i obshchestvenno-politicheskogo razvitiya stran Tsentral'noi Azii]*, University of Kazakhstan-Germany Research Institute for International and Regional Cooperation, Almaty (in Russian).
- Tajikistan: Country Report (2003 - 2008), The Economist Intelligence Unit, available at: <https://www.eiu.com>.
- The Future of Nation-States (2017), Conference Report. Afghan Institute for Strategic Studies, Herat, Afghanistan, available at: https://www.aiss.af/assets/aiss_publication/3fbf86ad784a0c62fd38e49b38832b7a.pdf.
- Turkmenistan: Country Report (2003 - 2008), The Economist Intelligence Unit, available at: <https://www.eiu.com>.
- Uyama, T. (2018), "Sino-Russian Coordination in Central Asia and Implications for U.S. and Japanese Policies Asia Policy", *Asia Policy*, Vol. 13, No. 1, pp. 26-31.
- Uzbekistan: Country Report (2003 - 2008), The Economist Intelligence Unit, available at: <https://www.eiu.com>.
- Zheng, J. (2008), *Cooperation between Russia and China in the fight against international terrorism within the SCO: Author's thesis [Sotrudnichestvo Rossii i Kitaya v bor'be s mezhdunarodnym terrorizmom v ramkakh ShOS: avtoref. dis.]*, Moscow.
- Zhenpeng, L. (2019), *Chinese Policy in Central Asia (2000 – 2017): Author's thesis [Kitaiskaya politika v Tsentral'noi Azii (2000 – 2017): avtoref. dis.]*, Vladivostok.

doi: 10.53658/RW2021-1-1-67-77

Развитие Северного морского пути: перспективы международного сотрудничества

Киргизов-Барский А.В.

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России (Москва, Россия).

Аннотация. Сегодня вдоль северного побережья России, в Арктике, в силу глобальных климатических изменений происходит формирование нового международного морского маршрута – Северного морского пути. В связи с быстрым увеличением интереса региональных и неарктических государств, научного сообщества и бизнеса к этой транспортной артерии возникает необходимость в изучении возможностей сотрудничества между Россией и другими странами по вопросу развития Севморпути, с выявлением наиболее перспективных направлений. В работе дается подробный анализ интересов внешних игроков к СМП с учетом последних изменений и событий, при этом автор для проведения исследования использует swot-анализ и сравнительно-аналитический подход. Результаты исследования показали, что сотрудничество с рядом арктических стран по развитию СМП могло бы принести взаимную выгоду: Канада и Россия обменялись бы опытом по продвижению аналогичных трасс, а Норвегия и Исландия получили бы преимущества как своеобразные хабы на новых маршрутах. Внерегионалы, такие как Китай, Южная Корея, Япония, Сингапур и Индия, уже заинтересованы в СМП. Севморпуть потенциально представляется им короче и безопаснее по сравнению с традиционными маршрутами, а также позволяет участвовать в расположенных в его акватории научных, энергетических и транспортных проектах. В свою очередь, для России важно участие зарубежных партнеров, так как оно сопровождается активным использованием артерии, созданием крупных проектов на всем ее протяжении, привлечением серьезных средств, современных технологий и знаний на территорию Арктической зоны страны.

Ключевые слова: Арктика, Северный морской путь, Северо-Западный проход, Арктический совет, международное сотрудничество, арктические государства, внерегиональные страны

Об авторе: Арсений Вячеславович КИРГИЗОВ-БАРСКИЙ – первый секретарь студенческого научно-исследовательского клуба «Арктика», Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России. ORCID: 0000-0002-6374-0220. Адрес: 119454, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 76. E-mail: kirgizovbarskii@arctic-mgimo.ru.

Северный морской путь (далее – Севморпуть, СМП) – исторически сложившаяся национальная транспортная коммуникация Российской Федерации, трансарктический морской маршрут, проходящий вдоль северного побережья России и составляющий часть Северо-Восточного прохода (Воронков 2021). Масштабные изменения, происходящие в Арктике, открывают широкие перспективы для формирования этого нового международного маршрута в регионе.

В 1987 году глава СССР М.С. Горбачев выступил со знаковой для Арктики речью в Мурманске, объявив о заинтересованности государства в международном использовании Севморпути с допуском иностранных кораблей на маршрут.

Генеральный секретарь ЦК КПСС объяснил, что СССР открывает трассу с целью получения прибыли и только в случае соблюдения иностранными судами определенных условий, в числе которых – подчинение юрисдикции прибрежного государства, использование ледокольной и лоцманской проводок, а также соответствие специальным для Арктики критериям безопасности (Гудев 2018). В итоге Северный морской путь в действительности стал использоваться судами под разными флагами, но в связи с оттоком госрасходов и инвестиций из Арктической зоны Российской Федерации (АЗРФ) после распада СССР и низким международным интересом долгое время маршрут оставался невостребованным. Рост навигации последовал только во 2-й половине 2010-х годов с формулированием Россией своих стратегических интересов в регионе и началом его более активного освоения (Журавель 2019а). В Стратегии развития АЗРФ до 2020 года Северный морской путь занимал центральное место¹, которое только укрепилось в обновленной стратегии до 2035 года². О маршруте и его перспективах часто говорит российский лидер, а также многие государственные деятели и руководители крупнейших отечественных компаний, которые уже ведут свою деятельность в регионе. Так, согласно Указу Президента России В.В. Путина, к 2024 году объем перевозок по Севморпути должен быть увеличен до отметки 80 млн тонн. По итогам 2020 года основной показатель вырос и достиг 32,97 млн тонн (2019 – 31,5 млн тонн, 2018 – 20,2 млн тонн), но все еще составлял менее половины от целевого объема³. В сентябре 2021 года на полях Восточного экономического форума (ВЭФ) президент подтвердил, что изначальная цифра остается неизменной, но были добавлены новые цели: внутренний каботаж и транзитные контейнерные перевозки, начало которых запланировано на 2022 год. На площадке ВЭФ – 2021 госкорпорация «Росатом» представила концепцию «Большого Северного морского пути» от границ с Норвегией до границ с Южной Кореей. По словам главы компании, до 2030 года перевозки по СМП «можно удвоить», а после 2034 года – «выйти на сумму грузопотока по большому СМП до 250 миллионов тонн»⁴.

Оценивая эти цифры, можно прийти к выводу, что Россия рассчитывает на широкое международное сотрудничество по вопросам Северного морского пути. В ходе пленарной сессии ВЭФ – 2021 В.В. Путин заявил, что «Россия не собирается никого ограничивать, в том числе при освоении Северного морского пути»⁵. В этом контексте цель данной работы – изучить возможности и вызовы такого сотрудничества по развитию СМП. Автор не претендует на освещение всего спектра взаимодействий с внешними игроками. Задачи исследования – проанализировать потенциал многостороннего сотрудничества, сотрудничества с арктическими странами, а также с внерегиональными игроками. Акцент делается на некоторых наиболее перспективных по итогам исследования форматах, таких как Арктический совет, Россия – Канада, Исландия и Норвегия, Россия – Китай, Южная Корея, Япония, Сингапур и Индия.

Многостороннее сотрудничество

Среди восьми арктических стран⁶ только пять имеют выход к Северному Ледовитому океану, в связи с чем в контексте судоходства можно встретить понятие «арктическая пятерка» (Вылегжанин, Дудыкина 2018). Тем не менее чаще всего на многосторонних площадках судоходство обсуждается всей «арктической восьмеркой» на полях Арктического совета – ведущего форума сотрудничества в регионе, созданного в 1996 году (Воронков 2021). Эта площадка может принести существенные плоды для развития судоходства на СМП. В ее рамках уже были приняты юридически обязывающие соглашения, в частности о сотрудничестве в авиационном и морском поиске и спасании в Арктике (2011) и о предотвращении морских разливов нефти в Арктике (2013), которые напрямую связаны с активизацией морской навигации в регионе (Воронков 2021). Кроме того, на площадке Совета обсуждались параметры создания Международного кодекса для судов, эксплуатирующихся в полярных водах (Полярный кодекс), принятого под эгидой Международной морской организации в 2014 году (Erokhin 2017). Рабочие группы Арктического совета, в частности по защите арктической морской среды (PAME) и по мониторингу и оценке (АМАР), активно публикуют подробные отчеты по этой теме⁷. А рабочая группа по предупреждению, готовности и ликвидации ЧС (EPPR) организует и координирует проведение соответствующих учений, причем последние состоялись в сентябре 2021 года с имитацией бедствия на круизном корабле в Арктике.

С 2021 по 2023 год председателем в Арктическом совете выступает Россия. Неудивительно, что «развитие безопасного судоходства в Арктике, включая Северный морской путь», стало одним из приоритетов российского председательства (Aliyev 2021). Более того, Россия внесла в Арктический совет проект по устойчивому судоходству, который в настоящее время проходит оценку экспертов Рабочей группы по устойчивому развитию (SDWG). На текущий момент в рабочих группах организации в активной фазе находится больше десятка больших и малых проектов, так или иначе связанных с морской навигацией, из которых стоит особо отметить Систему данных о движении судов в Арктике и Информационный форум лучших практик в области судоходства⁸. Потенциально на площадке Арктического совета Россия могла бы совместно с партнерами по региону найти решение для наиболее острых проблем в развитии СМП, которые связаны в первую очередь с экологическими рисками. Это и разливы нефти в море, и загрязнение моря пластиком, сажа (черный углерод), подводный шум и др., способные нанести непоправимый урон хрупкой и уязвимой экосистеме региона. В связи с этим необходимо постоянное обеспечение экологической безопасности, поддержание и мониторинг состояния арктических экосистем, меры по сохранению биоразнообразия, эффективное использование и расширение ООПТ и др. На это нужны большие научные, экономические и инфраструктурные ресурсы, требующие международного взаимодействия, для осуществления которого 25 лет назад и был создан Арктический совет⁹.

1 Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года, Правительство Российской Федерации: <http://government.ru/info/18360/>.

2 Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года, Президент России: <http://kremlin.ru/acts/bank/45972>.

3 Грузооборот по Севморпути в 2020 году вырос на 5%, ТАСС, 11.01.2021: <https://tass.ru/ekonomika/104345>.

4 «Росатом» представил на ВЭФ проект Большого Северного морского пути, Российская газета, 3.09.2021: <https://rg.ru/2021/09/03/reg-dfo/rosatom-predstavil-na-vef-proekt-bolshogo-severnogo-morskogo-puti.html>.

5 Россия не будет никого ограничивать при освоении Севморпути, РИА Новости, 3.09.2021: <https://ria.ru/20210903/putin-1748503739.html?in=t>.

6 Арктическими странами считаются государства, имеющие свою территорию за Северным полярным кругом: Данию, Исландию, Канаду, Норвегию, Россию, США, Финляндию, Швецию: <https://arctic-council.org/ru/>.

7 В 2009 году вышла «Оценка морского судоходства в Арктике» от PAME; в 2017 – отчет «Снег, вода, лед и вечная мерзлота в Арктике» (SWIPA) от АМАР; в 2019 – доклад «Использование тяжелого топлива в Арктике» (на основе которого Международная морская организация с 2024 года ввела запрет на его использование в этих водах); в 2020 – «Отчет о статусе судоходства в Арктике» от PAME: <https://arctic-council.org/ru/>.

8 Россия и Арктика. Брифинг Посла по особым поручениям МИД России Н.В. Корчунова в ММПЦ МИА «Россия сегодня», Международная жизнь, 23.11.2020: <https://interaffairs.ru/news/show/28191>.

9 The Increase in Arctic Shipping 2013–2019, PAME Arctic Shipping Status Report, PAME, 2020, No. 1: <https://pame.is/projects/arctic-marine-shipping/arctic-shipping-status-reports>.

Сотрудничество с арктическими странами

Говоря об арктических странах, нетрудно заметить, что потенциал сотрудничества наиболее велик у России с Канадой. В августе 2021 года канадская исследовательница А. Чаррон опубликовала материал, в котором доказывалось, что северные регионы России и Канады «более других похожи между собой по географии, климату и потенциалу развития», сравнивались действия двух стран в отношении коренных народов, энергетики, морских пространств, которые «имеют немало общего»¹⁰. Автор считает, что Россия и Канада потеряют больше всех, если вместо духа сотрудничества в регионе возобладает разногласия. То же можно сказать о морских маршрутах двух стран: Канада внимательно следит за ситуацией на Севморпути, так как занимается развитием собственной арктической артерии – Северо-Западного прохода (далее – СЗП). До сих пор он оставался практически не пригодным для регулярного судоходства в силу сурового климата и ледовой обстановки, впервые освободившись ото льда лишь в 2007 году (Соколов, Григорьева, Демчук 2011). Однако, сравнивая его с СМП, можно увидеть близость показателей, «узких мест» и определяющих перспективы условий. Вызовы для одного маршрута возникают и на другом, в связи с чем представляется целесообразным сотрудничество стран по их преодолению. Сегодня такового не наблюдается в силу политических причин: Канада входит в военно-стратегический альянс с США и выступает одним из их ближайших союзников.

Номожно надеяться, что при определенных условиях Россия и Канада превратятся хотя бы в ситуационных партнеров в вопросе регулирования судоходства по трансарктическим артериям. Например, стороны могли бы совместно укреплять многосторонние форматы сотрудничества и повестку судоходства в них, вырабатывать правила навигации в покрытых льдом морях, обмениваться опытом в развитии правового статуса морских путей, строительства инфраструктуры и ледокольного флота, а также в области взаимодействия с внешними игроками (Todorov 2017). И даже без такого сотрудничества для России важно учитывать аргументацию канадской стороны касательно ее арктических вод, так как определенная ее часть применима к СМП: (1) это не международный пролив, так как его длина, историческое освоение и коренные жители отличают его от проливов; (2) прибрежное государство имеет право вводить ограничения и правила для защиты морской среды в покрытых льдами районах; (3) острова Канадского Арктического архипелага являются суверенной территорией страны, их акватория – внутренними водами, для чего есть исторические (в т.ч. связанные с коренными народами) и географические основания и подкрепления в международном морском праве. Канадцы уже десятки лет успешно выстраивают свою позицию на основе этих доводов (Байерз 2011).

Наиболее амбициозным проектом России и Канады мог бы стать морской путь «Арктический мост», который призван установить круглогодичное морское сообщение между северными портами двух стран через Северную Атлантику (Pharand 2007). Между российским Мурманском и канадским портом Черчилл уже были осуществлены пробные поставки различных грузов¹¹. Более того, связывая СМП и СЗП, маршрут потенциально проходит мимо Норвегии, Исландии, датских Фарерских островов и Гренландии, которые также стремятся получить выгоду из своего положения на перекрестке арктических морских путей (Рузакова 2018).

В Исландии понимают, что последствия открытия морских маршрутов через Арктику «сравнимы с последствиями открытия Суэцкого и Панамского каналов, когда они впервые

были введены в эксплуатацию»¹². Северные провинции Исландии как раз находятся на пересечении новых морских путей и обладают удобными глубоководными гаванями, потому местные администрации уже подписали контракты с немецкими и исландскими компаниями на строительство перевалочного порта в Финнафьордуре. В планах проекта построить крупный порт площадью 1300 га, на что уже было выделено госфинансирование в размере \$150 000¹³. Запланированный контейнерный порт в отдаленном Финнафьордуре, как ожидается, соединит Азию, Европу и США. В качестве важнейшего последствия открытия порта для России можно выделить то, что, как заявляют инвесторы, Финнафьордур будет служить транзитным хабом для движения грузов, входящих в и выходящих из Северного морского пути¹⁴. Кроме того, порт может служить поисково-спасательной базой по мере роста навигации в Арктике (Загорский 2011).

Еще одним хабом на трансарктических маршрутах уже становится Норвегия, которая активно вовлекается в логистические схемы использования Северного морского пути с начала разработки ресурсного потенциала региона (Рузакова 2018). Так, истощение нефтегазовых провинций Северного и Норвежского морей подталкивает королевство расширять свое присутствие на Севере, что предполагает дальнейшую транспортировку добытых на шельфе ресурсов не только на Запад, но и на Восток по Севморпути¹⁵. Помимо вышеперечисленного, в Норвегии ведется активное строительство портов и портовой инфраструктуры на Крайнем Севере и на Шпицбергене, который готовится к приему следующих транзитом судов и круизных лайнеров, присутствие которых уже заметно на архипелаге.

Сотрудничество с внерегиональными странами

Напряженность в отношениях России и западных стран, к которым относятся все соседи России по Арктике, вследствие кризиса на Украине значительно сузила возможности для сотрудничества России с ними в вопросах освоения Арктики (Тренин 2021). В этих условиях России нужно искать иных партнеров, обладающих необходимыми технологиями и опытом, и находятся они в основном за пределами Арктического региона, преимущественно в Азии (Иванов, Махмутов 2016). Уже сегодня внерегионалы играют ключевую роль в развитии Севморпути, так как они заинтересованы в более коротких дистанциях, безопасности и экономии в транспортировке товаров и энергоресурсов и предоставлении собственных строительных и транспортных услуг. Россия в этом вопросе стремится к максимуму равновесных внешних партнерств, не создавая чрезмерной зависимости от одного крупного игрока (Кадомцев 2019). Поэтому помимо Китая Россия сотрудничает с Южной Кореей, Японией, Сингапуром, Индией и рассчитывает на вовлечение других стран.

Крупнейшим из неарктических государств, играющих важную роль на маршруте, является Китай (Журавель 2019b). Для Китая арктическое сотрудничество – это возможности оптимизации межконтинентальной транспортировки продукции и расширения своей ресурсной базы за рубежом (Тренин 2021). В 2018 году в Рейкьявике (Исландия) на 6-й Ассамблее «Арктический круг» Китай выдвинул свою концепцию «Один пояс – один путь» в арктическом контексте, заявив, что она подходит для региона и позволяет создать необходимые условия для устойчивого развития и строительства инфраструктуры. В числе элементов проекта – «Ледовый (Полярный) шелковый путь» из Азии в Европу, пролегающий

12 Einarsdóttir G.S., In Focus: Iceland and the Arctic / Gréta Sigríður Einarsdóttir, Iceland Review, 2019: <https://www.icelandreview.com/politics/in-focus-iceland-and-the-arctic/>.

13 Ćirić J., Cargo Port Profitability Depends On Global Warming, Iceland Review, 2020: <https://clck.ru/NUFsF>.

14 Humpert M., Iceland invests in Arctic shipping with development of Finnafjörður deepwater port, Arctic Today, 2019: <https://clck.ru/NUFuT>.

15 Hammerfest Exports LNG Cargo (Norway), Offshore Energy, 2012: <http://www.lngworldnews.com/hammerfest-exports-lng-cargo-norway/>.

10 Чарон А., Большие и северные. Могут ли Россия и Канада сотрудничать в Арктике, Московский центр Карнеги, 2.08.2021: <https://carnegie.ru/commentary/85070>.

11 Между Россией и Канадой открылся «Арктический мост», 2007: <https://www.rbc.ru/economics/19/10/2007/5703c97b9a79470eaf76774f>.

через трансарктические маршруты¹⁶. Россия в определенной степени заинтересована в развитии этого проекта в части строительства инфраструктуры СМП и сотрудничества с Китаем в целом (Загорский 2016b).

Ценность «Ледового шелкового пути» для КНР заключается в доступе страны к природным ресурсам и альтернативным судоходным маршрутам для экспорта, способным в потенциале обеспечить 5–15% внешнего товарооборота Китая (Кадомцев 2019). Для усиления своего присутствия и развития этого маршрута в Китае ведется строительство ледокольного флота (в настоящий момент имеется два ледокола, один из которых был целиком построен в Китае в 2019 году), а также кораблей для арктического патрулирования¹⁷. Китайцы уже заявили о своих планах построить атомный ледокол, что в случае успеха может сделать Китай второй после России страной с таким типом судов и надежно упрочить позиции Поднебесной в регионе. Помимо вышеперечисленного, Китай с 2013 года осуществляет транзитные коммерческие рейсы по СМП. Так, китайский оператор COSCO за пятилетний период с 2013 по 2018 год успешно осуществил 22 транзита (Conley et al. 2020).

Тем не менее как в Москве, как и в других арктических странах с осторожностью рассматривают растущие амбиции Китая в регионе. Американские аналитики из Центра международных отношений CFR считают, что эти действия и планы могут усилить соперничество и напряженность в отношениях самих арктических стран (Conley et al. 2020). Отмечается, что взгляд Китая на статус Арктики и свободы судоходства значительным образом сходит с позицией США, а также прочих внерегиональных морских держав – Великобритании, Индии, Японии (Тренин 2021). По мнению Пекина, судоходство по Севморпути не должно регулироваться российским законодательством (Todorov 2017). Тем не менее консенсус между Китаем и, например, США по этому вопросу маловероятен, так как США опасаются выхода КНР в Арктику и его закрепления там, а Китай учитывает негативный опыт функционирования программы Freedom of Navigation и споры о Тайваньском проливе¹⁸. Вероятно, позиция Китая по поводу статуса СМП может измениться или модифицироваться, например, отойдя на второй план в ходе углубления его сотрудничества с арктическими странами или при получении им определенного доступа к судоходству по трассе без изменения ее статуса.

Вторым по значимости азиатским государством для развития СМП по праву выступает Южная Корея. В настоящее время Республика Корея следует Генеральному плану реализации арктической стратегии на 2018 – 2022 годы. Ее приоритетными направлениями являются транспортное и экономическое освоение региона, что коррелирует с реализацией интересов России. Перспективными направлениями сотрудничества России и Южной Кореи можно назвать судостроение, особенно в части танкеров ледового класса, формирование в Корее нефтяного хаба и развитие судоходства в акватории Северного морского пути (Загорский 2019). Сейчас подавляющая часть СПГ-танкеров ледового класса, оперирующих в акватории СМП, была построена в Корее, и эта тенденция в ближайшие годы сохранится (Иванов, Махмутов 2016).

С 2017 года МИДы России и Республики Корея проводят двусторонние консультации по арктической тематике. Благодаря такому формату сотрудничества удалось добиться больших успехов в части развития арктического судоходства, ледокольного флота и инфраструктуры. Так, были достигнуты договоренности между судостроительным комплексом «Звезда» на Дальнем Востоке и Samsung Heavy Industries по основным условиям создания совместного предприятия по проекту строительства арктических челночных

танкеров¹⁹. Желание корейских партнеров усилить сотрудничество с российскими верфями обусловлено интересом Сеула в получении подрядов на производство у себя отдельных узлов и блоков судов ледового класса (Загорский 2016a). Кроме того, Южная Корея предполагает наращивать транзитные проводки своих судов по СМП и вести работу по подключению национальных судостроительных фирм к возведению вдоль него многофункциональных логистических терминалов, предусматривающих в том числе дозаправку в промежуточных пунктах (Журавель 2019a).

В связи с установлением Россией Правил плавания по Северному морскому пути Корея не раз выражала свое несогласие, однако серьезные препятствия для развития сотрудничества создало изменение Минтрансом России Кодекса торгового мореплавания от 2017 года в части запрета на перевозку энергоносителей судами не под российским флагом. Представители МИД Южной Кореи тогда заявили, что эти меры не соответствуют международному праву и правилам ВТО. На самом деле эти меры были направлены на стимулирование судостроения в России и обеспечение экологической безопасности в условиях активизации судоходства в Арктике в соответствии со статьей 234 Конвенции ООН 1982 года. Этот вопрос был принципиальным для Кореи, так как суда под ее флагом осуществляли многие перевозки СПГ по Севморпути в рамках проектов ПАО «НОВАТЭК». Соответственно, «НОВАТЭК» добивался снятия этих ограничений, что и было достигнуто в 2019 – 2020 годах: для перевозки энергоресурсов по СМП на судах под иностранным флагом компаниям-операторам проектов достаточно получить согласие Правительства РФ²⁰. Снятие ограничений облегчило доступ Южной Кореи и других стран в акваторию СМП и укрепило связи корейского и российского бизнеса.

Япония, как и все ведущие экономики мира и морские державы, стремится не отставать в освоении трансарктических путей, что связано в первую очередь с географическим положением страны – порт Йокогамы ближе всех из азиатских мегапортов расположен к Мурманску и североευропейским странам, если использовать СМП, и для японцев экономия расстояния и топлива выступает неоспоримым преимуществом. Путь из Мурманска в Японию через Суэцкий канал составляет 12 840 морских миль (23 780 км), а по СМП – только 5 770 морских миль (10 690 км), то есть в 2,23 раза меньше²¹. Причиной интереса Японии к судоходству в Арктике также называют энергетику. Так, Япония стремится к обеспечению своей энергетической безопасности и потому, как традиционный импортер энергоресурсов, диверсифицирует не только их источники, но и пути их доставки. России и Японии взаимовыгодно сотрудничество в освоении Арктики. Для России участие японцев в отечественных проектах открывает доступ к новейшим технологиям в таких сферах, как добыча ресурсов, мониторинг состояния окружающей среды, судостроение, построение арктических логистических сетей. Япония со своей стороны нацелена на развитие многостороннего сотрудничества с целью выработки международных правил навигации и эффективной разработки природных ресурсов. В 2019 году японские компании JOGMEG и Mitsui вошли в проект «Арктик СПГ» ПАО «НОВАТЭК»²². В рамках Восточного экономического форума 2021 года Япония начала сотрудничество с Россией по проектам в области производства водорода и аммиака из природного газа на Ямале, а также стала участником СПГ-проектов в Мурманской области и на Камчатке²³. Развитие

¹⁹ Судоверфь «Звезда» и Samsung Heavy Industries будут совместно строить челночные танкеры, ТАСС, 04.09.2019: <https://tass.ru/ekonomika/6840773>.

²⁰ Госдума приняла закон об определении возможности работы судов под иностранным флагом, Министрство транспорта РФ, 2020: <https://www.mintrans.ru/press-center/branch-news/2218>.

²¹ Арктические амбиции. Зачем Китай строит ледокольный флот, РИА Новости, 22.07.2019: <https://ria.ru/20190722/1556683024.html>.

²² Барсуков Ю., Японцы и китайцы встретились в Арктике, Коммерсант, 1.07.2019: <https://www.kommersant.ru/doc/4017652>.

²³ Kumagai T. and Griffin R., Japan, Russia sign agreements for hydrogen, ammonia cooperation, Kamchatka LNG reloading, SPGlobal, 2.09.2021: <https://www.spglobal.com/platts/en/market-insights/topics/cop26-un-climate-change-conference>.

¹⁶ Сяочэнь Ч., Тинтин Ч. Ледовый шелковый путь, Russian.China.org.cn, 2018: <https://clck.ru/NUH95>.

¹⁷ Арктические амбиции. Зачем Китай строит ледокольный флот, РИА Новости, 22.07.2019: <https://ria.ru/20190722/1556683024.html>.

¹⁸ Sittlow, B.L., What's at Stake with Rising Competition in the Arctic?, Council on Foreign Relations, 2020, available at: <https://www.cfr.org/global-commons/arctic>.

СПГ-проектов в этих регионах значительно снизят стоимость транспортировки ресурсов и поспособствуют развитию Северного морского пути.

Для Сингапура Арктический регион является возможностью утвердить свой статус одного из ведущих морских государств и следовать тенденциям в сфере международного морского права и навигации с учетом собственных национальных интересов. Город имеет уникальный опыт планирования портовой логистики и инфраструктуры, управления морскими процессами, предупреждения и реагирования на разливы нефти в море, что особенно важно в контексте Арктики, где имеется потребность и недостаток в таких технологиях при наличии соответствующей правовой базы (Журавель и Данилов 2016). Это может позволить Сингапuru привнести ценный вклад в развитие инфраструктуры Северного морского пути (Загорский 2016а).

Индия, еще один азиатский гигант, в случае с трансарктическими магистралями также не остается в стороне. В публикации 2020 года директора Московского центра Карнеги Д. Тренина выдвигается идея о том, что Россия могла бы расширить морское измерение своей Большой евразийской концепции на основе линии Мурманск – Мумбаи, продолжив Северный морской путь до Индийского океана через Тихий (Тренин 2021). В целом этому соответствует тенденция, заложенная в проекте Большого Северного морского пути, представленного госкорпорацией «Росатом» в рамках Восточного экономического форума в сентябре 2021 года²⁴. В 2020 году министр иностранных дел России Сергей Лавров рассказал журналистам, что первым внерегиональным государством, которое добывает ресурсы в Арктике, может стать Индия, что сопровождалось бы участием южно-азиатской страны в развитии СМП²⁵. Ориентированность Индии преимущественно на совместные проекты по поиску и разработке углеводородов зафиксирована в Программе сотрудничества между Минэнерго России и Министерством нефти и газа Индии от 15 октября 2016 года и Итоговом документе саммита В.В. Путина и Н. Модии в Нью-Дели в октябре 2018 года. Кроме того, российские и индийские компании напрямую заключают соглашения о сотрудничестве в Арктике (Иванов, Махмутов 2016). Наиболее четкий сигнал в отношении СМП со стороны Индии поступил на Восточном экономическом форуме 2021 года. На площадке выступил премьер-министр страны Н. Моуди, заявив, что «Индия станет помогать России, выступив партнером по открытию Северного морского пути и открытию этого пути для международной торговли и коммерции»²⁶. Президент России В.В. Путин в ответ поприветствовал такой интерес. Все данные проекты при индийском участии предполагают транспортировку энергоресурсов по Северному морскому пути и на Запад, и на Восток, в Азию, что непосредственным образом вовлекает индийских партнеров России в развитие логистических сетей в Арктике.

Выводы

В заключение следует отметить, что на сегодняшний день для России стратегически важно международное участие в развитии Северного морского пути и проектах на всем его протяжении. При этом как арктические, так и многие внерегиональные игроки со своей стороны заинтересованы в развитии СМП, что проявляется и на многосторонней площадке Арктического совета. Такие страны, как Канада, Норвегия и Исландия, при несходстве своих мотивов и позиций по вопросу правового статуса, регулирования и

охраны СМП так или иначе испытают на себе результаты его использования, которые могут многократно увеличиться при их эффективном сотрудничестве с Россией. Это относится и к вопросу создания портов-хабов на территории Норвегии и Исландии для перевалки грузов, особенно энергоресурсов, перевозимых трансарктическими маршрутами. Канада и Россия больше всего получают от сотрудничества друг с другом, так как они обмениваются опытом развития близких по природе трасс – Северо-Западного прохода и СМП, Россия получит стратегического партнера.

Смежные проекты типа маршрута «Арктический мост» между Канадой и Россией обеспечивают находящимся на трассе странам вовлечение в арктическое судоходство и привлечение финансовых и инфраструктурных активов. Для Северного морского пути сотрудничество с региональными странами важно с той точки зрения, что без них развитие СМП практически невозможно, но они же в силу своей близости могут сыграть еще большую роль в его развитии, чем внерегионалы, и позволить этому морскому пути стать по-настоящему привлекательной международной магистралью.

Что касается внерегиональных стран, то их вовлечение в арктическое судоходство будет определять его интенсификацию, обеспечивая экономическую целесообразность его развития. Если взглянуть на Севморпуть, в проектах по использованию которого принимают участие Китай, Южная Корея, Япония, Сингапур и Индия, можно отметить взаимовыгодность их сотрудничества с Россией. Инвестиции, технологии, опыт в строительстве портовой инфраструктуры, судостроении и разработке месторождений вышеуказанных неарктических стран может поспособствовать ускорению превращения Севморпути в полноценный международный морской маршрут, а также привлечь необходимые ресурсы для устойчивого развития АЗ РФ. Указанные в работе примеры иллюстрируют необходимость дальнейшего расширения сотрудничества России с внерегионалами.

Источники

- Байерз, М. (2011), «Правовой статус Северо-Западного прохода и Арктический суверенитет Канады: прошлое, настоящее, желаемое будущее», *Вестник Московского университета*, № 2, сс. 92-128.
- Воронков, Л.С. (2021), *Геополитические и международные проблемы современной Арктики*, МГИМО-Университет, Москва.
- Вылегжанин, А.Н., Дудыкина, И.П. (2018), *Исходные линии в Арктике. Применимое международное право*, МГИМО-Университет, Москва.
- Гудев, П. (2018), «Северный морской путь: национальная или международная транспортная артерия?», *Российский совет по международным делам (РСМД)*, № 13, НП РСМД, Москва.
- Журавель, В.П., Данилов, А.П. (2016), «Сингапур на пути в Арктику», *Арктика и Север*, № 24, режим доступа: <https://narfu.ru/university/library/books/2892.pdf>.
- Журавель, В.П. (2019а), «Развитие Северного морского пути: национальный и международный аспекты», *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, № 2, сс. 119-125.
- Журавель, В.П. (2019b), «Белая книга» Китая по Арктике: взгляд в будущее», *Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество: материалы XVIII Международной научной конференции в рамках Общественно-научного форума «Россия: ключевые проблемы и решения»*, Вып. 2, Ч. 2, ИНИОН РАН, Москва, сс. 126-128.
- Загорский, А.В. (2011), *Арктика: зона мира и сотрудничества*, ИМЭМО РАН, Москва.
- Загорский, А.В. (2016а), *Нестратегические вопросы безопасности и сотрудничества в Арктике*, ИМЭМО РАН, Москва.
- Загорский, А.В. (2016b), «Россия и США в Арктике», *Российский совет по международным делам (РСМД)*, № 30, НП РСМД, Москва.
- Загорский, А.В. (2019), *Безопасность в Арктике*, ИМЭМО РАН, Москва.
- Иванов, И.С., Махмутов, Т.А., Попадюк, О.А., Надараджа, Х., Петровский, В.Е., Стрельцов, Д.В., Федоровский, А.Н. и Филиппова, Л.В. (2016), «Азиатские игроки в Арктике: интересы, возможности, перспективы», *Российский совет по международным делам (РСМД)*, № 26, НП РСМД, Москва.
- Кадошцев, А. (2019), «Международный форум по Арктике в Санкт-Петербурге: вызовы, проблемы и

²⁴ Росатом представил на ВЭФ проект Большого Северного морского пути, Российская газета, 3.09.2021: <https://rg.ru/2021/09/03/reg-dfo/rosatom-predstavil-na-vef-proekt-bolshogo-severnogo-morskogo-puti.html>.

²⁵ Лавров: Индия может стать первым неарктическим государством, добывающим ресурсы в Арктике, ТАСС, 15.01.2020: <https://tass.ru/ekonomika/7520823>.

²⁶ Индия выступит партнером России по Северному морскому пути, РИА Новости, 3.09.2021: <https://ria.ru/20210903/partner-1748504558.html>.

- перспективы Севера”, *Международная жизнь*, режим доступа: <https://interaffairs.ru/news/show/24534>. Рузакова, В. (2018), “Системы транспорта углеводородов в Арктике”, *Российский совет по международным делам (РСМД)*, НП РСМД, Москва.
- Соколов, В.И., Григорьева, Е.Е., Демчук, А.Л. и др. (2011), *Канада: современные тенденции развития: к 150-летию государства*, Институт США и Канады РАН, Москва.
- Тодоров, А. (2017), “Правовой спор между Россией и США о Северном морском пути и похожий вопрос о Северо-Западном морском пути”, *Арктика и Север*, № 29, сс. 74-89.
- Тренин, Д. (2021), *Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия*, Альпина Паблишер, Москва.
- Aliyev, N. (2021), *Russia's Arctic Council Chairmanship in 2021-2023*, Friedrich Ebert Stiftung, available at: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/17686.pdf>.
- Conley, H., Melino, M., Tsafos, N. and Williams, I. (2020), *America's Arctic Moment: Great Power Competition in the Arctic to 2050*, Center for Strategic & International Studies (CSIS), available at: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/Conley_ArcticMoment_layout_WEB%20FINAL.pdf.
- Erokhin, V. (2017), “Northern Sea Route and Arctic Transport Corridors: Problems of Utilization and Forecasts of Cargo Traffic Commercialization”, *Marketing and Logistics*, No. 6(23), pp. 22-44.
- Pharand, D. (2007), “The Arctic Waters and the Northwest Passage: A Final Revisit”, *Ocean Development and International Law*, Vol. 38, No. 1-2, pp. 3-69.

doi: 10.53658/RW2021-1-1-67-77

Development of Northern Sea Route: Prospects for International Cooperation

Arsenii V. Kirgizov-Barskii

MGIMO University – Moscow State Institute of International Relations
(Moscow, Russia).

Abstract. Today due to global climate change the Northern Sea Route is being formed along the northern coast of Russia as a new international maritime passage in the Arctic. Due to the rapid increase in the interest of regional and non-Arctic states, the scientific community and business to this transportation route, there is a need to study the prospects for cooperation between Russia and other countries on the development of the Northern Sea Route. The paper provides a detailed analysis of the interests of external players in the NSR area, taking into account the latest changes and events, while the author uses swot-analysis and a comparative analytical approach to conduct the study. The results of the study have shown that cooperation with some Arctic countries on the development of the NSR could bring mutual benefits: Canada and Russia would exchange experience on the development of similar sea routes, and Norway and Iceland would receive advantages as hubs on new routes. Non-regional countries, such as China, South Korea, Japan, Singapore and India, are interested in the NSR. For them, the Northern Sea Route is potentially shorter and safer compared to traditional routes, and it also allows to participate in projects located near its water area in science, energy and transport sectors. In turn, the participation of foreign partners is important for Russia, since it is usually accompanied by the active use of the route, the creation of large projects throughout its entire length, the attraction of serious funds, modern technologies and knowledge to the Arctic zone of the country.

Keywords: Arctic, Northern Sea Route, Northwest Passage, Arctic Council, international cooperation, Arctic states, non-Arctic states

About the author: Arsenii Vyacheslavich KIRGIZOV-BARSKII – First Secretary of the MGIMO Arctic Student Research Club. ORCID: 0000-0002-6374-0220. Address: Vernadsky av., 76, Moscow, Russia, 119454. E-mail: kirgizovbarskii@arctic-mgimo.ru.

References

- Aliyev, N. (2021), *Russia's Arctic Council Chairmanship in 2021-2023*, Friedrich Ebert Stiftung, available at: <http://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/17686.pdf>.
- Byers, M. (2011), “The Legal Status of the Northwest Passage and Canada's Arctic Sovereignty: Past, Present, Desired Future”, *Moscow University Herald* [“Pravovoi status Severo-Zapadnogo prokhoda i Arkticheskii suverenitet Kanady: proshloe, nastoyashchee, zhelaemoe budushchee”, *Vestnik Moskovskogo universiteta*], No. 2, pp. 92-128 (in Russian).
- Conley, H., Melino, M., Tsafos, N. and Williams, I. (2020), *America's Arctic Moment: Great Power Competition in the Arctic to 2050*, Center for Strategic & International Studies (CSIS), available at: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/Conley_ArcticMoment_layout_WEB%20FINAL.pdf.
- Erokhin, V. (2017), “Northern Sea Route and Arctic Transport Corridors: Problems of Utilization and Forecasts of Cargo Traffic Commercialization”, *Marketing and Logistics*, No. 6(23), pp. 22-44.
- Gudev, P. (2018), “The Northern Sea Route: National or International Transport Artery?”, *Russian Council on International Affairs (RIAC)* [“Severnyi morskoi put': natsional'naya ili mezhdunarodnaya transportnaya arteriya?”], *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD)*, No. 13, Moscow (in Russian).
- Ivanov, I.S., Makhmutov, T.A., Popadyuk, O.A., Nadaradza, H., Petrovsky, V.E., Streletsov, D.V., Fedorovsky, A.N. and Filippova, L.V. (2016), “Asian Players in the Arctic: Interests, Opportunities, Prospects”, *Russian International Affairs Council (RIAC)* [“Aziatskie igroki v Arktike: interesy, vozmozhnosti, perspektivy”, *Possiiskii sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD)*], No. 26, Moscow (in Russian).
- Kadomtsev, A. (2019), “International Forum on the Arctic in St. Petersburg: Challenges, Problems and Prospects of the North”, *International Affairs* [“Mezhdunarodnyi forum po Arktike v Sankt-Peterburge: vyzovy, problemy i perspektivy Severa”, *Mezhdunarodnaya zhizn*], available at: <https://interaffairs.ru/news/show/24534> (in Russian).
- Pharand, D. (2007), “The Arctic Waters and the Northwest Passage: A Final Revisit”, *Ocean Development and International Law*, Vol. 38, No. 1-2, pp. 3-69.
- Ruzakova, V. (2018), “Hydrocarbon transport systems in the Arctic”, *Russian International Affairs Council (RIAC)* [“Sistemy transporta uglevodorodov v Arktike”, *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD)*], Moscow (in Russian).
- Sokolov, V.I., Grigorieva, E.E., Demchuk, A.L. et al. (2011), *Canada: current development trends: to the 150th anniversary of the state [Kanada: sovremennye tendentsii razvitiya: k 150-letiyu gosudarstva]*, Institute of the USA and Canada, RAS, Moscow (in Russian).
- Todorov, A. (2017), “Legal dispute between Russia and the United States on the Northern Sea Route and a similar issue on the Northwest Sea Route”, *Arctic and North* [“Pravovoi spor mezhdu Rossiei i SShA o severnom morskoi puti i pokhozhii vopros o Severo-Zapadnom morskoi puti”, *Arktika i sever*], No. 29, pp. 74-89 (in Russian).
- Trenin, D. (2021), *A New Balance of Power: Russia in Search of Foreign Policy Equilibrium [Novyi balans sil: Rossiya v poiskakh vneshnepoliticheskogo ravnovesiya]*, Alpina Publisher, Moscow (in Russian).
- Voronkov, L.S. (2021), *Geopolitical and international problems of the modern Arctic [Geopoliticheskie i mezhdunarodnye problemy sovremennoi Arktiki]*, MGIMO-University, Moscow (in Russian).
- Vylegzhanin, A.N. and Dudykina, I.P. (2018), *Baselines in the Arctic. Applicable International Law [Iskhodnye linii v Arktike. Primenimoe mezhdunarodnoe pravo]*, MGIMO-University, Moscow (in Russian).
- Zagorskiy, A.V. (2016a), *Non-strategic issues of security and cooperation in the Arctic [Nestrategicheskie voprosy bezopasnosti i sotrudnichestva v Arktike]*, IMEMO RAN, Moscow (in Russian).
- Zagorskiy, A.V. (2016b), “Russia and the United States in the Arctic”, *Russian International Affairs Council (RIAC)* [“Rossiya i SShA v Arktike”, *Rossiiskii sovet po mezhdunarodnym delam (RSMD)*], No. 30, Moscow (in Russian).
- Zagorskiy, A.V. (2019), *Security in the Arctic [Bezopasnost' v arktike]*, IMEMO RAN, Moscow (in Russian).
- Zhuravel, V.P. (2019a), “Development of the Northern Sea Route: national and international aspects”, *Scientific and analytical bulletin of the Institute of Europe RAS [Razvitie Severnogo morskogo puti: natsional'nyi i mezhdunarodnyi aspekty]*, *Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy RAN*, No. 2, pp. 119-125 (in Russian).
- Zhuravel, V.P. (2019b), “China's White Paper on the Arctic: Looking Ahead”, in Gerasimov, V.I. (Ed.), *Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation: Proc. of the 18th international scientific conference within the framework of the public scientific forum “Russia: Key Problems and Solutions” [“Belaya kniga” Kitaya po Arktike: vzglyad v budushchee]*, Bol'shaya Evraziya: Razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo, materialy XVIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii v ramkakh Obshchestvenno-nauchnogo foruma “Rossiya: klyuchevye problemy i resheniya”], Iss. 2, part 2 INION RAN, Moscow, pp. 126-128 (in Russian).
- Zhuravel, V.P. and Danilov, A.P. (2016), “Singapore on the way to the Arctic”, *Arctic and North* [“Singapur na puti v Arktiku”, *Arktika i sever*], No. 24, available at: <https://narfu.ru/university/library/books/2892.pdf> (in Russian).

doi: 10.53658/RW2021-1-1-79-91

Североевропейские уроки для евразийской интеграции

Воронков Л.С.

Московский государственный институт международных отношений
(университет) МИД России (Москва, Россия).

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Аннотация. В статье говорится об отличии классических инструментов регулирования межгосударственных политических и торгово-экономических отношений от используемых при развитии региональных интеграционных процессов. Традиционно Евразийский экономический союз сравнивают с Европейским союзом, рассматривая ЕС как близкий пример для подражания в развитии интеграционных процессов. Вместе с тем существуют иные модели интеграции. Автор статьи предлагает обратить на это внимание и, основываясь на анализе документов, раскрывает опыт Северной Европы, которая демонстрирует эффективное сотрудничество без ущерба суверенности участников. Автором рассматриваются особенности интеграционного опыта стран Северной Европы применительно к возможности использования его элементов в современной интеграционной практике Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: интеграция, «северное сотрудничество», Россия, Беларусь, союзное государство, ЕАЭС, СНГ, ЕС, общий рынок, единый рынок труда

Об авторе: Лев Сергеевич ВОРОНКОВ – доктор исторических наук, профессор кафедры интеграционных процессов МГИМО МИД России. ORCID: 0000-0002-0103-6019. Адрес: 119454, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 76. E-mail: lvoronkov@yandex.ru.

Интеграционные процессы стали относительно новым явлением в международных отношениях и заняли в них особую нишу. Инструментарий их реализации заметно отличается от классических универсальных методов обеспечения межгосударственных политических и торгово-экономических связей. Они стали использоваться группами государств, разделяющими схожие или совпадающие ценности, для достижения согласованных целей и цемента союзнических отношений.

Решение подобных задач оказалось критически важным в конце 1940 – начале 1950-х годов, когда набирала обороты холодная война и военно-политическая конфронтация между Востоком и Западом. В этих условиях задача укрепления союзнических отношений выглядела особенно актуальной.

В этой ситуации американские ученые К. Дойч, Э. Хаас, А. Этциони, Б. Балаши и др.¹ (Deutsch 1968; Haas 1961; Etzioni 1965; Balassa 1961) занялись теоретической разработкой средств реализации этой задачи, которая носила чисто априорный характер. Предлагавшийся ими инструментарий региональной интеграции основывался на использовании особенностей рыночной экономики, позволяющих создавать и укреплять реальную экономическую, политическую, социальную и иную взаимозависимость участвующих в ней государств.

¹ Афанасьев, С.Д., Бабак, В.А., Барановский, В.Г., и др., Современные буржуазные теории международных отношений. Критический анализ, Москва: Наука, 1976, сс. 269-295.

В реальной жизни интеграционные механизмы начали складываться в Западной Европе в начале 1950-х годов, когда послевоенные руководители Франции, Германии, Италии и стран Бенилюкс занялись поиском путей преодоления традиционной исторической вражды между Германией и Францией, сотрясавшей устои мира в Европе. Прежде всего они озаботились созданием долговременных препятствий для возрождения германского милитаризма и надежных инструментов контроля за экономическим и политическим развитием Германии. Учреждение Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), одного из первых интеграционных объединений в Европе, стало результатом таких поисков.

Социалистические страны также приступили к созданию международных органов межгосударственного и торгово-экономического сотрудничества, которые были названы интеграционными. В их числе учрежденный в 1949 году Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ), Международный инвестиционный банк, Международный банк экономического сотрудничества, Институт стандартизации, «Интерматалл» и др. Отсутствие в странах социализма рыночных отношений и административно-командные методы управления экономическими процессами не позволяли обеспечить свободное передвижение капиталов, товаров, рабочей силы и услуг через границы и получить от этого необходимый интеграционный эффект, в частности, углубить реальную взаимозависимость государств-участников и сформировать устойчивые и долговременные области их общих интересов. Сотрудничество между социалистическими странами носило исключительно межгосударственный договорный характер.

В период «бархатных» революций в странах Центральной и Восточной Европы обнаружилось отсутствие в них серьезных интеграционных заделов, которые могли бы сдержать дезинтеграционные процессы среди стран социалистического содружества. В результате они сумели довольно быстро переориентировать свои внешнеэкономические связи на новые рынки.

По мере успешного решения в рамках ЕЭС изначальных политических задач и расширения его членского состава интеграционные процессы в нем стали ориентироваться на создание единого внутреннего рынка с унифицированными правилами конкуренции, эффективное освоение его растущего экономического пространства, снижение издержек при осуществлении трансграничной коммерческой деятельности и повышение конкурентоспособности компаний государств-участников. Соответственно стал меняться и инструментарий интеграционных процессов в рамках ЕЭС / ЕС (см., например: Колосов и Сабенцов; Лучко; Хахалкина).

Единой точки зрения на более отдаленные цели этих процессов в рамках ЕС сформировать пока не удалось. Дискуссии касаются в основном степени наднациональных полномочий основных органов ЕС, построения федерации или конфедерации государств-членов или сохранения ЕС в качестве организации сотрудничества суверенных государств.

Создавая латиноамериканскую интеграционную группировку МЕРКОСУР, страны-члены были озабочены прежде всего защитой своих внутренних рынков и созданием благоприятных условий для развития отечественного производства и услуг, государства Ассоциации стран Юго-Восточной Азии – АСЕАН изначально нацелили свои интеграционные усилия на достижение мира и стабильности в регионе, стимулирование социально-экономического и культурного развития стран-участниц. Одно из крупнейших африканских интеграционных объединений – Экономическое сотрудничество государств Западной Африки (ЭКОВАС) – поставило перед собой цель повысить жизненный уровень населения, достичь экономической стабильности, поднять уровень образования и культуры населения региона через борьбу с бедностью,

преступностью, контрабандой и в перспективе создать экономический союз в Западной Африке². Каждое из перечисленных интеграционных объединений для достижения поставленных целей использует свой специфический инструментарий.

В мире существует несколько крупных торговых держав, в частности США, Япония, Южная Корея, Австралия, Канада, которые исповедуют философию свободной торговли, ориентируют свое производство и услуги на потребности мирового рынка, заинтересованы в заключении соглашений о свободной торговле с возможно большим числом стран и экономических группировок и не планируют согласовывать свою торговую, не говоря о внутренней и внешней политике, с соседями по региону. Эти державы особого интереса к участию в проектах интеграции не проявляют.

Великобритания, вступая в ЕС, предполагала добиться для себя привилегированного положения в европейском клубе, «в котором она могла бы пользоваться режимом свободной торговли без соблюдения других обязательных правил для государств-членов»³. Не достигнув поставленных целей, Великобритания вышла из ЕС.

Многие малые и средние высокоразвитые западноевропейские государства, специализирующиеся на производстве определенных товаров и услуг в рамках международного разделения труда, также являются приверженцами свободной торговли и склонны подключаться к региональным интеграционным процессам в основном ради расширения рынков сбыта своей продукции и использования политического и экономического веса интеграционных группировок для дальнейшего расширения возможностей своей внешнеэкономической экспансии.

Особенности североευропейской интеграции

Страны Северной Европы достигли высокой степени субрегионального взаимодействия, получившего название «северного сотрудничества», придерживаются схожей модели социально-экономического развития, образовали де-факто равноправный политический союз суверенных государств в деле обеспечения своих совпадающих интересов на международной арене⁴. Развивая «северное сотрудничество», они руководствовались пониманием того, что их совместные выступления по вопросам, по которым их интересы совпадают, являются более действенным средством их защиты, чем нескоординированные усилия отдельных стран.

Страны и народы субрегиона накопили значительный потенциал субрегионального сотрудничества, который во многом стал основой и питательной средой успешного развития интеграционных процессов между ними. Он сформировался на базе взаимодействия народов, получивших длительный опыт существования в едином государстве и различных униях, имеющих много общего в историческом развитии и географическом положении, близких в этническом, языковом и культурном отношении. Общность финнов с историческими судьбами скандинавских соседей позволяет относить их к полноправным участникам субрегиональных процессов.

Одним из серьезных интеграционных заделов североευропейских государств, созданных до подписания 23 марта 1962 года в Хельсинки стратегического документа североευропейской интеграции – Соглашения о сотрудничестве между Финляндией,

² Экономическое сообщество западноафриканских государств (ЭКОВАС), МИД России: https://www.mid.ru/afrikanskie-organizacii/-/asset_publisher/0vP3hQoCPRg5/content/id/289746 (дата обращения 16.09.2021).

³ Goodbye Europe. A British exit from the European Union looks increasingly possible. It would be a reckless gamble, The Economist, December 2012.

⁴ Проблема североευропейской интеграции подробно описана автором в монографии «Северное сотрудничество» и особенности североευропейской интеграции, изд. МГИМО-университет, 2016.

Данией, Исландией, Норвегией и Швецией («Хельсинкского соглашения»)⁵, стала серия мер по формированию единого рынка трудовых ресурсов.

В 1951 году Дания, Норвегия, Финляндия и Швеция заключили конвенцию, позволявшую их гражданам работать по найму в любой из северных стран без предварительного разрешения властей, и договорились об облегчении переездов граждан одной страны в другую. В 1954 году они создали региональный свободный рынок рабочей силы, а в 1957 году оформили паспортную унию. Они отменили для граждан стран Северной Европы паспортно-визовый режим и таможенный досмотр при пересечении границ.

В соответствии с Конвенцией о социальной защите, одобренной в 1955 году, граждане их стран получили одинаковые права, привилегии и обязанности в вопросах, касающихся определения размера базовой пенсии, пенсий по старости, безработицы, потери трудоспособности, производственного травматизма и получения больничных листов, а также право на дополнительные выплаты при переезде граждан из одной северной страны в другую. Им была предоставлена также возможность пользоваться теми же социальными благами, что и граждане страны пребывания.

Страны региона наладили активное культурное сотрудничество, взаимное изучение языков, традиций и образа жизни соседних народов, что позволяет североевропейским мигрантам при переезде в другую северную страну быстро адаптироваться к местным условиям и избегать отторжения со стороны коренного населения.

Массовые перемещения граждан по территории стран субрегиона вызвали потребность углубления сотрудничества правоохранительных органов, взаимное признание решений судов, предоставления права вести расследования на территории соседних государств.

Помимо принятия серии поддерживающих законов, обеспечивающих социальные права мигрирующих работников, и административных мер, облегчающих мобильность рабочей силы, важнейшее значение приобрела более широкая унификация или гармонизация законодательства стран Северной Европы, которая стала одним из каркасов североевропейской интеграции.

К моменту подписания Хельсинкского соглашения 1962 года северные страны уже унифицировали законодательство о деятельности банков в области имущественного, коммерческого и гражданского права, а также в области страхования, владения собственностью. Авторы книги «Скандинавия между Востоком и Западом», опубликованной в 1950 году в США, отмечали, что «имеется гораздо больше сходства между законами скандинавских стран, нежели, например, между законами штатов Нью-Йорк и Флорида» (Friis 1950)⁶.

В преамбуле Хельсинкского соглашения 1962 года страны Северной Европы заявили о желании поддерживать и укреплять сложившиеся между ними тесные узы в сфере культуры, правовой и социальной философии, придавать возможно большее единообразие регулированию в них различных сторон жизни, добиваться разделения труда между ними, продолжать усилия по укреплению северного сотрудничества, расширять его рамки, укреплять институциональные основы этого сотрудничества, повышать его эффективность, проводить совместные консультации по вопросам, обсуждаемым европейскими и другими международными организациями и конференциями. В этом соглашении выделены приоритетные сферы сотрудничества стран Северной Европы, в которых происходит процесс формирования, накопления и расширения областей их общих интересов. Именно они являются средоточием их

долговременных и постоянных интеграционных усилий. При этом они стремятся создать максимально благоприятные политические, экономические, социальные, административные и иные условия для свободного перемещения через границы товаров, услуг, капиталов и трудовых ресурсов и придания возможно большего единообразия регулированию в них различных сторон жизни. Накапливаемый эффект таких свободных перемещений и их средне- и долгосрочные последствия позитивно сказываются на создании дополнительных областей общих интересов стран Северной Европы, углублении «северного сотрудничества» и их внешнеполитического взаимодействия.

Достигнутый уровень такого взаимодействия является, безусловно, их важнейшим совместным историческим достоянием, к сохранению и укреплению которого они относятся весьма серьезно. Оно позволяет эффективно обеспечивать их совпадающие интересы на международной арене, защищать государственный суверенитет и независимость, выступать влиятельным фактором международной политики. Одной из целей сотрудничества на европейском и международном уровне является обеспечение «возможности совместного извлечения выгоды для граждан и компаний северных стран»⁷.

Несмотря на сложившиеся в послевоенный период различия в концепциях национальной безопасности (Дания, Исландия и Норвегия стали членами НАТО, Швеция заявила о приверженности традиционному нейтралитету, Финляндия заключила Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи с СССР), их внешнеполитическое взаимодействие укреплялось даже в годы холодной войны. Они продолжали консультироваться и согласовывать свои позиции по большинству внешнеполитических вопросов.

Несмотря на сохранение различий в концепциях национальной безопасности, североевропейские государства в 2010 году заключили соглашение о сотрудничестве в области обороны – НОРДЕФКО, которое носит сугубо субрегиональный характер. Это соглашение не накладывает жестких ограничений на проводимую ими национальную внешнюю политику и политику безопасности (Белухин 2019). Оно позволяет им постоянно наращивать субрегиональное взаимодействие на двусторонней и многосторонней основе в сфере оборонительных усилий, дает возможность каждому из северных государств по собственному выбору извлекать из него максимальную пользу в финансовом, технологическом и военном отношении.

Как демонстрирует североевропейский опыт, внешнеполитическое взаимодействие на основе формируемых с помощью интеграции общих экономических, социальных, финансовых, технологических и иных интересов лишено конъюнктурных элементов и может быть устойчивым, стабильным, долгосрочным и политически приемлемым для различных государств, не ставя под сомнение их независимость и суверенитет. Подобная концептуальная основа для укрепления внешнеполитического взаимодействия вполне приемлема и для большинства государств на постсоветском пространстве.

Характер, структура и функции международных органов «северного сотрудничества» не включают аналогов таких институтов ЕС, как Европейский совет, Совет ЕС, Европейская комиссия, Суд ЕС, Европейский центральный банк или Европейский парламент, не говоря об их наднациональных полномочиях.

Северный совет, созданный в 1952 году, является «избираемой общественной ассамблеей северных стран», состоящей из членов национальных парламентов, придерживающихся различной политической ориентации. Он не является

⁵ Хельсинкский договор о сотрудничестве между Данией, Финляндией, Исландией, Норвегией и Швецией: http://eulaw.edu.ru/documents/legislation/eur_int_law/nordic.htm (дата обращения 15.09.2021).

⁶ Цит. по: Прокофьев Вл., Северная Европа и мир. Москва: Международные отношения, 1966, сс. 109.

⁷ Хельсинкский договор о сотрудничестве между Данией, Финляндией, Исландией, Норвегией и Швецией: http://eulaw.edu.ru/documents/legislation/eur_int_law/nordic.htm (дата обращения 15.09.2021).

законодательным органом и занимается исключительно вопросами сотрудничества между северо-европейскими государствами. Хотя Северный совет не уполномочен принимать каких-либо обязательных к исполнению решений, большая часть его рекомендаций по вопросам развития субрегионального сотрудничества получает одобрение правительственных органов и реализуется на практике. Он же имеет право заслушивать отчеты правительств по вопросам «северного сотрудничества».

Северный совет министров (ССМ) является органом сотрудничества правительств. Общая координация вопросов северного сотрудничества возложена на премьер-министров, помощь которым оказывают министры правительств, ответственные за это сотрудничество, и главы государственных и правительственных секретариатов, являющиеся членами национальных постоянных комитетов северного сотрудничества. Решения ССМ принимаются единогласно и носят обязательный характер, причем наличие воздержавшейся стороны не препятствует их принятию. Не могут сразу вступить в силу только те из принимаемых решений, которые требуют одобрения законодательного органа – национального парламента.

Руководящие органы «северного сотрудничества» работают на основе консенсуса, согласованные решения выполняются правительствами добровольно и таким образом, который, по их мнению, отвечает национальным интересам и не нарушает суверенитет государств. Никаких контрольных или судебных институтов, следящих за «правильным» исполнением правительствами принимаемых решений, не существует и нужды в них не имеется. Органы власти северных стран могут напрямую согласовывать друг с другом те вопросы взаимодействия, которые не входят в исключительную компетенцию органов внешних сношений.

Важнейшей особенностью развития «северного сотрудничества» является значительное влияние на него общественного мнения и гражданского общества. Статья 2 Хельсинкского соглашения 1962 года гласит, что «при разработке законов и подзаконных актов в любой из северных стран, граждане всех других государств Северной Европы получают равные права с гражданами этой страны»⁸, причем этот принцип применяется ко всем сферам юрисдикции этого соглашения.

Наличие такой статьи побуждает граждан различных северных стран не только внимательно следить за развитием «северного сотрудничества», но и принимать заинтересованное участие в решении его практических вопросов, так как принимаемые в этой области меры оказывают прямое влияние на условия их повседневной жизни.

С 1920-х годов существует практика проведения разнообразных северных конгрессов, на которые собираются объединенные общими интересами, профессиями и социальным статусом организации из всех стран Северной Европы. В эти годы во всех северных странах зародились национальные неправительственные общества «Нурден» («Север»), взявшие на себя функцию содействия развитию различных форм практического взаимодействия стран и народов субрегиона. Деятельность этих обществ пользовалась и пользуется поддержкой правительств. Благодаря усилиям обществ «Нурден», например, направленным на сокращение формальных процедур при пересечении государственных границ внутри региона и введение порядка, при котором предъявление паспорта требовалось только в случае пересечения его внешних границ, де-факто безвизовая зона между странами Северной Европы была создана еще в межвоенный период. Эти общества способствовали также критическому пересмотру национальных учебников и учебной литературы, в том числе по истории собственной страны, так как была достигнута договоренность использовать эти учебники в школах

⁸ Хельсинкский договор о сотрудничестве между Данией, Финляндией, Исландией, Норвегией и Швецией: http://eulaw.edu.ru/documents/legislation/eur_int_law/nordic.htm (дата обращения 15.09.2021).

других стран Северной Европы. До настоящего времени в повестке дня обществ «Нурден» находятся любые актуальные вопросы «северного сотрудничества».

Северо-европейские государства, являющиеся членами ЕС и участвующие в интеграционных процессах в его рамках, неизменно проявляли особую заботу о том, чтобы участие Дании, Финляндии и Швеции в ЕС не препятствовало продолжению и углублению «северного сотрудничества», хотя такая вероятность была абсолютно реальной. Швеция даже специально оговорила это в условиях своего присоединения к ЕС, а Дания присоединилась к нему на особых условиях.

Путем заключения соглашения между ЕС и ЕАСТ о создании Европейского экономического пространства, распространения режима Шенгенского соглашения на Исландию и Норвегию и учреждения партнерства Северного измерения между ЕС, Россией, Исландией и Норвегией северо-европейским государствам удалось отделить процессы развития и укрепления «северного сотрудничества» от последствий для него членства только трех северных стран в ЕС.

Хотя страны Северной Европы взяли на себя обязательства придавать возможно большее единообразие регулированию в них различных сторон жизни, попытки известного шведского историка и экономиста, члена Шведской королевской академии наук Гуннара Веттерберга⁹ (Wetterberg 2010) поставить вопрос о создании пятью северными странами единого федеративного государства (по примеру Объединенного королевства в XVII веке, Германии и Италии в XIX веке) не получили существенной общественной поддержки.

Многие элементы апробированного на практике северо-европейского интеграционного опыта могли бы найти применение в развитии евразийских интеграционных процессов, тем более что в ситуациях в субрегионе и на постсоветском пространстве просматриваются определенные параллели.

В поисках обновленной основы для евразийской интеграции

Народы постсоветских государств, как и северо-европейских стран, отличается историческая общность, длительное пребывание сначала в Российской империи, а затем в СССР, этническая, языковая и культурная близость народов России, Украины и Беларуси, наличие в странах СНГ больших русских диаспор, а в многонациональной России – диаспор народов бывшего СССР, сохранение русского языка в ряде стран в качестве государственного и широкое использование его для межнационального общения. Это, безусловно, напоминает ситуацию в Северной Европе.

Специфической особенностью новых независимых государств является их продолжающийся отход от прежней принадлежности к единой правовой системе СССР и не всегда оправданное разрушение доставшегося наследства в этой области. Если странами Северной Европы предпринимаются усилия по унификации национального законодательства с целью придания единообразия в регулировании в них различных сторон жизни, то на постсоветском пространстве предпочтительнее не разрушать до основания ранее существовавшую систему.

⁹ См.: Wetterberg, G. "Historisk möjlighet att skapa en ny nordisk union", Dagens Nyheter, 13.12.2009: <https://www.dn.se/debatt/historisk-mojlighet-att-skapa-en-ny-nordisk-union/>; Wetterberg, G. "Om euron faller behövs en gemensam nordisk valuta", Dagens Nyheter, 25.10.2011: <http://www.dn.se/debatt/om-euron-faller-behovs-en-gemensam-nordisk-valuta>; Wetterberg, G. "A new community service would be the best news promise of our time", Dagens Nyheter, 27.12.2013; "Gunnar Wetterberg", Expressen: <https://www.expressen.se/ledare/gunnar-wetterberg/>, и др.

Постсоветские государства лишь недавно обрели свою государственность и стали суверенными (как и Норвегия, Финляндия и Исландия, получившие свою независимость в 1905, 1917 и 1944 годах соответственно). Поэтому для них перспектива создания интеграционного объединения с серьезными наднациональными полномочиями является малопривлекательной, а практические действия в этом направлении – контрпродуктивными (см. Бологова и Никитина; Грачёва и Давлетгильдеев; Еликбаев и Андропова; Соколов; Скуратов; и др.). Организация «северного сотрудничества» представляет пример того, как можно участвовать в глубоких интеграционных процессах, не ставя под сомнение свою национальную независимость и государственный суверенитет.

После распада СССР на постсоветском пространстве доминировали дезинтеграционные тенденции. Созданное в начале 1990-х годов Содружество Независимых Государств (СНГ) было призвано обеспечить «цивилизованный развод» бывших союзных республик, придать ему организованный характер, снизить по возможности его негативный социально-экономический эффект и предоставить институциональную платформу для поддержания политических контактов между руководителями новых независимых государств.

Одновременно постсоветские государства стали пытаться включиться в интеграционные процессы в различных форматах. Страны Прибалтики взяли курс на вступление в Европейский союз (ЕС), Украина, Молдавия, Грузия проявили стремление подключиться к интеграции в рамках ЕС, в том числе через программу Восточного партнерства. Помимо провозглашения создания союзного государства России и Беларуси был учрежден Евразийский экономический союз (ЕАЭС), в который наряду с Россией и Беларусью входят Армения, Казахстан и Киргизия. В СНГ его членами, помимо государств ЕАЭС, являются Азербайджан, Таджикистан, Узбекистан, Молдова, Украина и в качестве ассоциированного члена – Туркменистан.

Россия и Беларусь охарактеризовали заключение Договора о создании союзного государства от 8 декабря 1999 года как «новый этап в процессе единения народов двух стран в демократическое правовое государство», в котором оговорена возможность рассмотрения вопроса о принятии его Конституции¹⁰. Возможное объединение двух стран белорусский президент увязал с волей двух народов, хотя и не сообщил, в какой форме она должна быть выражена¹¹.

Учитывая тот факт, что Россия и Беларусь идут к созданию союзного государства непроторенными путями, участие в этом процессе широких слоев российской и белорусской общественности могло бы стать важным и полезным подспорьем в деле его строительства, однако пока действенных механизмов их вовлечения в этот созидательный процесс не существует. Он продолжает носить вершущий характер. Стороны выстраивают союзное государство на основе разграничения предметов ведения и полномочий между ними и государствами-участниками¹². Созданию при государственном строительстве таких государственных атрибутов, как Высший Государственный Совет, Парламент, Совет Министров, Суд и Счетная палата, можно считать оправданным и закономерным, как и придание Парламенту законодательных функций по вопросам, отнесенным к компетенции союзного государства. В интеграционных группировках парламентские структуры законодательными функциями не наделяются.

¹⁰ Договор о создании союзного государства: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25282/ (дата обращения 16.09.2021).

¹¹ Свершилось: Путин и Лукашенко договорились о создании Союзного государства, Комсомольская правда 9.09.2021: <https://www.kp.ru/daily/28329.5/4472788/> (дата обращения 16.09.2021).

¹² Договор о создании союзного государства: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_25282/ (дата обращения 16.09.2021).

Многие положения Договора о создании союзного государства содержат далеко идущие меры, однако их конкретное содержание и сроки исполнения уполномочены определять либо его органы, либо заключаемые между государствами-участниками специальные договоры. Весь процесс его создания носит поэтому строго межгосударственный договорный характер. На состоявшейся в сентябре 2021 года встрече президентов России и Беларуси были приняты решения, реализация которых позволит существенно продвинуться по этому пути¹³.

Процесс строительства союзного государства не противоречит интеграционным процессам на постсоветском пространстве, вполне совместим с ними, но тем не менее носит самостоятельный характер и не сливается с евразийской интеграцией. Учитывая, что другие постсоветские государства – участники ЕАЭС и СНГ – задачи единения своих народов в демократическое правовое государство не ставят, главы правительств России и Беларуси договорились продолжить усилия по гармонизации интеграционных процессов в рамках многосторонних объединений на постсоветском пространстве в целях формирования большого евразийского партнерства и единого экономического пространства от Атлантики до Тихого океана¹⁴.

Основные цели ЕАЭС сформулированы в общей форме: создание условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения, всесторонняя модернизация, кооперация и повышение конкурентоспособности национальных экономик и стремление к формированию единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов в рамках Союза¹⁵.

Когда содержанием интеграционных усилий объявляется **стремление** к созданию общего рынка, а не конкретные согласованные практические шаги в этом направлении в законодательстве и социальной сфере государств-членов, способствующие повышению трансграничной мобильности трудовых ресурсов, капиталов, услуг и товаров, интеграционные перспективы переходят в сферу интеграционных намерений и межгосударственных соглашений. В качестве цели создания интеграционного объединения ЕАЭС обозначено проведение скоординированной, согласованной или единой политики стран-членов в областях экономики, установленных Договором о ЕАЭС. Компетенция и полномочия ЕАЭС за эти договорные рамки не распространяются.

Средне- и долгосрочные последствия установления режима подлинно свободного перемещения через границы товаров, услуг, капиталов и трудовых ресурсов для целеполагания, создания и преумножения областей совместных интересов государств-членов предметом планирования и сознательного целевого применения в рамках ЕАЭС не являются.

Задача проведения единой политики стран-членов в областях экономики, определенных Договором, предполагает формирование общей модели их социально-экономического развития. Формулировку таких интеграционных задач к числу обычных отнести достаточно трудно. Страны Северной Европы, придерживающиеся схожих моделей социально-экономического развития, вопрос о скоординированной, согласованной или единой экономической политике не ставят. Она становится возможной и желательной как следствие уже существующих или находящихся в процессе

¹³ В Белоруссии оценили встречу Путина и Лукашенко, Gazeta.ru 12.09.2021: https://www.gazeta.ru/politics/news/2021/09/12/n_16520378.shtml?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&nw=1631632131000 (дата обращения 16.09.2021).

¹⁴ Совместное заявление Председателя Правительства Российской Федерации и Премьер-министра Республики Беларусь о текущем развитии и дальнейших шагах по углублению интеграционных процессов в рамках Союзного государства, 10.09.2021, Минск, Республика Беларусь: <http://government.ru/news/43234/> (дата обращения 17.09.2021).

¹⁵ Договор о Евразийском экономическом союзе: https://www.economy.gov.ru/material/file/2bbbf9ae33443d533d855bf2225707e/Dogovor_ees.pdf (дата обращения 17.09.2021).

формирования областей совместных интересов. Подобные причинно-следственные связи желательно соблюдать и в рамках ЕАЭС.

В Договоре о ЕАЭС закреплено также намерение обеспечить функционирование внутреннего рынка Союза, охватывающего экономическое пространство со свободным передвижением товаров, лиц, услуг и капиталов. При этом важнейший компонент интеграции – единый рынок трудовых ресурсов и обеспечивающие и сопровождающие его стабильное функционирование меры, которые введены североевропейскими странами, в случае с ЕАЭС заменены договорными положениями, призванными в согласованных рамках регулировать миграционные потоки между государствами-членами (Казанцев и Гусев), что далеко не одно и то же. Так, например, выступая на саммите СНГ в декабре 2020 года, президент Узбекистана Ш. Мирзиёев особо подчеркнул необходимость создания единого механизма взаимного признания документов трудовых мигрантов и социальной и правовой защиты граждан стран СНГ, осуществляющих трудовую деятельность в государствах содружества¹⁶.

Если в североевропейских государствах упор в реализации интеграционных усилий сделан на параллельные и добровольные действия их правительств по реализации согласованных консенсусом вопросов при минимальных институциональных структурах управления северной интеграцией, то в ЕАЭС, как и в ЕС, создана разветвленная система органов управления с широкими полномочиями, имеющими в том числе и наднациональные функции, и суд ЕАЭС. При решении вопросов посредством консенсуса необходимости обращаться в судебные органы, как правило, не возникает.

В развитии «северного сотрудничества» активную и заинтересованную роль играют избираемая общественная ассамблея северных стран – Северный совет, неправительственные общественные объединения «Нурден», предпринимательские и профессиональные организации, научные и культурные учреждения, политические партии и общественные движения. В странах-членах ЕАЭС подобные структуры парламентского или общественного плана отсутствуют, хотя непреодолимых препятствий для их появления и деятельности не существует. Отсутствует лишь поддержка такого рода деятельности со стороны официальных кругов государств-членов ЕАЭС. В результате интеграционные процессы в рамках ЕАЭС сохраняют верхушечный, бюрократизированный характер, встроенный в систему договорных межгосударственных отношений и осуществляемый административными методами.

Создание при политической и финансовой поддержке и помощи властей механизмов широкого вовлечения граждан и их неправительственных организаций, подобных вышеупомянутым североевропейским, в обсуждение и прямое участие в развитии сотрудничества и интеграции между странами-членами ЕАЭС могло бы придать необходимый динамизм и креативность интеграционным процессам и побудить власти более активно и инициативно преодолевать возникающие трудности и застойные явления в этой области.

В Концепции дальнейшего развития СНГ, утвержденной государствами-членами в декабре 2020 года¹⁷, его основными целями декларированы развитие межгосударственного сотрудничества стран-членов в политической, экономической, гуманитарной, культурной и иных областях и формирование в долгосрочной перспективе интегрированного экономического и политического объединения заинтересованных государств. Характерные черты такого будущего интегрированного объединения и его

отличия от других действующих на постсоветском пространстве межгосударственных образований неопределенны и туманны.

В связи с тем, что в экономической области Концепция призывает обеспечить функционирование зоны свободной торговли, развивать общие рынки отдельных видов продукции, в первую очередь сельскохозяйственной, и межгосударственные платежно-расчетные отношения, речь идет не об интеграции, а о дальнейшем развитии традиционных межгосударственных торгово-экономических связей стран-членов.

Как известно, каждая страна ЕС должна соответствовать жестко установленным критериям членства и выполнять принятый на себя круг обязательств, за соблюдением которых следят исполнительные органы ЕС. Для управления единым внутренним рынком ЕС им предоставлен ряд исключительных полномочий и наднациональных функций. Такой порядок заточен на фундаментальные интересы прежде всего коммерческих структур стран-членов ЕС и обеспечение их прибыльного функционирования. Все говорит о том, что на такой основе де-факто в ЕС постепенно складывается некое новое супергосударство, хотя открыто об этом никто не говорит и не все с этим готовы согласиться.

Существует также североевропейская интеграционная модель, которая имеет отличия от ЕС цели и исповедует существенно иную интеграционную философию. В ее основе – взаимодействие равноправных суверенных государств, на базе консенсуса постепенно формирующих с привлечением рыночных интеграционных механизмов области общих экономических, социальных, коммерческих, научно-технических, технологических и иных интересов, на основе которых они выстраивают свое международное сотрудничество и таким образом выступают влиятельным фактором мировой политики.

Интеграция в рамках ЕАЭС пока выстраивается по образцу и подобию централизованной модели ЕС. Между тем скандинавская модель интеграции, лишенная громоздких централизованных управленческих структур, может представлять куда более привлекательный образец для стран-членов ЕАЭС и других постсоветских государств, чем ЕС. Среди важнейших североевропейских интеграционных уроков, многими из которых не стесняются активно пользоваться участники западноевропейской интеграции в рамках ЕС, одним из важнейших стал опыт создания единого рынка трудовых ресурсов и принятые меры содействия их мобильности в виде комплекса сопровождающих и обеспечивающих мер в области социальной и пенсионной политики, паспортной унии, образования, правоохранительной деятельности, культурного взаимодействия и др.

В условиях, сложившихся в настоящее время на постсоветском пространстве, созрели благоприятные предпосылки для более активного регулирования имеющихся в них трудовых ресурсов как на уровне ЕАЭС, так и СНГ. Динамика эволюции демографической ситуации в различных странах СНГ побуждает уделить этой проблеме приоритетное внимание.

В заключение отметим, что усилия правительств по созданию общего рынка трудовых ресурсов, подкрепленные национальными законодательными мерами и целенаправленными усилиями властей соответствующих государств в деле их реализации на национальном уровне, могут положить начало практическому переходу интеграционных процессов между постсоветскими государствами от исключительно межгосударственного договорного формата по модели ЕС к сотрудничеству суверенных государств на постсоветском пространстве по североевропейской модели.

¹⁶ Итоги заседания Совета глав государств СНГ (18 декабря 2020 года): https://cis.minsk.by/news/17413/itogi_zasedaniya_soveta_glav_gosudarstv_sng_%2818_dekabrja_2020_goda%29 (дата обращения 17.09.2021).

¹⁷ Концепция дальнейшего развития Содружества Независимых Государств: https://cis.minsk.by/news/17413/itogi_zasedaniya_soveta_glav_gosudarstv_sng_%2818_dekabrja_2020_goda%29 (дата обращения 17.09.2021).

Источники

- Афанасьев, С.Д., Бабак, В.А., Барановский, В.Г., и др. (1976), *Современные буржуазные теории международных отношений. Критический анализ*, Москва.
- Белухин, Н.Е. (2019), “Северное оборонное сотрудничество (НОРДЕФКО) – 10 лет спустя”, *Международная аналитика*, № 4, сс. 28-39.
- Болгова, И.В., Никитина, Ю.А. (2019), “Евразийский экономический союз между интеграцией и суверенитетом”, *Современная Европа*, № 5 (90), сс. 1-8.
- Воронков, Л.С. (2016), “Северное сотрудничество” и особенности североευропейской интеграции, МГИМО-университет, Москва.
- Грачева, М.Л., Давлетгильдеев, Р.Ш. (2021), “Европейская и евразийская интеграция: современные вызовы теории и практики”, *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*, № 1, режим доступа: http://vestnikieran.instituteofeurope.ru/images/Gracheva12021_.pdf.
- Еликбаев, К., Андропова, И. (2021), “Пять лет единому рынку услуг ЕАЭС: некоторые итоги”, *Современная Европа*, № 2, сс. 99-110.
- Казанцев, А.А., Гусев, Л.Ю. (2019), “Возможные сценарии развития миграционных процессов в контексте евразийской интеграции”, *Международная аналитика*, № 4, сс. 18-27.
- Колосов, В.А., Себенцов, А.Б. (2019), “Процессы регионализации на Севере Европы и программа ‘Северное измерение’ в отражении российского политического дискурса”, *Балтийский регион*, Том 11, № 4, сс. 76-92.
- Лучко, М.Л. (2020), “Позиции стран Северной Европы через призму международных рейтингов”, *Современная Европа*, № 3, сс. 83-95.
- Скуратов, Ю.И. (2021), “Евразийские основы международно-правовой политики Российской Федерации”, *Московский журнал международного права*, № 1, сс. 28-45.
- Соколов, А. (2021), “Евразийская компания” как инструмент антикризисной стратегии ЕАЭС”, *Современная Европа*, № 1, сс. 180-189.
- Хахалкина, Е.В. (2020), “ЕС в современном мире: проблемы региональной политики и внешнеполитической идентичности”, *Современная Европа*, № 5, сс. 204-213.
- Balassa, B. (1961), *The Theory of Economic Integration*, Allen & Unwin, London.
- Deutsch, K. (1968), *The Analysis of International Relations*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Etzioni, A. (1965), *Political Unification Revisited: On Building Supranational Communities*, Holt, Rinehart and Winston, New York.
- Friis, H. (1950), *Scandinavia: Between East and West*, Cornell University Press.
- Haas, E. (1961), “International integration: the European and the universal process”, *International Organisation*, Vol. 15, No. 3, pp. 366-392.
- Wetterberg, G. (2010), *Föbundsstaten Norden. TemaNord*, Nordiska Rådet, Köpenhamn.

doi: 10.53658/RW2021-1-1-79-91

Nothern European Lessons for Eurasian Integration

Lev S. Voronkov

MGIMO University – Moscow State Institute of International Relations
(Moscow, Russia).

Abstract. The paper is dedicated to the differences between the classical instruments for regulating interstate political and trade-economic relations from those used in the development of regional integration processes. Traditionally, the Eurasian Economic Union is compared with the European Union, considering the EU as a close example to follow in the development of integration processes. At the same time, there exist the other models of integration. The author proposes to pay attention to the other models of integration and based on the analysis of documents, reveals the experience of Northern Europe, which demonstrates effective cooperation without infringing on the sovereignty of the

participants. The author examines the features of the integration experience of the Nordic countries in relation to the possibility of using its elements in the modern integration practice of the Eurasian Economic Union.

Keywords: integration, “northern cooperation”, Russia, Belarus, Union State, Eurasian Economic Union (EAEU), CIS, European Union (EU), common market, common labor market

About the author: Lev Sergeevich VORONKOV – DSc (Hist.), Professor of the Department of Integration Processes, MGIMO University. ORCID: 0000-0002-0103-6019. Address: Vernadsky av., 76, Moscow, Russia, 119454. E-mail: lvoronkov@yandex.ru.

References

- Afanasyev, S.D., Babak, V.A., Baranovsky, V.G., et al. (1976), *Modern bourgeois theory of international relations. Critical Analysis* [Sovremennye burzhuaznye teorii mezhdunarodnykh otnoshenii. Kriticheskii analiz], Moscow (in Russian).
- Balassa, B. (1961), *The Theory of Economic Integration*, Allen & Unwin, London.
- Belukhin, N.E. (2019), “Northern Defense Cooperation (NORDEFKO) – 10 Years Later”, *International Analytics* [“Severnoe oboronnoe sotrudnichestvo (NORDEFKO) – 10 let spustya”, *Mezhdunarodnaya analitika*], No. 4, pp. 28-39 (in Russian).
- Bolgova, I.V., Nikitina, Y.A. (2019), “The Eurasian Economic Union between Integration and Sovereignty”, *Modern Europe* [“Evraziiskii ekonomicheskii soyuz mezhdunarodnoy integratsii i suverenitetom”, *Sovremennaya Evropa*], No. 5 (90), pp. 1-8 (in Russian).
- Deutsch, K. (1968), *The Analysis of International Relations*. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall.
- Elikbaev, K., Andronova, I. (2021), “Five Years of the Single Market for EAEU Services: Some Results”, *Modern Europe* [“Pyat’ let edinomu rynku uslug EAES: nekotorye itogi”, *Sovremennaya Evropa*], No. 2, pp. 99-110 (in Russian).
- Etzioni, A. (1965), *Political Unification Revisited: On Building Supranational Communities*, Holt, Rinehart and Winston, New York.
- Friis, H. (1950), *Scandinavia: Between East and West*, Cornell University Press.
- Gracheva, M.L., Davletgildeev, R.S. (2021), “European and Eurasian integration: modern challenges of theory and practice”, *Scientific Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences* [“Evropeiskaya i evraziiskaya integra-tsiya: sovremennye vyzovy teorii i praktiki”, *Nauchno-analiticheskii vestnik Instituta Evropy*], No. 1, access mode: http://vestnikieran.instituteofeurope.ru/images/Gracheva12021_.pdf (in Russian).
- Haas, E. (1961), “International integration: the European and the universal process”, *International Organisation*, Vol. 15, No. 3, pp. 366-392.
- Kazantsev, A.A., Gusev, L.Y. (2019), “Possible scenarios for the development of migration processes in the context of Eurasian integration”, *International Analytics* [“Vozmozhnye stsennarii razvitiya migratsionnykh protsessov v kontekste evraziiskoi integratsii”, *Mezhdunarodnaya analitika*], No. 4, pp. 18-27 (in Russian).
- Khakhalkina, E.V. (2020), “The EU in the Modern World: Problems of Regional Policy and Foreign Policy Identity”, *Contemporary Europe* [“ES v sovremennom mire: problemy regional’noi politiki i vneshnepoliticheskoi identichnosti”, *Sovremennaya Evropa*], No. 5, pp. 204-213 (in Russian).
- Kolosov, V.A., Sebensov, A.B. (2019), “Regionalization Processes in Northern Europe and the Northern Dimension Program as Reflected in Russian Political Discourse”, *Baltic Region* [“Protssy regionalizatsii na Severe Evropy i programma ‘Severnoe izmereniye’ v otrazhenii rossiiskogo politicheskogo diskursa”, *Baltiiskii region*], Vol. 11, No. 4, pp. 76-92 (in Russian).
- Luchko, M.L. (2020), “Positions of the Nordic countries through the prism of international rankings”, *Modern Europe* [“Pozitsii stran Severnoi Evropy cherez prizmu mezhdunarodnykh reitingov”, *Sovremennaya Evropa*], No. 3, pp. 83-95 (in Russian).
- Skuratov, Y.I. (2021), “Eurasian Foundations of International Legal Policy of the Russian Federation”, *Moscow Journal of International Law* [“Evraziiskie osnovy mezhdunarodno-pravovoi politiki Rossiiskoi Federatsii”, *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava*], No. 1, pp. 28-45 (in Russian).
- Sokolov, A. (2021), “Eurasian company” as an instrument of the anti-crisis strategy of the EAEU”, *Modern Europe* [“Evraziiskaya kompaniya” kak instrument antikrizisnoi strategii EAES”, *Sovremennaya Evropa*], No. 180-189 (in Russian).
- Voronkov, L.S. (2016), “Northern Cooperation” and Peculiarities of Northern European Integration [“Severnoe sotrudnichestvo” i osobennosti severoevropeiskoi integratsii], MGIMO University, Moscow (in Russian).
- Wetterberg, G. (2010), *Föbundsstaten Norden. TemaNord*, Nordiska Rådet, Köpenhamn (in Swedish).

doi: 10.53658/RW2021-1-1-92-103

Миграция новых религиозных движений России в Республику Беларусь

Мартинovich В.А.

Минская духовная академия (Минск, Беларусь).

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу влияния новых религиозных движений России на конфессиональное пространство Беларуси. Для предполагаемой генеральной совокупности из 1113 разных новых религиозных движений, деятельность которых документально зафиксирована в Республике Беларусь, установлена страна их основания. Среди них выявлена значительная группа таких движений, основанных в России, и установлено, что группа российских новых религиозных движений лидирует среди иностранных новых религиозных движений, в том числе практически в два раза превышает группу подобных движений, созданных в странах Запада. Представлено распределение по структурным и содержательным характеристикам российских новых религиозных движений, действующих в Республике Беларусь, в сравнении с совокупностью аналогичных движений, созданных в США. Зафиксирована динамика миграции российских новых религиозных движений в Беларусь. Представлены основные показатели рекламы и критики российских и западных новых религиозных движений в белорусских печатных СМИ. Показана несостоятельность тезиса о западном происхождении большинства новых религиозных движений, действующих в Республике Беларусь. Для представления результатов исследований использована матрица нетрадиционной религиозности – инструмент мониторинга, фиксации и наглядного представления всего многообразия ее форм и разновидностей для конкретной местности в заданный период времени. Сформулирован ряд перспективных направлений дальнейшего анализа заявленной темы.

Ключевые слова: новые религиозные движения, нетрадиционная религиозность, печатные СМИ, миграция религий, классификация новых религий

Об авторе: Владимир Александрович МАРТИНОВИЧ – доктор теологии Венского университета, заведующий кафедрой апологетики Минской духовной академии. ORCID: 0000-0003-2516-1153. Адрес: 220030, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Зыбицкая, 27. E-mail: nrm2@yandex.ru.

Взаимосвязи Российской Федерации и Республики Беларусь хорошо исследованы историками, социологами, экономистами и представителями иных дисциплин. Фундаментальное позитивное влияние культурного и религиозно-философского наследия России является не только предметом многочисленных исследований, но и фактом жизни современного белорусского общества. Тем не менее в доступном массиве материалов существует серьезная лакуна, касающаяся взаимного влияния в сфере нетрадиционной религиозности. Невнимание к данной теме во многом обусловлено как общей ориентацией на поиск исключительно позитивных сторон добрососедства, так и доминирующим в научной среде тезисом о преимущественно западном происхождении большинства новых религиозных движений (далее – НРД), впервые сформированном во

времена СССР. В XXI веке версия о западной природе НРД, действующих на постсоветском пространстве, продолжает поддерживаться в общественном и научном дискурсах. Настоящая статья посвящена анализу миграции НРД России в Республику Беларусь, а также проверке тезиса о западном происхождении большинства иностранных НРД Беларуси. Под НРД в настоящей статье понимается собирательное наименование всего многообразия организованных форм нетрадиционной религиозности (сект, культов, клиентурных культов и т.д.).

В современной науке до сих пор нет ни одного исследования, посвященного анализу миграции НРД на макроуровне, за исключением работы самого автора (Мартинovich 2018). Работы, анализирующие миграцию одного НРД, встречаются несколько чаще (например, Малдэр 1957; Соннэ 1983), но в них не затрагиваются релевантные для настоящего исследования вопросы. Многочисленные труды, посвященные географии религий, также аккуратно обходят стороной все теоретически значимые стороны разбираемой темы (Силантьев 2011; Бурдо, Филатов 2005; 2006; 2009; World Guide to Religious and Spiritual Organizations 1996; Johnson and Zurlo 2019). Настоящий материал является лишь общим введением в заявленную проблематику и не претендует на рассмотрение всего комплекса сопряженных тем и вопросов.

Мониторинг нетрадиционной религиозности в Республике Беларусь

Начиная с 1997 года автором статьи проводится постоянный мониторинг деятельности НРД на территории Республики Беларусь и по возможности в иных странах мира. Ранее уже описывались методологические проблемы, связанные с подобным мониторингом, на уровне поиска информации (Мартинovich 2016a) и работы с документами НРД (Мартинovich 2016b). Методом доступной выборки собираются материалы на следующих информационных площадках: а) печатные и электронные СМИ; б) легальные и нелегальные информационные и рекламные стенды и/или площадки на улицах, а также внутри образовательных и иных учреждений; в) информационные площадки самих НРД (от мест их собраний до специальных точек в разных городах, эксклюзивно используемых ими для рекламы своей работы); г) архивы государственных, научных, коммерческих, общественных, религиозных и иных организаций; д) личные архивы бывших и настоящих членов НРД; е) архивы организаций и частных лиц, специализирующихся на теме НРД (в т.ч. архивы самих НРД). С соблюдением ряда стандартизированных процедур архивируются все доступные для документальной фиксации факты деятельности НРД. Для каждого НРД собирается дополнительная информация по 60 основным показателям.

В результате мониторинга за 24 года был создан архив, включающий порядка 500 000 документов всех типов – по 5 570 НРД из 107 стран мира. Документально зафиксирована деятельность НРД в 914 населенных пунктах Республики Беларусь. В среднем ежегодно на учет в архиве ставится около 20 тысяч новых документов по НРД. Базы данных обновляются ежедневно. Данные по НРД доступны для независимой проверки. По мере необходимости подводятся промежуточные итоги мониторинга, которые в зависимости от специфики целей и задач исследования учитывают разные комбинации показателей. Так, настоящее исследование построено на анализе результатов для следующих 7 показателей:

- 1) страна основания НРД;
- 2) год появления НРД в Республике Беларусь;

- 3) особенности вероучения организации;
- 4) специфика структуры организации;
- 5) страна, из которой НРД мигрировало в Республику Беларусь;
- 6) название рекламируемых в печатных СМИ НРД;
- 7) название критикуемых в печатных СМИ НРД.

Нетрадиционная религиозность в Республике Беларусь

Система нетрадиционной религиозности включает в себя все многообразие религиозных форм отклонения от существующих пределов вариативности традиций, норм и нормативного поведения в социокультурной, религиозной и иных сферах жизни общества. Для систематизации нетрадиционной религиозности в совокупности ее проявлений на конкретной местности наиболее точной и полной представляется классификация по двум основаниям: степени развития организационной структуры и специфике содержательного наполнения ее элементов. В классификации по структуре выделяется шесть типов, из которых для настоящего исследования представляют интерес только первые четыре¹.

Секты и культы – религиозные объединения, имеющие сильную организационную структуру, институт постоянного членства, всесторонне развитое вероучение, охватывающее все сферы бытия человека и мира.

Клиентурные культы – религиозные организации, имеющие слабо развитую организационную структуру, институт временного членства и претендующие на полноту знаний в какой-либо конкретной сфере бытия человека и общества.

Аудиторные культы – индивиды или небольшие группы лиц, имеющие минимальную организационную структуру с системой регулярной трансляции религиозного или оккультно-мистического знания в массы и с полным отсутствием института членства.

Сектоподобные группы – организации, совмещающие в себе элементы, не имеющие ничего общего с сектантством, с рядом чисто сектантских характеристик.

Культовая среда общества – вся сфера неинституализированной нетрадиционной религиозности, состоящая из сектантских идей и ритуальных практик, разделяемых и исполняемых людьми в индивидуальном порядке вне контекста какой-либо группы.

Внутрицерковное сектантство – всевозможные формы нетрадиционных религиозных верований и практик, существующих в границах традиционных религий мира.

«Новые религиозные движения», равно как и иные профильные термины, например «секта», «культ» и др., используются здесь и далее без каких-либо негативных коннотаций. Процесс идентификации группы в качестве «секты» и др. включает целый ряд процедур, никак не связанных с анализом степени и характера ее влияния на человека и общество.

По содержанию выделяется 17 основных типов НРД (восточные, христианские, неоязыческие и др.) (Мартиневич 2018, сс. 83-128). Для целей настоящего исследования значение имеет не столько специфика определений каждого из выделенных типов, сколько конфигурация распределения по ним массива НРД. На 1 января 2021 года в Республике Беларусь документально зафиксирована деятельность 1 113 разных

НРД, каждое из которых соответствует одному из первых 4 типов НРД по структуре и одновременно одному из 17 типов НРД по содержанию. На пересечении типов по структуре и содержанию образуется матрица нетрадиционной религиозности – инструмент мониторинга, фиксации и представления всего многообразия ее форм и разновидностей для конкретной местности в заданный период времени. Означенная матрица для Республики Беларусь представлена в Таблице 1.

Таблица 1

Матрица нетрадиционной религиозности Республики Беларусь
The Matrix of unconventional religiosity in the Republic of Belarus

	Секты и культы	Клиентурные культы	Аудиторные культы	Сектоподобные группы	Итого
Астрологические	-	22	41	-	63
Восточные	42	25	3	9	79
Движение нового мышления	1	5	-	-	6
Коммерческие	2	7	3	-	12
Неоязыческие	11	9	1	2	23
Оккультно-мистические	25	137	25	7	194
Политические	-	2	-	-	2
Псевдонаучные	-	24	4	11	39
Псевдопсихологические	1	28	-	5	34
Псевдохристианские	13	1	4	-	18
Сатанисты	3	1	-	-	4
Синкретические	9	3	-	-	12
Спиритические	3	10	4	-	17
Утопические	2	-	-	-	2
Уфологические	-	16	-	-	16
Христианские	61	35	2	2	100
Целительские	1	87	396	8	492
Итого	174	412	483	44	1113

Матрица нетрадиционной религиозности фиксирует индивидуальный портрет всего многообразия ее форм на конкретной местности. Масштабы матрицы можно увеличивать до уровня нескольких стран, географических ареалов и континентов либо уменьшать до уровня области, района, конкретного населенного пункта. Она позволяет также сравнивать особенности нетрадиционной религиозности как в совершенно удаленных друг от друга, так и граничащих регионах, распределять всю совокупность НРД по любым заданным параметрам (например, стране происхождения, особенностям работы с обществом и т.д.). Основная проблема состоит не в технической организации и обработке означенных массивов данных, а в огромных трудозатратах, связанных со сбором первичных материалов по каждому НРД.

Новые религиозные движения России в Республике Беларусь

Создаваемые на территории России НРД не являются первостепенным объектом мониторинга. Тем не менее из 5 570 НРД 786 было создано на территории России, и они могут быть отнесены к группе «российских НРД» (например, Церковь последнего завета,

¹ Классификация по структуре основана на переработанной трехсоставной типологии культов Старка и Бэинбриджа (Старк 1979), доработанной концепции культовой среды общества Кэмпбелла (Кэмпбелл 1972), а также авторских разработках по остальным типам.

Алтайский ашрам шамбалы, Орден хранителей смерти и др.). Эту группу необходимо отличать от иностранных НРД, действующих в России, но созданных за рубежом (например, Свидетели Иеговы, Общество Сознания Кришны, Аум Синрикэ и др.). Таким образом, без целенаправленного исследования нетрадиционной религиозности Российской Федерации (в режиме пассивной фиксации приходящих материалов) в архиве была собрана документальная информация о более чем 1 500 НРД, действующих на территории России.

Из 1 113 НРД, деятельность которых документально зафиксирована на территории Республики Беларусь, 175 НРД было создано на территории России, что составляет 46,4% от общего числа иностранных НРД, мигрировавших на территорию страны из разных стран мира. На втором месте с 17,5% и отрывом более чем в 2,5 раза находятся НРД, созданные в США.

Совокупная доля НРД, основанных в Западной Европе и Северной Америке (Австрия, Великобритания, Германия, Дания, Испания, Италия, Канада, Нидерланды, Норвегия, США, Франция, Швейцария, Швеция), составляет 25,7% от всех мигрировавших в страну НРД, что в 1,8 раза меньше количества российских НРД. Доля НРД из стран Азии, Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки составляет 13,8%, а из бывших республик СССР, если не брать в их число Россию – 12,7%. НРД из Восточной Европы составляют 1,3%. Более того, 31 НРД, основанное в странах Запада и азиатского региона, мигрирует в Республику Беларусь из России, а не напрямую из стран своего появления. Таким образом, для Республики Беларусь опровергается тезис о западном происхождении большинства НРД. Доля западных НРД составляет всего 25,7%, а российских – 46,4%. При этом из числа иностранных НРД, действующих на территории Беларуси, в России возникает их больше, чем в любой другой стране мира. Более того, в России возникает больше НРД, чем в любой отдельно взятой группе стран либо любом географическом регионе. Кроме того, Россия является страной, через границу с которой большинство западных и азиатских НРД проникло в Республику Беларусь. В данном случае имеются ввиду НРД, избирающие третьи страны мира для миграции в Беларусь.

В задачи настоящего исследования не входила проверка тезиса о доминировании в России среди иностранных НРД групп западного происхождения. Однако положительное разрешение этого тезиса не представляется самоочевидным ввиду серьезного представительства в России азиатских НРД, а также с учетом стремления большинства НРД из республик бывшего СССР создавать свои представительства в первую очередь в России. В Таблице 2 представлена матрица российских и американских НРД в Республике Беларусь. Созданные в США НРД указываются в квадратных скобках.

Таблица 2

Матрица российских и американских НРД в Республике Беларусь
The Matrix of Russian and American NRMs in the Republic of Belarus

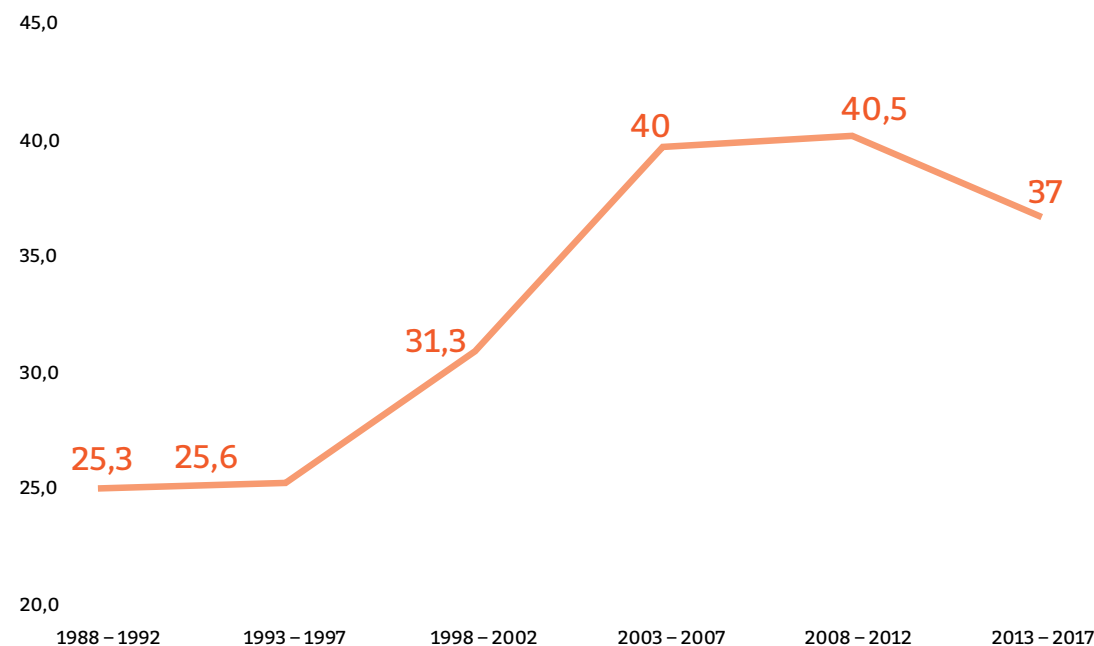
	Секты и культы	Клиентурные культы	Аудиторные культы	Сектоподобные группы	Итого
Астрологические	-	6	1	-	7
Восточные	2 [5]	5	[1]	1	8 [6]
Движение нового мышления	[1]	2 [3]	-	-	2 [4]
Коммерческие	[2]	4	2	-	6 [2]
Неоязыческие	4	4	-	1	9
Оккультно-мистические	8 [3]	45 [5]	2	2	57 [8]
Политические	-	1	-	-	1
Псевдонаучные	-	7 [1]	1	1	9 [1]

Псевдопсихологические	[1]	10 [3]	-	-	10 [4]
Псевдохристианские	3 [5]	1	-	-	4 [5]
Сатанисты	1	-	-	-	1
Синкретические	2 [1]	6	-	-	8 [1]
Спиритические	1	1	-	-	2
Утопические	1	-	-	-	1
Уфологические	-	4	-	-	4
Христианские	6 [23]	3 [9]	[1]	[2]	9 [35]
Целительские	-	13	24	-	37
Итого	28 [41]	112 [21]	30 [2]	5 [2]	175 [66]

Распределение по типам структуры точно отражает один из базовых принципов миграции НРД: чем менее развита структура НРД, тем в меньшей степени оно склонно создавать свои представительства на территории государств, удаленных на большие расстояния. Так, из США в Республику Беларусь мигрируют преимущественно высокоструктурированные секты и культы. Из числа российских НРД приезжают преимущественно средне- и слабоструктурированные клиентурные и аудиторные культы. Отсутствие границ и языкового барьера значительно упрощает малым НРД миграцию из России. Не менее показательным является распределение групп по содержанию. В то время как из США мигрируют преимущественно христианские НРД, из России приезжают главным образом оккультно-мистические, магические и целительские НРД.

Для 285 иностранных НРД (в том числе 87 российских) был установлен год их миграции в Республику Беларусь для периода с 1988 по 2017 год. Данные по времени

Рисунок 1. Доля российских НРД к общему числу мигрирующих НРД, в %
Share of Russian NRMs in the total number of migrating NRMs (%)

миграции, сгруппированные в шесть пятилетних периодов, показывают тенденцию роста доли российских НРД среди общего числа мигрирующих НРД с конца XX века (см. Рисунок 1).

Падение на уровне 3,5% для 2013 – 2017 годов не является значимым и связано с необходимостью определенной временной дистанции для сбора более полных данных по означенному периоду. При этом рост доли российских НРД связан не с увеличением их числа в абсолютных цифрах, но со стабилизацией процесса миграции НРД из других стран. Прошел аномально высокий интерес иностранных НРД к созданию своих представительств в странах бывшего СССР, отмечавшийся в 1990-е годы. В XXI веке миграция НРД в Республику Беларусь стабилизировалась на уровне 5–10 НРД в год. В дополнение к отсутствию границ и языкового барьера активной миграции российских НРД благоприятствуют: а) сопоставимый уровень жизни и платежеспособности населения; б) похожая система регулирования религиозного пространства органами государственного управления; в) схожий уровень свободы вероисповедания. Роль распада СССР в массовом появлении НРД описана в науке достаточно. Попытка связать последующую активную миграцию российских НРД с конкретными социальными и политическими событиями, протекавшими эксклюзивно на территории одной из стран, не увенчалась успехом.

Российские НРД в печатных СМИ Республики Беларусь

Автором ранее проводилось два исследования: а) идентификации религиозных организаций в качестве НРД в белорусских печатных СМИ (Мартиневич 2017); б) рекламы НРД в печатных СМИ Республики Беларусь (Мартиневич 2019). Оба исследования основывались на анализе статей из 76 белорусских газет: 28 республиканских и 48 региональных газет (14 областных, 11 районных и 23 городских)². В обоих случаях анализ статей проводился методом стандартизированного опроса текста³. К моменту подготовки настоящего материала хронологические рамки обоих исследований были увеличены на 2 года: с 1988 по 2017 год. При сохранении общего числа наименований печатных СМИ выборка первого исследования увеличилась с 521 до 868 статей. Выборка второго выросла с 600 до 613 статей. Ранее, при представлении результатов обоих исследований, не приводились данные по географии происхождения упоминаемых в СМИ НРД. Анализ данной темы не встречается также в существующих исследованиях других авторов (Бэкфорд 1999; Дриль 1988; Райт 1997). В настоящей статье восполняется эта лакуна в части российских и западных НРД.

² «7 Дней», «Іntex-press», «АлВит», «Беларускі час», «Беларусь сегодня», «Белоруссия», «БелГазета», «Белорусская военная газета», «Белорусская деловая газета», «Белорусский рынок», «Брестский курьер», «Вабанк», «Вестник Могилева», «Вечерний Брест», «Вечерний Гомель», «Вечерний Гродно», «Вечерний Минск», «Вечерний Могилев», «Віцебскі рабочы», «Голос Фандока», «Гомельская правда», «Гродзенская праўда», «Де-факто», «Днепровская неделя», «Добры вечар», «Жодзінскія навіны», «Заря», «Звязда», «Згода», «Знамя Юности», «Зніч», «Имя», «Кобрин-информ», «Компьютерные вести», «Краязнаўчая газета», «Культура», «Курьер из Борисова», «Лідская газета», «Літаратура і мастацтва», «Маладзечанская газета», «Мінская праўда», «Минский курьер», «Минский Меридиан», «Могилевская правда», «Магілёўскія ведамасці», «Мы и время», «На страже», «Народная воля», «Народная газета», «Народная трибуна», «Народное слово», «Настаўніцкая газета», «Наш край», «Наш час», «Наша Ніва», «Наша свабода», «Новая газета Сморгони», «Новы дзень», «Обозреватель», «Перамога», «Переходный возраст», «Раённыя будні», «Рэспубліка», «Свабода», «Светлае жыццё», «Свободные новости», «Славянский набат», «Служба спасения 01», «Столица», «Столичная», «Товарищ», «Фемида», «Центральная газета», «Частная собственность», «Чырвоная змена», «Экспресс-новости».

³ Метод разработан Центром социологических и политических исследований БГУ под руководством Д.Г. Ротмана (Ротман 2015).

Анализ результатов исследования показал, что в печатных СМИ Республики Беларусь критически упоминалось 26,9% от общего числа действующих в Республике Беларусь российских НРД (47 из 175) и 40,9% от общего числа НРД, созданных в США (27 из 66). Уровень идентификации любых НРД в общественном дискурсе достаточно невысок сам по себе, вне зависимости от страны происхождения НРД. Средний уровень идентификации иностранных НРД в печатных СМИ составляет 37,8%. При этом группа НРД из упомянутых ранее стран Запада идентифицируется в среднем на уровне 48,4%, а НРД из прочих стран – на уровне 31,8%. НРД, созданные в Республике Беларусь, идентифицируются на уровне 4,4%.

Российские и американские НРД упоминаются также с разной частотностью в СМИ. В массиве из 868 материалов американские НРД упоминались в 297 статьях, а российские – в 164. Иначе говоря, белорусские СМИ, несмотря на значительное количественное преобладание российских НРД, замечают их меньшее количество и значительно реже их критикуют по сравнению с НРД из стран Запада.

Печатные СМИ достаточно активно искажают реальные данные о специфике конфессионального пространства в целом и нетрадиционной религиозности в частности. Эти искажения многогранны и охватывают самые разные стороны бытования НРД в обществе, на фоне которых «западный крен» не представляется самым существенным и значимым. Тем не менее он, со своей стороны, способствует поддержанию на плаву ошибочного тезиса о западном происхождении большинства НРД, действующих в Республике Беларусь.

Исследование рекламы религиозных организаций в белорусской прессе было направлено на выявление количества НРД, размещающих в разных форматах свои выходные данные и приглашающих посетить их мероприятия. На 1 января 2021 года выявлена реклама 613 разных НРД⁴. Основная масса рекламных объявлений приходится на долю НРД, созданных в самой Республике Беларусь (393 НРД). Среди группы иностранных НРД абсолютным рекордсменом являются российские НРД (98 НРД), за которыми с отрывом в 3 раза следуют американские организации (32 НРД). Из упомянутых выше 13 стран Запада, рекламирует себя только 47 НРД, т.е. в два раза меньше, чем российских НРД.

Сравнение результатов обоих исследований показывает, что в печатных СМИ Республики Беларусь рекламируется в два раза больше российских НРД, чем критикуется.

Альтернативные влияния

Выше приведены примеры миграции НРД России в Республику Беларусь. Они значимы и интересны в силу неподконтрольности политическим и иным институтам российского и белорусского общества. Нельзя искусственно, незаметно для специалистов побудить более сотни никак не связанных друг с другом НРД создавать свои представительства в другой стране мира. Невозможно незаметно для самой прессы и специалистов повлиять на сотни несвязанных друг с другом журналистов из десятков СМИ в выборе ими одних НРД для критики и забвении других. Также в силу целого ряда причин неподконтрольна реклама НРД в СМИ. Контроль над СМИ может до некоторой степени ограничить ее масштабы, но искусственно побудить более 613 разных НРД к саморекламе в прессе практически невозможно.

⁴ Специфика этого исследования предполагала учет для каждого НРД только одной рекламной статьи. В результате количество статей, попадающих в выборку, совпадает с количеством рекламируемых НРД.

За рамки настоящего исследования выходит целый комплекс иных тем и вопросов, связанных с возможным влиянием конфессионального пространства России на нетрадиционную религиозность Республики Беларусь.

Во-первых, наиболее значимым является вопрос о влиянии неорганизованных форм нетрадиционной религиозности России, прежде всего культовой среды общества, на нетрадиционную религиозность Республики Беларусь. Культовая среда является основным типом такой религиозности, а организованные формы сектантства – временной надстройкой. Наиболее значимое влияние имеет место не на уровне мигрирующих НРД, но неорганизованных форм сектантского наследия России. Их трансляция в Республику Беларусь формирует почву для успешного распространения российских НРД, способствует созданию местных НРД. Доступным для анализа проявлением этого наследия является огромный пласт русскоязычной сектантской литературы, сектантских специализированных СМИ, аудио- и видеопроодукции, которая ввозится из России либо доступна белорусским пользователям благодаря сети Интернет. Значительное количество НРД, формально создаваемых в Республике Беларусь, основывается на импортированных из-за рубежа наборах идей и концепций нетрадиционной религиозности. Автором собраны, но пока не обработаны материалы по данной теме.

Во-вторых, достаточно сложной сопряженной темой является трансляция в Республику Беларусь многообразия общественных реакций в Российской Федерации на феномен НРД. Всевозможные варианты критики, нейтральной оценки и всемерной поддержки НРД транслируются на территорию Беларуси на уровне СМИ, профессиональной литературы, конференций, семинаров и всевозможных мероприятий по обмену опытом между государственными, религиозными и общественными объединениями обеих стран. Опыт России перенимается и воспроизводится в разной степени белорусскими акторами с поправкой на местную специфику. При этом заимствуются как действительно достойные образцы профессиональной мысли (например, научные разработки данного феномена), так и совершенно недопустимые образцы реакции на него (например, отдельные модели критики и поддержки НРД).

Выводы. Основополагающее влияние Российской Федерации на Республику Беларусь в конфессиональной сфере состоит в исторически обусловленном единстве Православной Церкви. К числу дополнительных влияний относится также сфера организованных и неорганизованных форм нетрадиционной религиозности. Трансляция богатого культурного и религиозного наследия России сопровождается активной передачей основных образцов альтернативной религиозности, являющихся частью истории конфессионального пространства. Россия для Республики Беларусь предстает в качестве основного источника НРД, что является лишь очередным свидетельством тесной взаимосвязи и взаимовлияния государств. Представленные в настоящей статье результаты анализа были предсказуемыми в плане сильного влияния России. Однако в общественном дискурсе последствия от тесной связи двух государств не распространяются на представления о феномене нетрадиционной религиозности. Сектантство позиционируется в качестве изначально чуждого для обеих стран феномена, имеющего преимущественно западное происхождение. В результате большая часть НРД, созданных в самой Беларуси, а также российские и украинские НРД реже замечаются, реже критикуются и обладают гораздо большими возможностями поработать с населением, чем западные НРД. Вероятно, впервые это влияние было операционализировано и показано в ряде конкретных значений. Ученым еще предстоит детальная проработка всех аспектов взаимного влияния нетрадиционной религиозности России и Беларуси на макро- и микроуровнях.

Рекомендации

Выстраивание грамотной политики в конфессиональной сфере невозможно без точного знания о диапазоне вариативности действующих в стране НРД. Списки официально зарегистрированных религиозных организаций нерепрезентативны для этих целей (в Беларуси зарегистрированные организации составляют 1,2% от НРД, деятельность которых документально зафиксирована в стране). Необходим дифференцированный систематический учет всего многообразия религиозных организаций, прежде всего действующих без регистрации либо под видом коммерческих, общественных и иных структур.

Мониторинг конфессионального пространства на уровне федерации может быть эффективным только при соблюдении набора стандартизированных процедур, включающих сбор информации на разных типах информационных площадок, идентификацию материалов НРД, установление типа структуры и содержания НРД в рамках матрицы нетрадиционной религиозности, выявление группы иных релевантных для выстраивания конфессиональной политики показателей.

Эффективное регулирование конфессиональной сферы предполагает не только учет специфики конфессионального пространства, но и особенностей восприятия его в общественном дискурсе страны. Общественные реакции на нетрадиционную религиозность протекают как под ее непосредственным влиянием, так и под воздействием общественных представлений о ней. Анализ искаженных представлений о действующих НРД имеет первостепенное значение.

Источники

- Бурдо, М., Филатов, С. (2005), *Атлас современной религиозной жизни России*, Т. 1, Летний сад, Санкт-Петербург.
- Бурдо, М., Филатов, С. (2006), *Атлас современной религиозной жизни России*, Т. 2, Летний сад, Санкт-Петербург.
- Бурдо, М., Филатов, С. (2009), *Атлас современной религиозной жизни России*, Т. 3, Летний сад, Санкт-Петербург.
- Мартинovich, В.А. (2016a), "Методологические проблемы в идентификации документов новых религиозных движений", *Научный результат. Социология и управление*, Т. 2, № 4, сс. 52-62.
- Мартинovich, В.А. (2016b), "Методологические проблемы мониторинга новых религиозных движений", *Социологические исследования*, № 6, сс. 56-65.
- Мартинovich, В.А. (2017), "Идентификация новых религиозных движений в печатных СМИ Беларуси", *Журнал БГУ. Социология*, № 4, сс. 56-65.
- Мартинovich, В.А. (2018), *Сектантство: возникновение и миграция. Материалы к изучению нетрадиционной религиозности*, Т. 1, Москва.
- Мартинovich, В.А. (2019), "Реклама новых религиозных движений в печатных СМИ", *Журнал БГУ. Социология*, № 3, сс. 17-24.
- Ротман, Д.Г. (2015), "Новые подходы к сбору и анализу информации (из опыта полевых исследований)", *Социологические исследования*, № 5, сс. 145-149.
- Силантьев, Р.А. (2011), *Атлас религий России*, ИПК МГЛУ "Рема", Москва.
- Beckford, J.A. (1999), "The mass media and new religious movements", *New Religious Movements. Challenge and Response*, Ed. Wilson, B. and Cresswell, J., Routledge, pp. 103-119.
- Campbell, C. (1972), "The Cult, the Cultic Milieu and Secularization", *A Sociological Yearbook of Religion in Britain*, Vol. 5, pp. 119-136.
- Driel, B. and Richardson, J.T. (1988), "Categorization of New Religious Movements in American Print Media", *Sociological Analysis*, Vol. 49, No. 2, pp. 171-183.
- Mulder, W. (1957), *Homeward to Zion. The Mormon Migration from Scandinavia*, University of Minnesota Press, Minneapolis.
- Richardson, J.T. and Driel, B. (1997), Journalist's attitudes toward new religious movements, *Review of Religious Research*, Vol. 39, No. 2, pp. 116-136.

- Sonne, C.B. (1983), *Saints on the Seas. A Maritime History of Mormon Migration 1830 - 1890*, University of Utah, Salt Lake City.
- Stark, R. and Bainbridge, W.S. (1979), "Of Churches, Sects, and Cults: Preliminary Concepts for a Theory of Religious Movements", *Journal for the Scientific Study of Religion*, Vol. 18, № 2, pp. 117-133.
- World Guide to Religious and Spiritual Organizations (1996), K.G. Saur, München.
- Johnson, T.M. and Zurlo, G.A. (2019), *World Christian Encyclopedia*, 3rd ed., Edinburgh University Press, Edinburgh.
- Wright, S.A. (1997), "Media Coverage of Unconventional Religion: Any 'Good News' for Minority Faiths?", *Review of Religious Research*, Vol. 39, No. 2. P. 101-115.

doi: 10.53658/RW2021-1-1-92-103

Influence of New Religious Movements from Russian Federation on the Religious Landscape of the Republic of Belarus

Vladimir A. Martinovich

Minsk theological academy (Minsk, Belarus).

Abstract: This paper is devoted to the analysis of the influence of the new religious movements of the Russian Federation on the religious landscape of the Republic of Belarus. The study has shown the following results: (1) the country of origin was determined for the alleged general population of 1113 new religious movements, the activities of which are documented in the Republic of Belarus. A significant part of them were founded in Russia, and the group of Russian new religious movements is in the lead among the foreign new religious movements almost twice exceeding the group of new religious movements created in Western countries. (2) The article represents the distribution according to the structural and substantive characteristics of the new Russian religious movements operating in the Republic of Belarus in comparison with the totality of new religious movements created in the United States and (3) shows the dynamics of migration of Russian new religious movements to Belarus. (4) Based on the analysis of Belarusian print media the main indicators of advertising and criticism of Russian and Western new religious movements are revealed. To represent the research results the author uses a matrix of non-traditional religiosity as tool for monitoring, recording and visualizing the whole variety of its forms and varieties for a specific area in a given period of time. In conclusion, the author proposes a number of promising directions for further analysis of the stated topic.

Keywords: new religious movements, unconventional religiosity, printed media, migration of religions, classification of new religions

About the author: Vladimir A. MARTINOVICH – Doctor of theology (Vienna University), CandSc (Soc.), head of the apologetics department of Minsk theological academy. ORCID: 0000-0003-2516-1153. Address: 220030, Republic of Belarus, Minsk, Zybizkaja st., 27. E-mail: nrm2@yandex.ru.

References

- Beckford, J.A. (1999), "The mass media and new religious movements", *New Religious Movements. Challenge and Response*, Ed. Wilson, B. and Cresswell, J., Routledge, pp. 103-119.
- Burdo, M. and Filatov, S. (2005), *Atlas of Contemporary Religious Life in Russia [Atlas sovremennoi religioznoi zhizni Rossii]*, Vol. 1, St. Petersburg (in Russian).

- Burdo, M. and Filatov, S. (2006), *Atlas of Contemporary Religious Life in Russia [Atlas sovremennoi religioznoi zhizni Rossii]*, Vol. 2, St. Petersburg (in Russian).
- Burdo, M. and Filatov, S. (2009), *Atlas of Contemporary Religious Life in Russia [Atlas sovremennoi religioznoi zhizni Rossii]*, Vol. 3, St. Petersburg (in Russian).
- Campbell, C. (1972), "The Cult, the Cultic Milieu and Secularization", *A Sociological Yearbook of Religion in Britain*, Vol. 5, pp. 119-136.
- Driel, B. and Richardson, J.T. (1988), "Categorization of New Religious Movements in American Print Media", *Sociological Analysis*, Vol. 49, No. 2, pp. 171-183.
- Johnson, T.M. and Zurlo, G.A. (2019), *World Christian Encyclopedia*, 3rd ed., Edinburgh University Press, Edinburgh.
- Martinovich, V.A. (2016a), "Methodological Problems in Identifying Documents of New Religious Movements", *Research Result. Sociology and Management* ["Metodologicheskie problemy v identifikatsii dokumentov novykh religioznykh dvizhenii", *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie*], Vol. 2, No. 4, pp. 52-62 (in Russian).
- Martinovich, V.A. (2016b), "Methodological Problems of Monitoring New Religious Movements", *Sociological Studies* ["Metodologicheskie problemy monitoringa novykh religioznykh dvizhenii", *Sotsiologicheskie issledovaniya*], No. 6, pp. 56-65 (in Russian).
- Martinovich, V.A. (2017), "Identification of new religious movements in the print media of Belarus", *Journal of the Belorussian State University. Sociology* ["Identifikatsiya novykh religioznykh dvizhenii v pechatnykh SMI Belarusi", *Zhurnal BGU. Sotsiologiya*], No. 4, pp. 56-65 (in Russian).
- Martinovich, V.A. (2018), *Sectarianism: Emergence and Migration. Materials for the study of non-traditional religiosity [Sektantstvo: vozniknovenie i migratsiya. Materialy k izucheniyu netraditsionnoi religioznosti]*, Vol. 1, Moscow (in Russian).
- Martinovich, V.A. (2019), "Advertising of new religious movements in print media", *Journal of the Belorussian State University. Sociology* ["Reklama novykh religioznykh dvizhenii v pechatnykh SMI", *Zhurnal BGU. Sotsiologiya*], No. 3, pp. 17-24 (in Russian).
- Mulder, W. (1957), *Homeward to Zion. The Mormon Migration from Scandinavia*, University of Minnesota Press, Minneapolis.
- Richardson, J.T. and Driel, B. (1997), Journalist's attitudes toward new religious movements, *Review of Religious Research*, Vol. 39, No. 2, pp. 116-136.
- Rothman, D.G. (2015), "New approaches to the collection and analysis of information (from the experience of field research)", *Sociological studies* ["Novye podkhody k sboru i analizu informatsii (iz opyta polevykh issledovaniy)", *Sotsiologicheskie issledovaniya*], No. 5, pp. 145-149 (in Russian).
- Silantyev, R.A. (2011), *Atlas of religions of Russia [Atlas religii Rossii]*, Moscow (in Russian).
- Sonne, C.B. (1983), *Saints on the Seas. A Maritime History of Mormon Migration 1830 - 1890*, University of Utah, Salt Lake City.
- Stark, R. and Bainbridge, W.S. (1979), "Of Churches, Sects, and Cults: Preliminary Concepts for a Theory of Religious Movements", *Journal for the Scientific Study of Religion*, Vol. 18, № 2, pp. 117-133.
- World Guide to Religious and Spiritual Organizations (1996), K.G. Saur, München.
- Wright, S.A. (1997), "Media Coverage of Unconventional Religion: Any 'Good News' for Minority Faiths?", *Review of Religious Research*, Vol. 39, No. 2. P. 101-115.

doi: 10.53658/RW2021-1-1-105-114

Русская школа в общественно-политическом пространстве Латвии (1991 – 2021)

Волков В.В.

Институт философии и социологии Латвийского университета (Рига, Латвия).

Аннотация. Школы на русском языке преподавания, или билингвальные школы, выступают важнейшим институтом воспроизводства этнокультурной коллективной идентичности русского и русскоязычного населения в современной Латвии. Настоящее и будущее этих школ включено в очень сложный правовой и общественно-политический контекст. С одной стороны, латвийское законодательство провозглашает право этнических меньшинств на сохранение своей идентичности, с другой – доминирующий политический дискурс ориентирован на сокращение до минимума преподавания в этих школах на русском языке. В статье показывается, что именно конструируемый ведущими политическими партиями политический контекст, а вовсе не права, гарантированные конституцией этническим меньшинствам, является основным фактором, который приводит к резкому ослаблению русского (билингвального) образования в Латвии. В качестве материала исследования используется законодательство Латвии в сфере образования и языка, программы политических партий, данные научных исследований латвийских социологов, в том числе и автора статьи, экспертные оценки ученых и общественных деятелей процесса образования этнических меньшинств.

Ключевые слова: русская школа, билингвальное образование, этнокультурная идентичность, политические партии

Об авторе: Владислав Викторович ВОЛКОВ – доктор социологических наук, ведущий исследователь, Институт философии и социологии Латвийского университета. ORCID: 0000-0001-9593-2641. Адрес: LV-1050, Латвия, г. Рига, бульвар Калпака, 4. E-mail: vladislavs.volkovs@inbox.lv.

Русская школа как исторический феномен общественной жизни Латвии

Начало образования на русском языке на территории Латвии связывается с открытием Екатерининского уездного училища в Риге в 1789 году. В 1868 году в Риге были основаны Александровская (мужская) и Ломоносовская (женская) гимназии (Фейгмане 2000, сс. 241-242). В независимой Латвийской Республике «Закон об образовательных учреждениях Латвии» (1919) гарантировал право этническим меньшинствам открывать столько государственных и коммунальных школ, «сколько это необходимо для образования детей», а также «открывать отдельные классы,

ДИАЛОГ КУЛЬТУР
И НАРОДОВ

если для них имеется по меньшей мере тридцать учеников»¹. Школы этнических меньшинств в довоенной независимой Латвии обладали автономией, которая была защищена «Законом об устройстве школ этнических меньшинств» (1919). У частных и юридических лиц также было право открыть школы с преподаванием на языках этнических меньшинств². Как отмечают исследователи, уже при парламентском строе (1918 – 1934) были попытки сокращения сферы действия русского языка в образовании (Гурин 2005, с. 21), а националистический режим К. Улманиса привел к сокращению числа русских основных и средних школ с 236 и 12 в 1933/34 учебном году до 144 и 2 в 1939/40 учебном году (Фейгмане 2005, сс. 281-296).

Понятие «русская школа в Латвии» применительно к историческому периоду с 1991 года и по сей день носит достаточно условный характер. Наиболее часто под ним понимаются современные латвийские школы, которые предлагают учащимся программы билингвального образования (для основной школы с 1 по 9 классы) на латышском и русском языках, а также средние школы (с 10 по 12 классы), существующие на основе этих основных школ, но где в соответствии с законодательством учебный процесс должен протекать на латышском языке. Наиболее адекватно применение термина «русская школа» к различным ступеням школьного образования, функционировавшего на русском языке на территории Латвии в Российской империи, для школ русского этнического меньшинства Латвийской Республики (1918 – 1940 года), а также для русскоязычной школы Латвийской ССР. Политики, публицисты, отчасти и ученые, отражающие интересы латвийских русских, нередко используют понятие «русская школа Латвии» для формулирования нормативного идеала – каким должны быть направленность и содержание среднего школьного образования для русской (как вариант: русскоязычной) молодежи в Латвии. Правые националистические латышские публицисты и политики зачастую используют этот термин, чтобы акцентировать свое представление об отсутствии в Латвии единой школьной системы только на том основании, что обучение в билингвальных (латышско-русских) школах частично осуществляется на русском языке. В современной Латвии вопрос о русской (билингвальной) школе является одним из ключевых, препятствующих общественной консолидации.

Правовые возможности обучения на языках этнических меньшинств в современной Латвии

На 1 сентября 2019 года на русском языке в средних школах Латвии обучалось 54,4 тыс. учеников, что составляло 25,4% всех школьников страны³. Такой удельный вес латвийских школьников, обучающихся на русском языке, стабилизировался к середине первого десятилетия XXI века (до этого с начала 1990-х годов наблюдалась тенденция к снижению доли учащихся на русском языке), что, несомненно, указывает на устойчивую потребность русского населения в сохранении своей этнокультурной идентичности (Волков 2013).

С 1991 года правовой статус языков обучения в латвийских школах, в том числе и в школах этнических меньшинств, определялся различными редакциями Закона об образовании. В «Законое об образовании Латвийской Республики», принятом в июне 1991 года, то есть в то время, когда Латвия еще де-факто находилась в составе СССР, говорилось как о «гарантированном праве на образование на государственном языке» (латышский язык к тому времени обрел этот статус), так и о «праве на образование на родном языке в соответствии с Законом о языках». Латышский язык определялся в качестве «основного языка обучения» в государственно финансируемых высших учебных заведениях, начиная со второго года⁴. В соответствии с «Законом об образовании Латвии» (1995), «получение образования в Латвии осуществляется на государственном языке». Этот Закон допускал возможность получения образования на «других языках» «одновременно с государственным языком в учебных заведениях национальных и этнических меньшинств»⁵. Поправки 1995 года к Закону об образовании предполагали, что «в школах этнических меньшинств, в которых языком обучения не является латышский с 1 по 9 класс по меньшей мере на двух, а в 10 – 12 классах по меньшей мере на трёх учебных предметах обучение в основном проходит на государственном языке»⁶.

«Закон об образовании», принятый в 1998 году и действующий с некоторыми изменениями и дополнениями по сей день, предписывает государственный язык в качестве языка в «государственных, муниципальных учебных заведениях и в высших государственных учебных заведениях». Возможность получения образования на других языках имеется в «частных учебных заведениях, в государственных и муниципальных учебных заведениях, где реализуются образовательные программы для этнических меньшинств». Предполагаются и другие возможности, предусмотренные законом. Правда, в Статье 9 «Закона об образовании», где говорится об образовании не на государственном языке, такие «другие учреждения образования» детально не зафиксированы. Обучение на иностранных языках в государственных высших учебных заведениях возможно, если программы реализуются на официальных языках Европейского союза. Статья 41 Закона определяет порядок учреждения и реализации «программ образования этнических меньшинств» (а для дошкольных учреждений – «выбор какого-либо направления государственного дошкольного образования»). Эти программы дополнительно включают учебный материал по «освоению культуры этнического меньшинства», а также по «интеграции этнического меньшинства в латвийское общество»⁷.

Закон 1998 года предполагал, что с 1 сентября 2004 года в государственных и муниципальных средних учебных заведениях в десятых классах, а в профессиональных учебных заведениях на первых курсах обучение проводится только на государственном языке. Однако в 2003 году Кабинет министров констатировал невозможность реализации этой нормы из-за неготовности школ меньшинств обеспечить преподавание только на латышском языке. Поэтому принятые поправки к Закону давали возможность школам этнических меньшинств на 40% учебных предметов проводить занятия на языках этнических

1 Likums par Latvijas izglītības iestādēm (1919), Likumu un valdības rīkojumu krājums (Law on Latvian educational institutions (1919), Collection of laws and government orders).

2 Likums par mazākuma tautību skolu iekārtu Latvijā (1919) Likumu un valdības rīkojumu krājums (The law on school facilities of minority nationalities in Latvia (1919), Collection of laws and government orders).

3 Izglītojamo skaits uz 2019. gada 1. septembri vispārējās izglītības programmās pēc mācību valodas (Number of school children on September 1, 2019 in general education programs by language instruction): <https://www.izm.gov.lv/lv/media/622/download> (accessed 05.07.2021).

4 Latvijas Republikas izglītības likums (Education law of the Republic of Latvia): <https://m.likumi.lv/doc.php?id=67960> (accessed 05.12.2017).

5 Там же.

6 Там же.

7 Latvijas Republikas izglītības likums (Education law of the Republic of Latvia): <https://m.likumi.lv/doc.php?id=67960> (accessed 05.12.2017).

меньшинств⁸. Осенью 2017 года Министерство образования и науки выдвинуло инициативу перехода практически всего образования этнических меньшинств на государственный язык. В начале декабря правительство в целом одобрило предложение Министерства. Предполагается постепенное проведение реформы в школах этнических меньшинств к 2021/2022 учебному году. При этом билингвальное обучение остается в дошкольных учебных заведениях, в 1-м – 6-м классах начальной школы реализуются три возможные модели билингвального обучения, а с 7 по 9 класс 80% учебного процесса осуществляется на латышском языке. Средняя школа с 10 по 12 классы работает только на латышском языке⁹. В программы билингвального образования включены предметы «Язык этнического меньшинства» и «Литература», которые преподаются на языках этнических меньшинств (по 5 часов в неделю в 7–9 классах, как и на преподавание латышского языка и литературы)¹⁰.

В утвержденном в 2008 году рекомендательном образце программы «Русский язык и литература» для средней школы этнических меньшинств (с девятого по двенадцатый классы) вообще отсутствует перечень обязательной русской художественной литературы, необходимой для усвоения учащимися (Fomina 2008, p. 3). В то же время образец программы «Литература» включает в себя нормативные для освоения произведения мировой и латышской литературы (Neimane 2008, pp. 7-32). В таких условиях исключительно профессиональная подготовка преподавателей русской литературы, а также филологов, подготовивших учебники для школ этнических меньшинств, обеспечивает сохранение важнейшей составляющей в русском образовании в Латвии.

В Резолюции 2021 года Комитета Министров ЕС по имплементации Рамочной конвенции по защите национальных меньшинств в отношении Латвии содержится немало критических комментариев, касающихся реализации прав латвийских русских на сохранение своей этнокультурной идентичности. Говорится об «ограничительной политике», задаваемой «политической повесткой дня... особенно в системе образования, средствах массовой информации и в отношении использования языков национальных меньшинств во многих областях общественной жизни». В Резолюции выражено особое беспокойство сокращением объема преподавания языков национальных меньшинств и отсутствием преподавания на них вне этнокультурных предметов¹¹. Однако, как показывает содержание доминирующих политических настроений, латвийская политическая элита не настроена принимать в расчет интересы русского населения в вопросах образования¹².

8 Latvijas Republikas Satversmes tiesas spriedums (Judgment of the Constitutional Court of the Republic of Latvia): <https://likumi.lv/ta/id/108255-par-izglitiba-likuma-parejas-noteikumu-9punkta-3apakspunkta-atbilstibu-latvijas-satversmes-1-91-un-114pantam> (accessed 05.12.2017).

9 Правительство концептуально одобрило перевод обучения на госязык, DELFI: <http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/pravitelstvo-konceptualno-odobrilo-perevod-obucheniya-na-gosyazyk.d?id=49514011> (дата обращения 05.12.2017).

10 Noteikumi par valsts pamatizglitības standartu, pamatizglitības mācību priekšmetu standartiem un pamatizglitības programmu paraugiem (Provisions on the national standard for basic education, standards for subjects of primary education and samples of basic education programs): <https://likumi.lv/doc.php?id=268342> (accessed 05.12.2017).

11 Resolution CM/ResCMN9 on the implementation of the Framework Convention for the Protection of National Minorities by Latvia (Adopted by the Committee of Ministers on 3 March 2021 at the 1397th meeting of the Ministers' Deputies), 2021: <https://www.coe.int/en/web/minorities/-/adoption-of-a-committee-of-ministers-resolution-on-latvia> (accessed 25.06.2021).

12 Кариньш: Латвия, скорее всего, не будет менять политику в отношении нацменьшинств, DELFI: <https://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/karinsh-latviya-skoree-vsego-ne-budet-menyat-politiku-v-otnoshenii-nacmenshinstv.d?id=52993349> (дата обращения 05.03.2021).

Перспективы образования на родных языках этнических меньшинств в современном политическом контексте

Несмотря на то, что в 2004 году латвийский Сейм ратифицировал Всеобщую конвенцию Совета Европы о защите национальных меньшинств, что заложило важные юридические основы для признания идентичностей этих групп населения в качестве одной из легитимных форм латвийской национальной идентичности, правящая партийная коалиция ориентирована на переход школ этнических меньшинств на латышский язык. Программы некоторых политических партий правящей коалиции («Нового Единства» и «Кому принадлежит государство») не содержат даже самого упоминания о наличии в Латвии этнических меньшинств^{13,14}, что исключает в этой среде и интерес к полноценному образованию на языках этих этнических групп. В то же время в программе радикального «Национального объединения», состоящего в правительственной коалиции, родной язык русского населения Латвии упоминается в негативной коннотации¹⁵. В предвыборной программе «Союза зеленых и крестьян», находящемся в оппозиции, за который голосует в основном латышский избиратель, в последнее время стало включаться положение о необходимости уважения к праву этнических меньшинств на сохранение языка и культуры¹⁶. В партийных программах правительственных «Новой консервативной партии» и партии «Развитию / За!» заявляется о необходимости государству создавать условия для «включения этнических меньшинств в латышский язык, культуру, мировоззрение при сохранении их языка и культуры». В «единой школе на государственном языке» предполагается для детей из этнических меньшинств предусмотреть «преподавание их языка и истории». Но в основном этнические меньшинства рассматриваются как социальные группы, которые необходимо активно включать в пространство «латышского языка, культуры и мировоззрения»¹⁷. Или в некоторой вариации предлагается «обеспечить всем детям обучение на латышском языке и возможность освоить часть учебного материала билингвально на языках этнических меньшинств и языках ЕС»¹⁸. Наличие в программных документах двух правительственных партий некоторых положений по сохранению идентичности этнических меньшинств можно рассматривать как некоторый шаг вперед по сравнению с ситуацией перед выборами нынешнего 13-го Сейма (2018), в котором все правительственные партии не упоминали в своих программах наличие в стране этнических меньшинств. Но в целом справедливо утверждать, что ведущие политические партии исходят из представлений о нацистроительстве в Латвии как незавершенном процессе, который нуждается в достижении лингвистической гомогенности публичного пространства.

Социал-демократическая партия «Согласие», обладающая крупнейшей фракцией в латвийском парламенте, за которую голосуют на выборах в основном

13 Krišjāņa Kariņa Programma Latvijas izaugsmei (Krišjānis Kariņš programme for Latvian growth): <https://www.vienotiba.lv/programma-latvijas-izaugsmei/> (accessed 12.04.2021).

14 Programma pašvaldību vēlēšanām Rīgā 2020 (Program for municipal elections in Riga 2020): <https://rd2020.cvk.lv/pub/kandidatu-saraksti/riga/politiska-partija-kpv-lv> (accessed 12.04.2021).

15 4000 zīmju programma (4000 characters program), 2021: <https://www.nacionalaapvieniba.lv/velesanas-kampanas/13-saeimas-velesanas/4000-zimju-programma/> (accessed 12.04.2021).

16 Latvijas Zemnieku savienība (Latvian Farmers' Union): <https://www.lzs.lv/par-mums/lzs-programma> (accessed 12.04.2021).

17 Jaunās konservatīvās partijas programma (Program of the new Conservative Party): <https://konservativie.lv/2014/05/17/jaunas-konservativas-partijas-programma/> (accessed 12.04.2021).

18 Attīstībai. Par! priekšvēlēšanu programma 13. Saeimas vēlēšanām (2021) (Development / For! Pre-election program 13. Saeima elections): <https://attistibaipar.lv/programma/pilna> (accessed 12.04.2021).

русскоязычное население, в своей программе акцентирует групповые этнокультурные ценности этой части населения (необходимость «обучения языкам традиционных национальных меньшинств Латвии в рамках системы образования», «использование языков национальных меньшинств в общении с институтами государства и самоуправлений в местах, где национальные меньшинства проживают традиционно или в значительном количестве, за применение норм Всеобщей конвенции о защите национальных меньшинств в полном объеме и отзыв оговорок (деклараций), сделанных при ратификации конвенции»¹⁹. Хотя в кратком варианте программы той партии «4 тысячи знаков», обнародованной к парламентским выборам 2014 года, вообще не упоминалось наличие в стране этнических меньшинств²⁰. Только серьезная потеря поддержки русскоязычного избирателя на выборах Сейма в 2018 году на уровне политических деклараций усилила акцентирование интересов русскоязычного населения. В частности, «Согласие» выступило за введение «факультативных программ на родном языке в столичных школах нацменьшинств»²¹. Кроме «Согласия» на интересы этнических меньшинств ориентируется также партия «Русский союз Латвии». В программе этой партии провозглашается достижение официального статуса для русского языка, государственных гарантий для русских школ и школ этнических меньшинств в целом²². Но «Русский союз» с 2010 года не был представлен в Сейме.

Отношение русской и латышской общественности к русской школе в Латвии

Гуманитарная и политическая актуальность проблемы сохранения школьного образования на русском языке в течение всего исторического периода с 1991 года стимулировала (правда, с разной степенью интенсивности) консолидационные процессы русской общественности Латвии. Хотя в начале 1990-х годов некоторые видные представители русской интеллигенции в Латвии не осознавали первоочередной необходимости в формировании институтов, воспроизводящих русскую этнокультурную идентичность, прежде всего в сфере образования. Часть русской интеллигенции полагала, что спадет волна латышского национализма с укреплением независимости государства, политические и гуманитарные проблемы латвийских русских решатся естественным путем. Например, председатель Латвийского общества русской культуры Юрий Абызов полагал, что «постепенно ликвидируется этнический дисбаланс... латышская интеллигенция спохватится: а где же наши русские друзья, которых мы растеряли, вернее, оттолкнули?»²³.

Все же в русской среде постепенно росло понимание необходимости собственных активных действий в защите образования на родном языке, которые были вызваны правительственной политикой реформирования школ этнических меньшинств в 2003 – 2004 годах и которые обнажились в 2017 году также под влиянием правительственных планов по переводу всего образования этнических меньшинств на латышский язык. В 2003 году создается Штаб защиты русских школ с целью «ненасильственного сопротивления

“реформе 2004”» для сохранения среднего образования на русском языке, объединивший многие русские общественные организации (Русская община Латвии, Русское общество в Латвии, Латвийская ассоциация русской молодежи и др.), включая белорусское общество «Прамень», Союз украинцев Латвии, правозащитников (Латвийский комитет по правам человека) и парламентскую партию «За права человека в единой Латвии» (ЗаПЧЕЛ). Одновременно Штаб призывал восстановить принципы Закона «Об образовании» 1919 года, который гарантировал автономию в школах этнических меньшинств²⁴. С середины 1990-х годов существует Латвийская ассоциация в поддержку школ с обучением на русском языке (ЛАШОР). В различные периоды своей деятельности ЛАШОР корректировал свои цели – от требования «доминирования родного языка в школьном образовании» (до середины 2000-х годов) и освоения латышского языка не только на профильных уроках («Латышский язык и литература») до «сохранения билингвального образования» в рамках интеграционного курса «Летоника» с 1 по 12 класс (в настоящее время)^{25,26,27} (Бухвалов, Плинер 2000, с. 68).

Некоторые представители латышской либеральной интеллигенции с 1991 года позитивно оценивали потребность местного русского населения в сохранении образования на русском языке и в конституировании в Латвии русской школы. Профессор Илга Апине еще в 1992 году считала законы, регулирующие латвийскую политику, фрагментарными²⁸. Естественность такого запроса со стороны русского населения связывалась с неизбежным процессом национально-культурной идентификации русских как «этнического меньшинства» Латвийской Республики, с его потребностью в самоорганизации²⁹. В 1990-е и в начале 2000-х годов часть латышских либеральных экспертов критически оценивала как некоторые стороны законов об образовании, так и националистические настроения в обществе в отношении законных запросов этнических меньшинств. В 2001 году авторы коллективной монографии «Аспекты интеграции малых групп (меньшинств) в Латвии» обоснованно прореагировали на призывы националистов ввести для этнических меньшинств образование только на латышском языке под предлогами «интеграции общества», ликвидации «сегрегации в системе образования на латышские и русские школы». Авторы фактически повторили позицию русской общественности по поводу необходимости сохранения образования на русском языке: «Возникает вопрос: разве единое содержание образовательного процесса можно достичь только введением одного языка как языка образования?... Законом о языках и об образовании необходимо реализовать равновесие в укреплении латышского языка и культуры и языков и культур этнических меньшинств» (Antāne et al. 2001, pp. 71-73, 77). Известные латышские ученые, исследовавшие процесс и результаты введения билингвального образования в школах этнических меньшинств уже в конце 1990-х – начале 2000-х годов, обращали внимание на противоречия и неполноту законов, регулировавших сферу образования. В исследовании 2002 года «Анализ процесса внедрения билингвального образования» обращается внимание на то, что «многие политики и работники образования допускают, что норма о возможности

24 О Штабе. Штаб защиты русских школ: <http://www.shtab.lv/main.php?w2=about> (дата обращения 05.12.2017).

25 Ассоциация в поддержку школ с обучением на русском языке начала сбор подписей против перехода на латышский язык (2017), Информационный портал фонда «Русский мир»: <https://russkiymir.ru/news/233218/> (дата обращения 08.11.2017).

26 Дубков, А. (2017), «Мы тоже Латвия!» Сегодня состоится митинг против перевода русских школ на обучение только на латышском языке, Baltnews: <http://baltnews.lv/news/20171023/1021222169.html> (дата обращения 23.10.2017).

27 Основные документы ЛАШОР, сайт Латвийской ассоциации в поддержку школ с обучением на русском языке: <http://www.lashor.lv/rus/ustav.php> (дата обращения 06.06.2021).

28 Новая русская диаспора. Русские за пределами Российской Федерации в бывшем СССР: история, идентичность и современное положение, материалы конференции, Юрмала, 13-15 ноября 1992, с. 28.

29 Там же, с. 122.

19 Программа социал-демократической партии «Согласие», 2021: <https://saskana.eu/ru/saskana-socialdemokratiskas-partijas-programma/#p-3-3> (дата обращения 24.01.2021).

20 “Saskaņa” sociāldemokrātiskā partija (“Harmony” Social Democratic Party), 2015: sv2014.cvk.lv (accessed 22.07.2015).

21 Там же.

22 Программа партии Русский союз Латвии на выборах 12-го Сейма, 2017: <http://www.rusojuz.lv/ru/partu/programma/23185-/> (дата обращения 05.12.2017).

23 Новая русская диаспора. Русские за пределами Российской Федерации в бывшем СССР: история, идентичность и современное положение, материалы конференции, Юрмала, 13-15 ноября 1992, с. 94.

только одного языка обучения в средних школах национальных меньшинств... была ошибочной» (Зепа 2002, с. 8). Но, следует признать, что подобный настрой части либеральной интеллигенции не получил поддержки правящего политического класса в Латвии. И это связано в том числе с незначительными позициями, которые занимает русская общественность в структуре государственной власти и управления, крупного бизнеса, науки, культуры, в средствах массовой информации и т.д. (Волков 2013, сс. 184-187), что не позволяет оказывать необходимое воздействие на принятие решений, касающихся этнических меньшинств.

Особенно зримо недостатки современного латвийского гражданского общества и утвердившаяся модель коммуникации государства и общества проявляются во фрагментарном характере независимой научной и общественной экспертизы проблем, касающихся этнических меньшинств, что не позволяет в должной степени представить законные интересы этих групп населения латышам, а также узаконить легитимные средства противодействию экстремистскому и откровенно расистскому потоку высказываний по отношению к праву латвийских русских получать образование на родном языке, который ежедневно заполняет социальные сети в Интернете³⁰. Одновременно чувствуется явный недостаток общественно-политических дискуссий, научных исследований о многокультурном характере латвийского общества, об уровне признания в латышской среде коллективной этнокультурной идентичности русского населения и ее закрепления и воспроизводства в системе образования. На официальном сайте Министерства образования и науки материалы последних по времени проведения немногих научных исследований, изучающих проблемы образования этнических меньшинств, датированы 2010 годом³¹. Причем в этих исследованиях подчеркивалась как раз ценность билингвальной формы образования, сочетающей преподавание на государственном языке и языке этнических меньшинств (Kļava et al. 2010, pp. 10-13; Vidusskolēnu... 2010, pp. 5-6). И нет ни одного исследования, которое бы показывало ценность для этнических меньшинств перевода всего их образования на государственный язык. Автор этой статьи в своих исследованиях на примере ситуации в Даугавпилсе, втором по численности населения городе страны, показал, что этнические группы (включая латышей) воспринимают школы этнических меньшинств прежде всего как институты «сохранения культурной и языковой идентичности» меньшинств, а не с негативной коннотацией (как свидетельство слабости позиций латышского языка в обществе или как канал реализации влияния иностранных государств) (Волков 2012, сс. 54-63).

Выводы. Весь период государственной эволюции в Латвийской Республике с 1991 года отмечен теми или иными формами общественно-политического размежевания между латышами и русским населением страны. В таких условиях чрезвычайно сужены возможности распространения принципов либерального мультикультурализма, открытого к позитивному признанию идентичностей этнических меньшинств как одной из форм национальной идентичности, что и является базисной предпосылкой для развития образования этих групп населения на их родных языках. Невостребованность либеральных и демократических ценностей в латвийском обществе и привела к крайнему ослаблению такого исторического и общественно-культурного явления, как русская школа Латвии.

³⁰ Foto: Ap 1000 protestētāju pie Ministru kabineta pieprasa krievu skolu autonomiju (A photo: about 1000 protesters at the Cabinet of ministers demand the autonomy of Russian school), 2017, DELFI: <http://www.delfi.lv/news/national/politics/foto-ap-1000-protestetaju-pie-ministru-kabineta-pieprasa-krievu-skolu-autonomiju.d?id=49456667> (accessed 17.11.2017).

³¹ Pētījumi (Research), 2021: <https://www.izm.gov.lv/lv/petijumi-0> (accessed 07.07.2021).

Источники

- Бухвалов, В.А., Плинер, Я.Г. (2000), *Проблемы и перспективы интеграции учащихся школ национальных меньшинств в латвийское общество*, Рига.
- Волков, В.В. (2012), "Интеграция общества в Латвии: позиции этнических меньшинств", *Социологические исследования*, № 4, сс. 54-63.
- Волков, В.В. (2013), "Демография русского населения Латвии в XX - XXI веках", *Этническая политика в странах Балтии*, ред. Полещук, В., Степанов, В., Наука, Москва, сс. 177-196.
- Гурин, А. (2005), "Даже Улманис не рискнул урезать права нелатышей в образовании", *Ракурс*, № 49 (136).
- Зепа, Б. (2002), *Анализ процесса внедрения билингвального образования*, Балтийский институт социальных наук, Рига.
- Новая русская диаспора. Русские за пределами Российской Федерации в бывшем СССР: история, идентичность и современное положение (1992), материалы конференции, Юрмала.
- Фейгмане, Т. (2000), *Русские в довоенной Латвии*, Балтийский Русский институт, Рига.
- Antāne, A., Cilēvičs, B., Muižnieks, N., Mežs, I. and Ziemele, I. (2001), "Social, political and legal aspects", in Ziemele, I. (Ed.), *Aspects of integration of minority groups in Latvia*, Institute of Human Rights, Faculty of Law, University of Latvia, Riga.
- Fomina, T. (2008), *Krievu valoda un literatūra. Vispārējās vidējās izglītības mācību priekšmeta programmas paraugs*, Izglītības satura un eksaminācijas centrs, Rīga.
- Kļava, G., Kļave, K. and Motivāne, K. (2010), *Latviešu valodas prasme un lietojums augstākās izglītības iestādēs: mazākumtautību izglītības satura reformas rezultāti*, Latviešu valodas aģentūra, Rīga.
- Neimane, A. (2008), *Literatūra. Vispārējās vidējās izglītības mācību priekšmeta programmas paraugs (1 variants)*, Izglītības satura un eksaminācijas centrs, Rīga.
- Vidusskolēnu pilsoniskās un lingvistiskās attieksmes, *apgūstot mazākumtautību izglītības programmas* (2010), pētījuma ziņojums, Baltic Institute of Social Sciences, Rīga.

doi: 10.53658/RW2021-1-1-105-114

Russian School in the Socio-Political Space of Latvia (1991 – 2021)

Vladislav V. Volkov

Institute of Philosophy and Sociology – University of Latvia (Riga, Latvia).

Abstract. Russian-language teaching schools, or bilingual schools, are the most important institution for the reproduction of the ethno-cultural collective identity of the Russian and Russian-speaking population in modern Latvia. The present and future of these schools are included in a very complex legal and socio-political context. On the one hand, Latvian legislation proclaims the right of ethnic minorities to preserve their identity, on the other hand, the dominant political discourse is focused on reducing teaching in Russian in these schools to a minimum. The article shows that it is the political context constructed by the leading political parties, and not the rights guaranteed by the constitution to ethnic minorities, that is the main factor that leads to a sharp weakening of Russian (bilingual) education in Latvia. The research material is based on the Latvian legislation in the field of education and language, the programs of political parties, the data of scientific research of Latvian sociologists, including the author of the article, expert assessments of scientists and public figures of the process of education of ethnic minorities.

Keywords: Russian school, bilingual education, ethno-cultural identity, political parties

About the author: Vladislav Viktorovich VOLKOV – DSc (Soc.), senior researcher, Institute of Philosophy and Sociology – University of Latvia. ORCID: 0000-0001-9593-2641. Address: Kalpaka bulv. 4, Riga, Latvia, LV-1050. E-mail: vladislavs.volkovs@inbox.lv.

References

- Antāne, A., Cilēvičs, B., Muižnieks, N., Mežs, I. and Ziemele, I. (2001), "Social, political and legal aspects", in Ziemele, I. (Ed.), *Aspects of integration of minority groups in Latvia* ["Sociālie, politiskie un juridiskie aspekti", *Mazākumgrupu (minoritāšu) integrācijas aspekti Latvijā*], Institute of Human Rights, University of Latvia, Riga (in Lettish).
- Bukhvalov, V.A. and Pliner, Y.G. (2000), *Problems and prospects of integration of students of national minority schools into Latvian society* [Problemy i perspektivy integratsii uchashchikhsya shkol natsional'nykh men'shinstv v latviiskoe obshchestvo], Riga (in Russian).
- Feigmane, T. (2000), *Russians in pre-war Latvia* [Russkie v dovoennoi Latvii], Baltic Russian Institute, Riga (in Russian).
- Fomina, T. (2008), *Russian language and literature. Sample program of the subject of secondary education* [Krievu valoda un literatūra. Vispārējās vidējās izglītības mācību priekšmeta programmas paraugs], Education and examination centre, Riga (in Lettish).
- High School Students' Civil and Linguistic Attitudes in Studying in Education Programmes for Minorities [Vidusskolēnu pilsoniskās un lingvistiskās attieksmes, apgūstot mazākumtautību izglītības programmas], 2010 research report, Baltic Institute of Social Sciences, Riga (in Lettish).
- Gurin, A. (2005), "Even Ulmanis did not dare to cut the rights of non-young people in education" ["Dzīve Ulmanis ne risknol urezat' prava nelatyshei v obrazovani"], *Rakurs*, No. 49 (136) (in Russian).
- Kļava, G., Kļave, K. and Motivāne, K. (2010), *Latvian language proficiency and use in higher education institutions: results of the minority education reform* [Latviešu valodas prasme un lietojums augstākās izglītības iestādēs: mazākumtautību izglītības saturas reformas rezultāti. Rīga: Latviešu valodas aģentūra], Latvian language agency, Riga (in Lettish).
- Neimane, A. (2008), *Literature. Sample program of the subject of general secondary education (1 option)* [Literatūra. Vispārējās vidējās izglītības mācību priekšmeta programmas paraugs (1 variants)], Education and examination centre, Riga (in Lettish).
- Volkov, V.V. (2012), "Integration of society in Latvia: the positions of ethnic minorities" ["Integratsiya obshchestva v Latvii: pozitsii etnicheskikh men'shinstv"], *Sociologicheskie Issledovaniya*, No. 4, pp. 54-63 (in Russian).
- Volkov, V.V. (2013), "Demography of the Russian population of Latvia in 19th - 20th centuries", in Poleshchuk, V., Stepanov, V., *Ethnic policy in the Baltic States* ["Demografiya russkogo naseleniya Latvii v XIX - XX vekakh", *Etnicheskaya politika v stranakh Baltii*], Nauka, Moscow, pp. 177-196 (in Russian).
- The new Russian Diaspora. Russians outside the Russian Federation in the former USSR: history, identity and current situation [Novaya russkaya diaspora. Russkie za predelami Rossiiskoi Federatsii v byvshem SSSR: istoriya, identichnost' i sovremennoe polozhenie], 1992 conference papers, Jurmala (in Russian).
- Zepa, B. (2002), *Analysis of the process of implementing bilingual education* [Analiz protsessa vnedreniya bilingval'nogo obrazovaniya], Baltic Institute of Social Sciences, Riga (in Russian).

doi: 10.53658/RW2021-1-1-115-125

Народная дипломатия как информационно-коммуникативная технология: потребность, возможности, перспектива

Габриелян О.А., Габриелян Г.О.

Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Симферополь, Россия).

Аннотация. В статье обосновывается необходимость использования социально-гуманитарных технологий в период геополитической нестабильности мира как механизма выработки новых мер для преодоления локальных и глобальных проблем. Современная народная дипломатия определяется как информационно-коммуникативная технология с новыми качественными характеристиками. Дается определение народной дипломатии как социально-гуманитарному феномену, имеющему свои особенности и не тождественному публичной дипломатии или ее частному виду – культурной дипломатии. Рассматриваются виды народной дипломатии и ее возможности. Общетеоретические выкладки применяются к ситуации, сложившейся в отношениях западных стран и Украины к России и Крыму после их воссоединения. Анализируется современная повестка обсуждения крымского кейса в практике таких международных организаций, как ООН и ОБСЕ. Ставится вопрос о необходимости смены повестки с межгосударственной на гуманитарную. В этом крымском кейсе выделяется такой вид народной дипломатии, как научная, то есть роль и возможности международного научного сообщества в мирном решении возникших гуманитарных проблем.

Ключевые слова: социально-гуманитарная технология, народная дипломатия, публичная дипломатия, крымский кейс, научные коммуникации, научное сообщество, гуманитарные проблемы

Об авторах: Олег Аршавинович ГАБРИЕЛЯН – доктор философских наук, профессор, декан философского факультета Таврической Академии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. ORCID: 0000-0003-0302-0229. Адрес: 295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Вернадского, 4. E-mail: gabroleg@mail.ru. Геворг Олегович ГАБРИЕЛЯН – кандидат политических наук, начальник Отдела международного сотрудничества и протокола Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. ORCID: 0000-0001-5068-0049. Адрес: 295007, Республика Крым, г. Симферополь, пр-т Вернадского, 4. E-mail: ggevorg@list.ru.

Сегодня стало совершенно очевидным, что современный мир проходит стадию активной турбулентности. Принципы, которые позволяли сдерживать деструктивные силы, перестали работать. Нарушился баланс геополитических и геоэкономических сил и, как следствие, те, кто на данном этапе оказался в более выгодных условиях, хотя бы этим воспользоваться. Но история свидетельствует о

том, что эта задача настолько сложная, что никто не в состоянии прогнозировать развитие событий не только в среднесрочной перспективе, но и в краткосрочном формате. Часы Судного дня, даже как метафора, не в состоянии передать ситуацию нестабильного мира, в котором мы живем. Пандемия коронавируса добавила новое измерение неопределенности, которое только усугубило положение. Все эти утверждения не носят публицистического характера и могут быть вполне научно обоснованы.

Возникает закономерный вопрос: существуют ли невоенные технологии, которые позволили бы сохранять мир в период глобальной турбулентности? Очевидно, что даже военные технологии, например ядерные, теряют свой потенциал сдерживания. С одной стороны, растет число стран, обладающих соответствующими технологиями и, как следствие, ядерным оружием, с другой – увеличивается риск ядерной войны. Более того, изобретены новые виды оружия, чья разрушительная сила сопоставима по своим последствиям с применением ядерного оружия.

Становится очевидным, что необходимо разрабатывать новые технологии сдерживания от скатывания в горячие фазы локальных и глобальных конфликтов. Мы видим, как широко применяются в последнее время экономические санкции, как отработаны политические технологии смены элит и режимов, активно используются культурные технологии (и самая известная из них – технология вестернизации).

Фокус нашего внимания будет сосредоточен на такой социально-гуманитарной технологии, как народная дипломатия. Это отнюдь не новая технология, но в эпоху цифровизации и виртуализации социальных коммуникаций она приобретает новые возможности, а главное, начинает формироваться технологически. В отечественной научной литературе довольно основательно разработаны методологические вопросы (Дятченко 1993; Иванов 1996; Маргулян 2010; Оганян 2008). Но при этом недостаточно внимания уделялось технологическим вопросам, а тем более методическим, то есть технологии не доводились до потребительского состояния, как это можно наблюдать в западной академической и практико-ориентированной литературе (Melissen 2005(a); 2005(b); Zartman and Rasmussen 1996; Nossel 2004).

В истории можно найти множество интересных и эффективных примеров народной дипломатии, но нынешний этап ее развития имеет свои качественные характеристики.

1. Во-первых, как мы отметили, она становится социально-гуманитарной технологией, то есть она приобретает все признаки технологии и продукта реализации этой технологии. Этот заранее запланированный результат достигается путем определенного алгоритмизированного, целенаправленного воздействия на субъекты информационно-коммуникативных сетей. В научной литературе сложился термин «социальная технология», но, на наш взгляд, обозначение этой технологии как социально-гуманитарной отражает колоссальную значимость человеческого фактора в этом процессе.

2. Во-вторых, новые СМИ, основанные на цифровом формате, интерактивности и мультимедийности, качественным образом усиливают указанную технологичность и получаемый результат.

3. В-третьих, повседневная реальность, дополненная виртуальной, значительно расширяет возможности коммуникаций. Более того, им придают новые качественные характеристики: высокую степень независимости, скорости коммуникации, полимодальность.

4. В-четвертых, расширяются и совершенствуются формы, методы, механизмы социально-гуманитарных технологий, а такие их функции, как позиционирующие, стимулирующие, стабилизирующие, прогнозирующие и проектирующие,

приобретают в современных условиях дополнительное смысловое содержание (Грызова 2021, с. 80-83).

Современную народную дипломатию следует рассматривать как социально-гуманитарную технологию с отмеченными выше характеристиками. Но что, собственно, она представляет собой? Сложность ее определения заключается в том, что смысловое ударение, которое используется в том или ином случае, множит их количество. Было бы правильно в широком смысле определять ее как активное участие гражданского общества в решении различного рода социально-гуманитарных проблем путем формирования необходимого общественного мнения с целью преодоления этих проблем при помощи конструктивного диалога.

Как известно, народная дипломатия имеет ряд преимуществ по сравнению с дипломатией официальной. Последняя ограничена определенным официальным регламентированным языком, реализуемой государственной политикой и различными законами. Народная дипломатия говорит на нескольких языках (формы проявления), и хотя реализуется в том или ином законодательном поле, но менее ограничена государственной политикой, в известном смысле более гибкая и, если так можно выразиться, более экспериментальная. Может создавать и пробовать новые инструменты, идеи, механизмы для достижения социально значимых целей, тем самым открывая межгосударственному диалогу новые перспективы для разрешения возникших проблем.

Народную дипломатию часто отождествляют с публичной дипломатией, которую проводят государственные органы для формирования позитивного образа страны (Мартыненко 2012, с. 57-60). Целевой группой публичной дипломатии, как правило, выступают собственно народы, общественность тех или иных стран. Публичная дипломатия – это «мягкая сила» государства, механизм доведения до международной общественности целей своей политики (Нье 1990; 2004; 2011). Ее отличает государственный характер – и в этом ее ключевое отличие от народной дипломатии (Лебедева 2017; Бурлинова 2021).

Последняя имеет ту же целевую группу, но ожидаемый от нее результат иной. Для нее важно добиться снижения уровня конфликтности на межгосударственном, международном уровне. Это значит, что сама общественность должна повлиять на государственную политику, скорректировать ее неприятием насильственных и гибридных (разрушительных по гуманитарным последствиям) форм противостояния. Публичная политика должна всегда сопровождать официальную, дополнять ее, в то время как народная актуализируется в кризисные периоды, когда необходимо предпринимать хотя бы какие-то гуманитарные шаги, чтобы предотвратить горячий конфликт, дать время ему остыть и найти на официальном уровне новые решения по преодолению кризиса (Долинский 2012; Зонина 2003; 2012).

Было бы неверным утверждать, что государство не пытается координировать деятельность народной дипломатии, влиять на нее. Но оно понимает, что в этом случае ослабляет в ней творческую активность гражданского общества. Государственная регламентация народной дипломатии, попытка включить ее в рядовой арсенал государственной дипломатии, лишает последнюю творческого потенциала гражданских инициатив, площадки для обсуждения любых острых проблем с целью поиска возможных компромиссов, решений серьезных проблем, когда даже невозможно бывает приступить к официальному диалогу.

Учитывая, что за государством и его дипломатией, в том числе публичной, стоят значительные ресурсы, кадры, системность и систематичность работы, нетрудно прийти к выводу, что народная дипломатия значительно уступает официальной дипломатии. Это вообще несоизмеримые величины. Но ранее отмеченные качества

креативности, экспериментальности, доверительности, моральной авторитетности придают народной дипломатии очень важные преимущества. Если бы их не было, то не возник бы сам феномен народной дипломатии, в нем не было бы никакой потребности. В век глобализации и доминирования новых мощных цифровых форм коммуникации возрастает потенциал народной дипломатии и, как следствие, потребность в ней также возрастает.

Если говорить о языке народной дипломатии, то он многообразен. Это язык культуры, спорта, искусства, науки и т.п. Язык народной дипломатии не ограничен официальными преградами, а его главное преимущество состоит в том, что он искренен и опирается на авторитет лидеров общественного мнения. Именно это в конечном итоге определяет значимость морального потенциала народной дипломатии.

Система народной дипломатии посредством культурных взаимодействий, различных форм информационных коммуникаций позволяет доводить до участников диалога основные смыслы разных культур и раскрывать особенности мировоззрения их представителей. Каждый народ осмысляет и осваивает мир по-своему, уникальным образом, на своем собственном символическом языке. В связи с этим есть необходимость диалога, чтобы взаимно прояснять эти особенности.

Язык спорта сублимирует агрессию в форму безопасной соревновательности. Язык культуры обогащает человечество как единую гуманитарную целостность. Возникает вопрос: какие возможности открывает народная дипломатия в форме информационно-коммуникативного взаимодействия мирового научного сообщества? Постараемся ниже ответить на этот вопрос и обосновать его крымским кейсом.

Отметим, что народной дипломатии присуща гуманистическая составляющая, потому как народы мира, взаимодействуя и объединяясь через образование, культуру, спорт, науку, предпринимают совместные усилия в борьбе с угрозой войны, по предотвращению распространения наркотиков, противодействию торговле людьми и другим социально опасным явлениям во имя всеобщего блага. Возможно, это звучит пафосно, но даже самые малые результаты этих усилий – это спасенные человеческие жизни.

Народной дипломатии присуща гражданская активность. Главная ее цель – формирование доверия между людьми, народами и, как следствие, государствами.

Постараемся уточнить еще одно важное обстоятельство: насколько коррелирует описанное выше представление о народной дипломатии с тем, что происходит в западном мире, который позиционирует себя как центр лидерства в этой сфере и реализует на практике вполне успешно соответствующие социально-гуманитарные технологии.

В научной и практико-ориентированной западной литературе активно используется понятие публичной дипломатии (public diplomacy) и культурной дипломатии (cultural diplomacy) как ее составной части. Смысловое наполнение этих понятий в отечественной литературе существенно не отличается. Как правило, в обоих случаях имеют в виду усилия государства по построению позитивного образа конкретной страны в общественном мнении других стран. Некоторые расхождения наблюдаются в применении термина «народная дипломатия».

На Западе деятельность, которую мы описали как народная дипломатия, осуществляют неправительственные организации, то есть такие структуры, которые относятся к институтам гражданского общества. Они могут осуществлять ее самостоятельно, так как источники их финансирования могут быть значительно более разнообразными и мощными, чем это встречается в российской действительности. Соответствующие организации активно развиваются и в России. Государство и

частный бизнес оказывают общественным организациям все большую финансовую поддержку, но пока несравнимо меньшую, и отношения между этими акторами только формируются, нарабатывается опыт эффективного взаимодействия. Таким образом, можно констатировать, что российская действительность и активность в ней общественных организаций коррелируется с западными реалиями, но в ней закрепился термин «народная дипломатия» как имеющий свою нишу социальной активности, не совпадающий полностью с публичной дипломатией, которая имеет более выраженный официальный характер.

Народная дипломатия: крымский кейс

Наши рассуждения о народной дипломатии не только имеют теоретический научный интерес, но и связаны непосредственно с проектом, который мы обозначили здесь как «крымский кейс». Речь идет об активном использовании народной дипломатии в разрешении проблем на украинском направлении, которые пытаются создать западные государства для России исходя из своих геополитических интересов.

После крымского референдума 2014 года произошло историческое воссоединение Крыма с Россией. Это не оценочное суждение, а исторически свершившийся факт. Какие бы спекуляции ни велись относительно этого референдума и самого акта воссоединения, непреложным остается тот факт, что это было свободное волеизъявление подавляющего большинства крымчан. И если геополитические противники России дают этому факту противоположную трактовку и применяют против него и, собственно, самих крымчан всевозможные санкции, то они сами девальвируют демократические ценности, превращая их в разменную монету политического торга.

Оппоненты могут заявить, что данное утверждение уязвимо, так как сформулировано на языке пропагандистских штампов. Но объективные показатели, которыми должна руководствоваться политическая наука, свидетельствуют о том же. Например, на протяжении всех лет независимости Украины ее Восток и Крым голосовали против украинских националистов и их идеологии. Как правило, население юго-востока Украины голосовало за любые политические силы, которые обещали нормальные отношения с Россией, и за особый статус русского языка. Можно привести и другие вполне объективные данные, свидетельствующие о добровольном воссоединении Крыма с Россией, но в логике антироссийской борьбы ее геополитических противников эта объективность не имеет никакого значения, и даже очередные резолюции ООН не желают констатировать эту объективность. Эти резолюции становятся политическим оправданием различного рода санкций не только против Российской Федерации, но также против крымчан.

В связи с этим возникает задача замены проблемы геополитического противостояния гуманитарной. ООН не носит названия «Организации Объединенных Государств». В ее названии фигурирует слово «нация», и это не только символично, но и существенно и сущностно, так как открывает перспективу для решения возникших проблем в формате обсуждения прав народов и прав человека. В связи с этим крымский кейс надо рассматривать как гуманитарную ситуацию. И так как борьба против крымчан приняла системный характер, то и противостоять ей следует системно и последовательно.

К настоящему времени можно выделить следующие этапы крымского кейса:

1) референдум и его последствия;

- 2) системное давление на Россию и крымчан, оформление такой политики в единый западный проект;
- 3) резолюции ООН;
- 4) жизнь в ситуации взаимного непризнания;
- 5) выход на «плато» стабильного развития Крыма в составе России, признание де-факто статуса Крыма как неотъемлемой части России;
- 6) признание де-юре мировым сообществом воссоединения Крыма с Россией.

Очевидно, что некоторые этапы уже пройдены, а некоторые еще предстоит пройти. Программа вполне ясна и имеет аналоги в истории международных отношений. Она вполне реализуемая и перспективная. Не менее очевидно, что такой программе будет оказываться мощное противодействие.

Народная дипломатия вполне оправданно нашла свое место в этом процессе. Первые ее результаты начали проявляться прежде всего в активности национально-культурных автономий болгар, греков, немцев, которые смогли наладить взаимные визиты делегаций в Крым, Болгарию, Грецию, Германию. Как правило, в таких делегациях принимали участие различные представители общественности, в том числе и научного сообщества. В этих и других странах были созданы «Клубы друзей Крыма», на систематической основе стали проводиться различные форумы. Была создана Черноморская ассоциация международного сотрудничества (ЧАМС)¹, а 6 февраля 2020 года в Керчи была создана другая международная организация – Ассоциация городов античного наследия Северного Причерноморья. В этих организациях изначально заложен значительный компонент международного научного сотрудничества, касающийся, например, исторических и археологических исследований. Имеет смысл отметить, что они никогда и не прекращались, но после воссоединения Крыма с Россией приобрели особую значимость и символичность. Не потому, что ученые включились в политическое противостояние, а потому, что они продемонстрировали важность научного общения и его косвенное влияние на стабилизацию ситуации вокруг Крыма.

Ведущими акторами в крымском кейсе народной дипломатии первыми стали национальные автономии болгар, немцев и греков. Еще в 2015 году членом Общественной палаты РФ, председателем национально-культурной автономии болгар Крыма И.И. Абажером была организована поездка в Болгарию крымской делегации с участием министра культуры Республики Крым В.В. Новосельской. С этого же года начинаются посещения Крыма делегациями из Германии, Греции, той же Болгарии, позже – Италии и других стран. В рамках форума ЧАМС Крым посещают сотни представителей десятков стран. Среди них – политики, бывшие чиновники разного уровня, журналисты, общественные деятели, представители культуры, спорта, науки.

Эти визиты не решают главной дипломатической задачи России – международного признания большинством государств Крыма как ее составной части, признания свободного волеизъявления крымчан, но тем не менее имеют свое важное значение. Иначе ей не противодействовали бы с той отчаянностью, которую демонстрируют западные страны и Украина. Принимаются антироссийские, в частности антикрымские, санкции, разрабатываются соответствующие программы противодействия крымской народной дипломатии. В поддержку последней начали включаться региональные журналисты, лидеры религиозных общин.

Все проводимые ими мероприятия можно отнести к первому этапу крымского кейса. Отметим, что республиканские власти также активно осваивают и продвигают эту технологию. Глава Республики С.В. Аксенов поручил вести эту

работу своему заместителю Г.Л. Мурадову, чей дипломатический опыт посла как нельзя лучше для нее подходит. В свою очередь, председатель Государственного Совета Крыма В.А. Константинов поручил это направление работы профильному комитету, в связи с чем он был переименован в «Комитет по народной дипломатии и межнациональным отношениям». Совместно с Государственным комитетом по делам межнациональных отношений Республики Крым был выработан соответствующий документ – «Концепция народной дипломатии Республики Крым». В январе 2021 года он был разослан руководителям национально-культурных автономий и общественным организациям Республики Крым. Хотя за основу были взяты наработки одного из авторов данной статьи, профессора О.А. Габриеляна, при принятии его на государственном уровне не учли ряд обстоятельств, поэтому он, по сути, стал документом по публичной дипломатии. Тем не менее сам факт его принятия свидетельствует о переходе к новому этапу реализации народной и публичной дипломатии крымского кейса.

Выход на площадки ОБСЕ и ООН представителей национально-культурных автономий Крыма – болгар (И.И. Абажера), немцев (Ю.К. Гемпеля – председателя Комитета по народной дипломатии и межнациональным отношениям Государственного Совета Республики Крым), представителей ряда общественных организаций крымских татар, крымских журналистов (Андрея Трофимова, Марии Волконской и др.), представителей мусульманского духовенства Крыма (Эсадуллах Баиров) – свидетельствовал о начале следующего этапа народной и публичной дипломатии. Они начали идти не только параллельным курсом, но и с возрастающей степенью взаимодействия.

На данном этапе их главная задача – переформатировать международную повестку ОБСЕ и ООН из межгосударственной в гуманитарную. По крайней мере обозначить их равнозначность. А в гуманитарной повестке актуальными становятся все направления народной и публичной дипломатии. К гуманитарным проблемам, с которыми столкнулся Крым после воссоединения с Россией, следует отнести в первую очередь всевозможные санкции, которые направлены в конечном счете против крымчан, против людей. В этом заключается их антигуманный характер.

Всеобщая декларация прав человека, принятая резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН в 1948 году, обозначила гуманистические параметры этой организации. Ее вторая статья гласит: «Каждый человек должен обладать всеми правами и всеми свободами, провозглашенными настоящей Декларацией, без какого бы то ни было различия, как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения. Кроме того, не должно проводиться никакого различия на основе политического, правового или международного статуса страны или территории, к которой человек принадлежит, независимо от того, является ли эта территория независимой, подопечной, самоуправляющейся или как-либо иначе ограниченной в своем суверенитете». Следующая статья провозглашает право человека на жизнь, свободу и личную неприкосновенность. Но можно ли иначе толковать энергетическую, продовольственную, транспортную и водную блокаду крымчан, ограничения на их передвижения, как только не нарушение их гуманитарных прав?²

Не менее важным в этом плане является переформатирование крымской повестки на гуманитарную в ОБСЕ. Во-первых, стоит вспомнить Декларацию

1 См.: Черноморская ассоциация международного сотрудничества (ЧАМС): <http://bsaic.ru>.

2 Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.

по агрессивному национализму, принятую ОБСЕ в 1993 году, как источнику современных конфликтов. Принимаемые Украиной законы по коренным народам, по языку и др., а главное, действия, предпринимаемые на их основе, полностью подпадают под характеристику агрессивного национализма. Ситуация усугубляется тем, что агрессивный национализм стал государственной идеологией и политикой Украины. Во-вторых, надо напомнить этой международной организации о декларированном ею содержании «трех корзин» основных средств обеспечения безопасности:

«Первая корзина», или политико-военное измерение:

- контроль над распространением вооружений;
- дипломатические усилия по предотвращению конфликтов;
- меры по построению доверительных отношений и безопасности.

«Вторая корзина», или экономическое и экологическое измерение:

- экономическая и экологическая безопасность.

«Третья корзина», или человеческое измерение:

- защита прав человека;
- развитие демократических институтов;
- мониторинг выборов³.

В этой связи трудно утверждать, что крымский кейс не имеет гуманитарного измерения, а сводится лишь к межгосударственному конфликту Украины и России.

Конечно, сложно добиться решения тех или иных проблем в ситуации, когда решение принимается консенсусом. Но важно сформировать новую гуманитарную повестку дня по Крыму в этих международных организациях. И здесь роль народной дипломатии может быть весьма значимой.

Не менее значимым является и то, что результатом ее (народной дипломатии – прим. автора) активности может стать признание Крыма де-факто. Именно этого обстоятельства пытается избежать Украина.

Отмеченные нюансы в повестке дня ООН и ОБСЕ можно было наблюдать на площадках этих организаций, непосредственно участвуя (О.А. Габриелян) на соответствующих сессиях этих организаций в 2018 – 2019 годах в Варшаве и Женеве. Поэтому данный крымский кейс – это итог не только теоретического осмысления проблемы, но и осмысления приобретенного опыта работы на отмеченных международных площадках, а также работы на площадке Общественной палаты РФ, встречах в МИДе РФ, в Департаменте международных связей Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, тесного взаимодействия с исполнительными и законодательными органами Республики Крым.

Этот опыт позволяет сформулировать некоторые рабочие принципы народной дипломатии:

1) Политика «малых дел», направленная не на увеличение количества участников мероприятий (за немногочисленными исключениями), а на активизацию действий различных референтных групп, в первую очередь в сферах образования, науки, культуры и бизнеса.

2) Осуществление международной деятельности как на территории региона, так и за рубежом, в особенности в тех странах, где у Крыма присутствуют соответствующие интересы или диаспоры которых находятся в Крыму. В этой связи национально-культурным автономиям отводится особая роль в поддержании связей с «материнскими странами».

³ Обязательства ОБСЕ в области человеческого измерения (2006), ОБСЕ/БДИПЧ, Варшава: http://web.archive.org/web/20070611021256/http://www.osce.org/publications/odihr/2005/09/16237_442_ru.pdf; http://web.archive.org/web/20091015194907/http://www.osce.org/publications/odihr/2005/09/16238_441_ru.pdf.

3) Ориентация мероприятий на молодежную среду, в том числе с использованием ресурсов «новых медиа» (социальные сети, блоги и т.д.).

4) Конкретная адресная помощь субъектам народной дипломатии Республики Крым.

5) Грантовая поддержка некоммерческих think-tank, позволяющая иметь пул экспертов по проблематике. В настоящее время мы в этом плане уступаем нашим оппонентам.

В заключение мы хотели бы выделить в крымском кейсе научные коммуникации, так как достаточно осведомлены о ситуации в этой сфере. Санкции против Крыма напрямую или косвенно наложили ограничения на научные коммуникации в различных формах: академические обмены, публикации, научные конференции. По сути, это нарушение фундаментальных прав представителей крымского научного сообщества. Тем не менее в современном мире в век Интернета и глобальных социальных сетей их коммуникации невозможно блокировать полностью. Оппоненты выбора крымчан непродуктивно тратят ресурсы, пытаясь ухудшить качество коммуникаций, но не могут их полностью заблокировать. Продолжается международное сотрудничество крымских ученых, преодолеваются преграды и в публикационной деятельности, а в период пандемии онлайн-конференции стали общепринятой практикой. Конечно, некоторые зарубежные коллеги иногда «опасаются» крымских контактов, но это скорее исключение, чем правило. Научное сообщество, как и наука в целом, работает по принципам народной дипломатии, что ей было присуще изначально по ее природе.

В завершение написания этой статьи стало известно, что 22 июля 2021 года Российская Федерация впервые в своей истории обратилась в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) с жалобой на государство Украина⁴. В ней четко просматривается смена повестки дня относительно Крыма, о которой мы писали выше: «Российская Федерация обратилась в Европейский Суд по правам человека с межгосударственной жалобой против Украины на основании статьи 33 Конвенции о защите прав человека и основных свобод». Но этот тезис начал активно звучать в дискурсе народной дипломатии значительно раньше.

Источники

Бурлинова, Н. (2021), «Публичная дипломатия России в эпоху COVID-19», *Ежегодный обзор основных трендов и событий публичной дипломатии России в 2020 г.: доклад Российского совета по международным делам (РСМД)*, № 71.

Грызова, У.И. (2012), «Социальные технологии: информационно-коммуникативная типология», *Интеллект. Инновации. Инвестиции*, № 3, сс. 80-83.

Долинский, А. (2012), «Что такое общественная дипломатия и зачем она нужна России?», *Российский совет по международным делам, режим доступа: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-takoe-obshchestvennaya-diplomatiya-i-zachem-ona-nuzhna/>*.

Дятченко, Л.Я. (1993), *Социальные технологии в управлении общественными процессами*, Центр социальных технологий, Белгород.

Зонова, Т.В. (2003), *Современная модель дипломатии. Истоки становления и перспективы развития*, РОССПЭН, Москва.

Зонова, Т.В. (2012), «Публичная дипломатия и ее акторы. НПО – инструмент доверия или агент влияния?», *Российский совет по международным делам, режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=681*.

Иванов, В.Н. (1996), *Социальные технологии в современном мире*, Изд-во Волго-Вятской академии гос. службы, Москва и Нижний Новгород.

⁴ См. официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=63838459>.

- Лебедева, М.М. (2017), "Публичная дипломатия: исчезновение или новые горизонты?", *Публичная дипломатия: Теория и практика*, Москва.
- Маргулян, Я.А., (2010), *Социальные технологии управления обществом: региональный уровень*, Издательство Санкт-Петербургской академии управления и экономики, Санкт-Петербург.
- Мартыненко, Е.В., Матвиенко В.В. (2012), "Народная (общественная) дипломатия в контексте современного межгосударственного общения", *Вестник РУДН, серия Международные отношения*, № 1, сс. 57-60.
- Оганян, К.М., Бразевич, С.С., Маргулян, Я.А. и др. (2008), *Социальные технологии и современное общество*, С.-Петерб. гос. инженер.-экон. ун-т, Санкт-Петербург.
- Сурмин, Ю.П., Туленков, Н.В. (2004), *Социальные технологии: учеб. пособие*, МАУП, Киев.
- Melissen, J. (2005a), *The New Public Diplomacy: between theory and practice*, Palgrave Macmillan, New York.
- Melissen, J. (2005b), *The New Public Diplomacy: soft power in international relations*, Palgrave Macmillan, Basingstoke.
- Natsios, A.S. (1996), "An NGO Perspective", in Zartman, I.W. and Rasmussen, J.L. (Ed.), *Peacemaking in International Conflicts: Methods and Techniques*, United States Institute of Peace, Washington D.C., pp. 337-361.
- Nossel, S. (2004), "Smart Power", *Foreign Affairs*, Vol. 83, No. 2, pp. 131-142.
- Nye, J. (2004), *Soft Power: The Means to Success in World Politics*, Public Affairs, New York.
- Nye, J.S. (1990), *Bound to lead: the changing nature of American power*, Basic Books, New York.
- Nye, J.S. (2011), *The future of power*, PublicAffairs, New York.

doi: 10.53658/RW2021-1-1-115-125

People's Diplomacy as an Information and Communication Technology: necessity, opportunities, perspectives

Oleg A. Gabrielyan, Gevorg O. Gabrielyan

V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Republic of Crimea).

Abstract. The article proves the necessity of implementing socio-humanitarian technologies during ongoing global geopolitical instability. Modern people's diplomacy is defined as information and communication technology with new qualitative characteristics. The authors (1) provide a definition of people's diplomacy as a social and humanitarian phenomenon with a range of distinctive characteristics, that differentiates it from public diplomacy or, in particular, cultural diplomacy, and identify the types of public diplomacy and its potential. General theoretical calculations are applied to the relations of Western countries and Ukraine to Russia and Crimea after reunification. Based on the analysis of the modern agenda of discussing the Crimean case in the practice of such international organizations as the UN and the OSCE, the authors raise the question of changing the agenda from interstate to humanitarian. Within the study the authors highlight the scientific type of people's diplomacy, the attention is focused on the role and opportunities of the international scientific community in the peaceful settlement of the humanitarian problems.

Keywords: social and humanitarian technology, people's diplomacy, public diplomacy, the Crimean case, scientific communications, the scientific community, humanitarian problems

About the authors: Oleg Arshavirovich GABRIELIAN – DSc (Philos.), Professor, Dean of the Faculty of Philosophy, V.I. Vernadsky Crimean Federal University. ORCID: 0000-0003-0302-

0229. Address: Vernadsky Ave 4, Simferopol, Republic of Crimea 295007. E-mail: gabroleg@mail.ru. Gevorg Olegovich GABRIELIAN – CandSc (Polit.), head of division of International Cooperation and Protocol of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. ORCID: 0000-0001-5068-0049. Address: Vernadsky Ave 4, Simferopol, Republic of Crimea 295007. E-mail: ggevorg@list.ru.

References

- Burlinova, N. (2021), "Russian Public Diplomacy in the Era of COVID-19" ["Publichnaya diplomatiya Rossii v epokhu COVID-19], *Annual Review of the Main Trends and Events of Russian Public Diplomacy in 2020: Report of the Russian International Affairs Council*, No. 71 (in Russian).
- Dolinsky, A. (2012), "What is public diplomacy and why does Russia need it?" ["Chto takoe obshchestvennaya diplomatiya i zachem ona nuzhna Rossii?"], Russian Council on International Affairs, available at: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-takoe-obshchestvennaya-diplomatiya-i-zachem-ona-nuzhna-/> (in Russian).
- Dyatchenko, L.Y. (1993), *Social technologies in the management of social processes* [Sotsial'nye tekhnologii v upravlenii obshchestvennymi protsessami], Center for Social Technologies, Belgorod (in Russian).
- Gryzova, U.I. (2012), "Social technologies: information and communication typology", *Intellect. Innovation, Investment* ["Sotsial'nye tekhnologii: informatsionno-kommunikativnaya tipologiya", *Intellect. Innovatsii, Invesii*], No. 3, pp. 80-83 (in Russian).
- Ivanov, V.N. (1996), *Social technologies in the modern world* [Sotsial'nye tekhnologii v sovremennom mire], Publishing house of the Volgo-Vyatka Academy of State Service, Moscow and Nizhny Novgorod (in Russian).
- Lebedeva, M.M. (2017), "Public Diplomacy: Disappearance or New Horizons?", *Public Diplomacy: Theory and Practice* ["Publichnaya diplomatiya: ischeznovenie ili novye gorizonty?"], *Publichnaya diplomatiya: Teoriya i praktika*, Moscow (in Russian).
- Margulyan, Y.A., (2010), *Social Technologies of Society Management: Regional Level* [Sotsial'nye tekhnologii upravleniya obshchestvom: regional'nyi uroven], Publishing House of the St. Petersburg Academy of Management and Economics, St. Petersburg (in Russian).
- Martynenko E.V. and Matvienko V.V. (2012), "People's (public) diplomacy in the context of modern interstate communication", *RUDN Bulletin, International relations series* ["Narodnaya (obshchestvennaya) diplomatiya v kontekste sovremennogo mezhgosudarstvennogo obshcheniya", *Vestnik RUDN, seriya Mezhdunarodnye otnosheniya*], No. 1, pp. 57-60.
- Melissen, J. (2005a), *The New Public Diplomacy: between theory and practice*, Palgrave Macmillan, New York.
- Melissen, J. (2005b), *The New Public Diplomacy: soft power in international relations*, Palgrave Macmillan, Basingstoke.
- Natsios, A.S. (1996), "An NGO Perspective", in Zartman, I.W. and Rasmussen, J.L. (Ed.), *Peacemaking in International Conflicts: Methods and Techniques*, United States Institute of Peace, Washington D.C., pp. 337-361.
- Nossel, S. (2004), "Smart Power", *Foreign Affairs*, Vol. 83, No. 2, pp. 131-142.
- Nye, J. (2004), *Soft Power: The Means to Success in World Politics*, Public Affairs, NY.
- Nye, J.S. (1990), *Bound to lead: the changing nature of American power*, Basic Books, New York.
- Nye, J.S. (2011), *The future of power*, Public Affairs, New York.
- Ohanyan, K.M., Brazevich, S.S., Margulyan, Y.A. et al. (2008), *Social technologies and modern society* [Sotsial'nye tekhnologii i sovremennoe obshchestvo], St. Petersburg.
- Surmin, Y.P., Tulenkov, N.V. (2004), *Social technologies* [Sotsial'nye tekhnologii], Kiev.
- Zonova, T.V. (2003), *The Modern Model of Diplomacy. The origins of formation and development prospects* [Sovremennaya model' diplomatii. Istoki stanovleniya i perspektivy razvitiya], ROSSPEN, Moscow (in Russian).
- Zonova, T.V. (2012), "Public diplomacy and its actors. NGOs are an instrument of trust or an agent of influence?" ["Publichnaya diplomatiya i ee aktory. NPO – instrument doveriya ili agent vliyaniya?"], Russian Council on International Affairs, access mode: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=681 (in Russian).

Национальный исследовательский институт развития коммуникаций

приглашает к сотрудничеству в научных проектах

Результаты совместных научных исследований публикуются в журналах, коллективных монографиях, научных докладах. Разработанные рекомендации и предложения направляются в правительственные учреждения и международные организации.

Коммуникационные режимы и коммуникационные порядки в международной практике: международная научная лаборатория открыта для ученых и экспертов из России и зарубежных стран. Тематические линии исследований:

- теория и методология исследования коммуникационных режимов в странах и регионах;
- модуляция и фрагментация мирового коммуникационного порядка;
- модели и типы страновых коммуникационных режимов;
- социокультурные факторы формирования и воспроизводства коммуникационных режимов;
- политические факторы формирования и воспроизводства коммуникационных режимов;
- управляемость коммуникационных режимов;
- дружелюбность коммуникационных режимов;
- проблемы информационной безопасности в некоторых типах коммуникационных режимов;
- влияние новых акторов и новых практик на правила и структуры коммуникационных режимов.

Первый рейтинг дружелюбности коммуникационных режимов – международная экспертная группа открыта для ученых, аналитиков, специалистов в области международных отношений, политической регионалистики, международной коммуникации, информационной политики, социальной инженерии, связей с общественностью, масс-медиа. Национальный исследовательский институт развития коммуникаций разработал методику анализа и оценки дружелюбности страновых коммуникационных режимов. Первый рейтинг дружелюбности коммуникационных режимов стран будет опубликован в декабре 2021 года. Приглашаем ученых и аналитиков из разных стран войти в состав экспертов.

Международные гуманитарные коммуникации – научный проект открыт для ученых и экспертов из России и зарубежных стран. Проект реализуется с целью разработки и апробации моделей и технологий международных гуманитарных коммуникаций, направленных на развитие добрососедских отношений. Тематические линии исследований:

- системы международного гуманитарного сотрудничества в интеграционных объединениях (СНГ, ШОС, ЕАЭС, ЕС и другие);
- институционализация международных гуманитарных коммуникаций;
- трансграничные, приграничные модели гуманитарных коммуникаций;
- стратегии и приоритеты языковой и культурной политики стран добрососедства;
- политика социальной памяти в странах добрососедства;
- цифровые форматы международных гуманитарных коммуникаций.

Пояс добрососедства – научный проект открыт для ученых и экспертов из России и зарубежных стран. Пояс добрососедства – группа стран, с которыми граничит Российская Федерация, и стран, с которыми Россия непосредственно не граничит, но исторически имеет или налаживает культурные, хозяйственные, политические связи. Проект направлен на поиск направлений, перспективных участников, моделей и технологий развития добрососедских отношений, профилактику возможных конфликтов и улучшение взаимопонимания между странами и народами. Участники проекта свободны в выборе тематик исследования при условии формирования международных коллективов и их соответствия концепту добрососедства. Концепт добрососедства отражает содержательную и ценностную сторону соседства – мир, взаимопомощь, уважение ценностей и традиций друг друга, расширение сфер и инструментов сотрудничества.

Цифровые решения межкультурного, межнационального, межконфессионального диалога. Мониторинг цифровых проектов открыт для авторов проектов межкультурного, межнационального, межконфессионального диалога из России и зарубежных стран. Цель мониторинга – выявление и поддержка лучших проектов в сфере межкультурного, межнационального, межконфессионального диалога в цифровой среде. Национальный исследовательский институт развития коммуникаций содействует популяризации и реализации лучших цифровых решений для развития межкультурного, межнационального и межконфессионального диалога.

Международные НКО и гражданские коммуникации – международная лаборатория, открыта для экспертов из России и зарубежных стран. Цель научного проекта – разработка предложений по оптимизации использования ресурсов международных НКО для развития добрососедских отношений и дружелюбного гражданского диалога. Тематические линии исследований:

- организационно-правовые, культурные, политические, экономические факторы деятельности международных НКО;
- модели и технологии работы международных НКО.

Научная дипломатия – научный и издательский проект открыт для ученых из России и зарубежных стран. Проект направлен на развитие научных коммуникаций в странах добрососедства и разработку моделей международного научного сотрудничества. Тематические линии исследований:

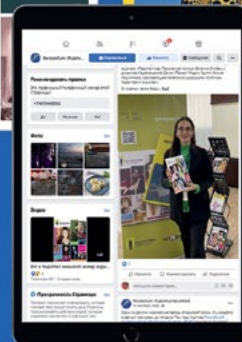
- государственная политика и стратегии стран в сфере международного научного сотрудничества;
- совершенствование направлений и инструментов межстрановых научных коммуникаций;
- дипломатическая миссия ученых;
- новые технологии сотрудничества молодых ученых.

Национальный исследовательский институт развития коммуникаций содействует в развитии программ международной мобильности молодых ученых. Аспиранты и начинающие ученые из разных стран включаются в проекты Института и в совместные проекты Института и научно-образовательных учреждений России и зарубежных стран.

В следующих выпусках журнала «Россия и мир: научный диалог – Russia & World: Sc. Dialogue» мы продолжим знакомить вас с проектами Национального исследовательского института развития коммуникаций. Участие в исследованиях вы можете обсудить с руководителями проектов, направив заявку по адресу: komleva@nicrus.ru.

ОН-ЛАЙН МЕДИА И ИЗДАТЕЛЬСТВО

perspéctum

Оформи подписку на журналы и получи подарок!

Адрес издательства:
Москва, Коробейников пер.,
д. 22, стр. 1
+7 (495) 146-83-02
project_media@perspectrum.info

facebook.com/PerspectrumMedia

instagram.com/perspectrumMedia

t.me/perspectrum

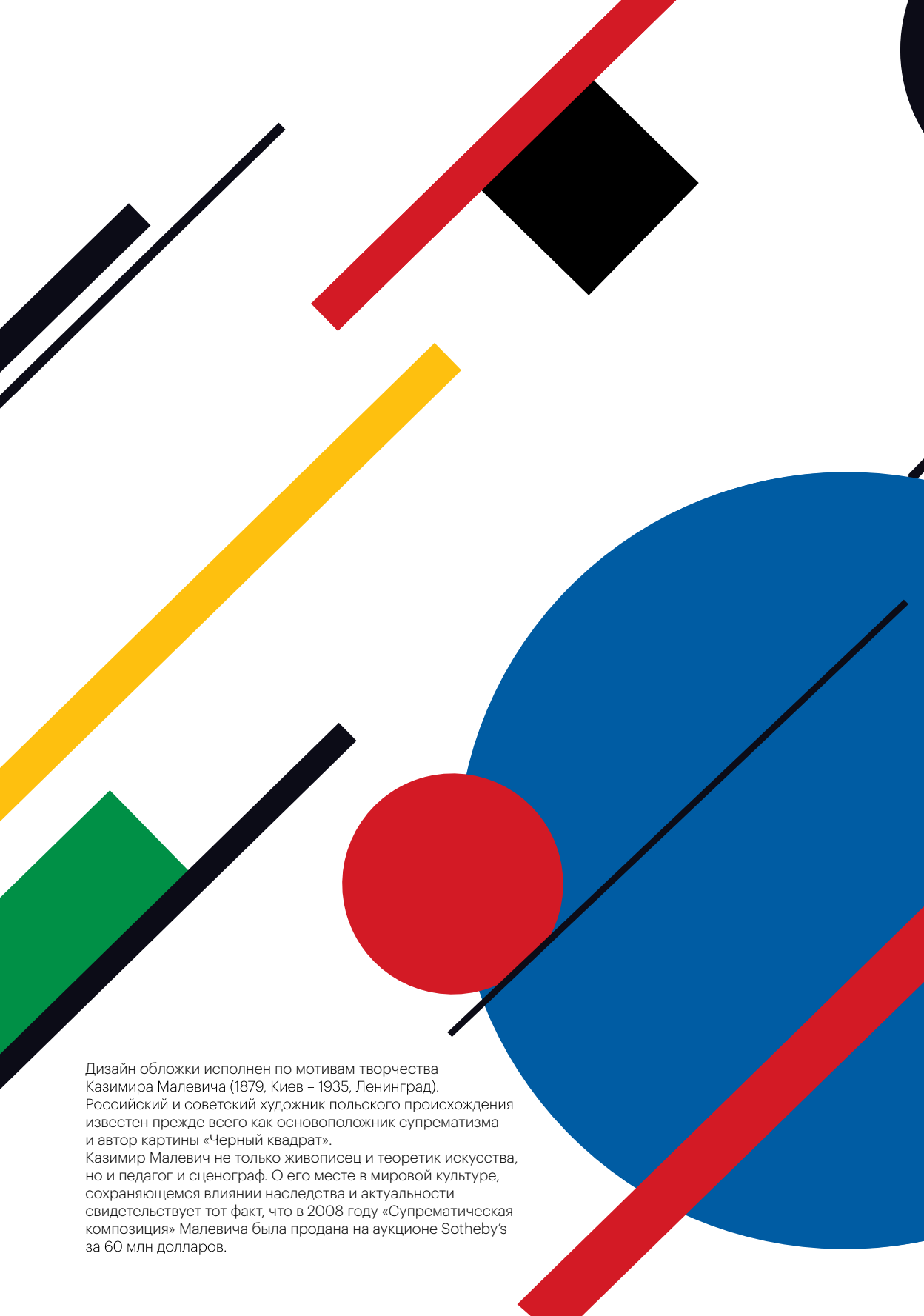
perspectrum.info

Макет и предпечатная подготовка
Издательский дом «Проект Медиа Групп» (Департамент медиапроектов)
г. Москва, Гагаринский пер., 5, стр. 1, эт. 2, оф. 2
Тел. +7 495 146 83 02

Подписано в печать 27.09.2021

Отпечатано ОАО «Подольская фабрика офсетной печати»
Московская область, г. Подольск, Революционный проспект, 80/42

Тираж 2000 экз.

Дизайн обложки исполнен по мотивам творчества Казимира Малевича (1879, Киев – 1935, Ленинград). Российский и советский художник польского происхождения известен прежде всего как основоположник супрематизма и автор картины «Черный квадрат». Казимир Малевич не только живописец и теоретик искусства, но и педагог и сценограф. О его месте в мировой культуре, сохраняющемся влиянии наследства и актуальности свидетельствует тот факт, что в 2008 году «Супрематическая композиция» Малевича была продана на аукционе Sotheby's за 60 млн долларов.